ГОДЪ II-й

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ПРОТИВОСЕКТАНТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1897 ГОДЪ

Май. | Книга 1-я.

„Яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы“. Іоанн. XX, 21.

„Идите паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева“. Мѳ. X, 6.

„Скорбь ми есть велія по братіи моей“. Римл. IX, 1—3.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, домъ № 22.
1897.

Содержаніе 1-й кн. за Май

журнала „Миссі нерское Обозрѣніе“ за 1897 годъ.

I. **Къ предстоящему всероссійскому миссіонерскому съѣзду въ Казани. В. Скворцова.** . . . . 347—363

II. Проэктъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію 3-го всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда. . . . . . . 363—366

III. **О постановленіяхъ и распоряженіяхъ власти, касающихся миссіи и расколосектантства:**

Распоряженіе екатеринославскаго и тверскаго епарх. начальства о собраніи свѣденій о мѣстныхъ сектахъ и расколѣ *по особо составленнымъ для сего программамъ.*—Къ вопросу о заведеніи при церквахъ миссіонеркихъ *лѣтописей* и архипастырское разъясненіе важности и *необходимости дневниковъ* по миссіонерской дѣятельности приходскихъ пастырей. . . . 366—377

IV. **Секта духоборцевъ** (продолженіе): Внѣшняя исторія секты отъ начала XIX вѣка до настоящаго времени. Проф. Кіев. Ак. Св. **Ѳ. Титова.** . . . . 377—388

V. **Архимандритъ о. Павелъ (Прусскій) и его противораскольничья дѣятельность** (продолженіе). *Н. Беренскаго.* . . . . 389—396

VI. **Мечта о золотомъ вѣкѣ.** (Очеркъ изъ современной жизни интеллигентныхъ нововѣровъ) *С. Броницкаго* . 396—416

VII. **Миссіонерство, секты и расколъ.** (Хроника). . . 416—437
Принципіальное разъясненіе св. Синода объ отношеніяхъ земскихъ начальниковъ и другихъ исполнительныхъ органовъ администраціи и суда къ дѣлу пресѣченія расколосектантства. Ауто-да-фе на православномъ кладбищѣ больной кобылы и разбирательство штундовыхъ дѣлъ въ праздникъ Благовѣщенія. Награжденіе Библіей мірянъ за миссіонерскую дѣятельность. Расколосектантство, какъ тормазъ просвѣщенія и источникъ дикихъ суевѣрій. Самарская секта „циниковъ“. Тираспольская драма съ заживозамурованными раскольниками и ея виновники. Фанатизмъ Московскихъ гласныхъ думы раскольниковъ. Мрачный толкъ „Морельщиковъ“ въ расколѣ. **Э. Я.**

VIII. **Библіографія.**

а) Новые труды по исторіи русскаго раскола (изъ исторіи русскаго раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ вып. I. изслѣд. Лилеева). Проф. К. ак. *С. Т. Голубевъ.* 438—451

б) Іеремонахъ *Арсеній.* Бесѣды съ сектантами—пашковцами о разныхъ церковныхъ обрядахъ. Священ. *А. Слюсарева.* . . . . 451—453

IX. **Замѣтка.**

Приглашеніе гр. Л. Н. Толстого Шекерами. . . . 453—454

Къ предстоящему всероссійскому миссіонерскому съѣзду.

I.

Св. Сѵнодъ явилъ новое выраженіе своего высокаго вниманія и живаго попеченія о преуспѣяніи внутренней миссіи отечественной Церкви. Въ одномъ изъ предпасхальныхъ своихъ засѣданій онъ призналъ за благо издать распоряженіе о созывѣ на 1-е іюля текущаго года, въ г. Казани, *всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда*. Епархіальнымъ начальствамъ высшею церковною властію предложено командировать на съѣздъ *трехъ* делегатовъ, (а именно: двухъ миссіонеровъ—противораскольничьяго и противосектантскаго, и преподавателя семинаріи по каѳедрѣ исторіи и обличенія раскола и сектантства) и вмѣстѣ доставить съѣзду надлежащія свѣдѣнія о состояніи раскола и сектантства въ епархіяхъ и объ устройствѣ и дѣйствіяхъ мѣстной миссіи. Съѣзду предоставлено продолжать свои совѣщанія въ теченіи *2-хъ недѣль*, т. е. до 15-го іюля. Высокопреосвященный Архіепископъ Казанскій Владиміръ, извѣстный въ исторіи миссіонерства дѣятель, принялъ на себя попеченіе относительно устроенія внѣшней жизни делегатовъ съѣзда на время пребыванія ихъ въ Казани. Предстоящій съѣздъ обѣщаетъ быть весьма *многолюднымъ*, такъ какъ, независимо отъ оффиціальныхъ членовъ его, несомнѣнно пожелаютъ sua sponte принять участіе въ совѣщаніяхъ и многіе изъ подвизающихся на миссіонерскомъ поприщѣ, въ томъ числѣ пастыри приходовъ, особо зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ, окружные

миссіонеры епархій, председатели братствъ, ревнующіе о дѣлѣ вразумленія заблудшихъ міряне.

Казанскій съѣздъ будетъ по счету *третьимъ всероссійскимъ* миссіонерскимъ съѣздомъ: первый состоялся въ 1887 году въ Москвѣ, а второй въ 1891 году тоже въ Москвѣ. Такимъ образомъ со времени послѣдняго съѣзда прошло почти 6 лѣтъ.

Мѣстомъ для новаго съѣзда избранъ Св. Сѵнодомъ восточный центръ духовной жизни Россіи—Казань, сколько намъ извѣстно, по многимъ соображеніямъ, благопріятствующимъ ходу совѣщаній предстоящаго миссіонерскаго съѣзда. Между прочимъ имѣлось въ виду и то, что при тамошней академіи существуетъ *миссіонерское отдѣленіе,* которое хотя имѣетъ свои особыя задачи, но общія начала и духъ миссіонерства присущи этой академіи наиболѣе, чѣмъ гдѣ либо. Затѣмъ при тамошней академіи имѣется обширная противораскольничья библіотека, недавно пополненная новыми, цѣнными и въ своемъ родѣ единственными, пособіями по обличенію раскола,—древне-церковными книгами и матеріалами, съ которыми весьма полезно миссіонерамъ познакомиться непосредственно. Въ Казани образцово организованы извѣстнымъ ученымъ расколовѣдомъ и полемистомъ, проф. академіи Н. И. Ивановскимъ, практическія собесѣдованія, которыя могутъ быть во время съѣзда проведены, въ присутствіи миссіонеровъ, дѣйствительно въ образцовомъ видѣ.

Вниманіе высшаго духовнаго начальства остановилось на этомъ культурномъ центрѣ великой Руси, повидимому, еще и потому, что Поволжье представляетъ собою въ настоящее время едва-ли не самый крупный и въ то-же время опасный, хотя и забытый очагъ сектантства какъ раціоналистическаго, такъ особенно мистическаго; силенъ въ этомъ краѣ старообрядческій расколъ, организовавшій здѣсь (напр., въ нижегородской епархіи) для всей Россіи распорядительный центръ

бѣглопоповства и австрійскаго толка. Словомъ, ни Юго-западный край, съ Кіевомъ во главѣ, ни Новороссія съ Одессою— не могутъ идти въ сравненіе съ Поволжьемъ, относительно количественнаго и качественнаго роста стараго и новѣйшаго сектантства, между тѣмъ какъ организація дѣла церковнаго и особенно административнаго и общественнаго воздѣйствія на сектантство оставляетъ здѣсь желать многаго: возвышеніе и оживленіе борьбы съ мѣстными сектами и расколомъ въ этомъ краѣ представляется дѣломъ неотложной важности. Предполагается, что миссіонерскій съѣздъ въ Казани дастъ побужденіе и средства не только къ всестороннему выясненію положенія дѣлъ борьбы миссіи съ сектантствомъ и расколомъ этого обширнаго края, но и къ усиленію организованнаго воздѣйствія на пресѣченіе здѣсь дальнѣйшаго развитія расколо-сектантства.

Въ Казань безъ особаго затрудненія могутъ прибыть на миссіонерскій съѣздъ заинтересованные въ нелегкой борьбѣ съ мѣстнымъ пагубнымъ сектантствомъ не только миссіонеры, но и пастыри не однихъ поволжскихъ епархій, но и съ Дона, изъ восточныхъ епархій Европейской Россіи, а также и изъ западной Сибири и Кавказа, гдѣ угнѣздились численные центры всевозможныхъ сектъ и раскольничьихъ толковъ.

Можно надѣяться, не оставятъ съѣздъ своимъ просвѣщеннымъ руководственнымъ участіемъ и сами архипастыри этого края, среди которыхъ извѣстны имена доблестно потрудившихся подвигомъ миссіонерства. Въ прошломъ съѣздѣ 1891 г. живое участіе принималъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ приснопамятный архипастырь—миссіонеръ, преосвящ. бывшій Уфимскій, Діонисій, преосвящ. Виссаріонъ, нынѣ епископъ Костромской, еп. Александръ, бывшій Калужскій.

Есть и еще одно предположеніе въ пользу избранія Казани мѣстомъ для миссіонерскаго съѣзда. Казань—главный

просвѣтительный центръ инородческихъ элементовъ, населяющихъ восточную Русь, а потому Казанскій съѣздъ не долженъ-ли остановить свое вниманіе и на обсужденіи также вопросовъ миссіи Церкви среди христіанъ-инородцевъ? Громкое Мультанское дѣло, затѣмъ сложное дѣло съ образованіемъ, въ Вятской губерніи среди крещенныхъ инородцевъ, своеобразной секты, подъ именемъ «Когусорты», возлагаютъ обязанность на внутреннюю миссію, доселѣ стоявшую какъ-то вдали отъ этой сферы, расширить въ этомъ отношеніи свои задачи и серьезно подумать о мѣрахъ и способахъ борьбы *съ двоевѣріемъ,* коренящимся въ христіанахъ—инородцахъ восточной Россіи. Для осуществленія же этой цѣли миссіонерскаго съѣзда болѣе соотвѣтственнаго ему мѣста нельзя было избрать, какъ Казань.

Журналъ «Миссіонерское Обозрѣніе», какъ органъ внутренней миссіи, съ восторгомъ привѣтствуетъ настоящее многополезное распоряженіе высшей церковной власти, и отмѣчаетъ оное, какъ актъ великой важности въ исторіи миссіонерскаго дѣла, обѣщающій и самому дѣлу, и дѣятелямъ его много благихъ послѣдствій. Одно уже вниманіе высшей церковной власти къ дѣлу миссіи способно пробудить и вызвать больше вниманія и заботъ къ успѣху миссіи въ правящихъ епархіальныхъ сферахъ, и въ правительствѣ, въ печати, и въ свѣтскомъ обществѣ. Въ то-же время нашъ миссіонерскій журналъ считаетъ полезнымъ для успѣховъ совѣщаній предстоящаго съѣзда, теперь-же заблаговременно, на страницахъ своихъ высказать мнѣнія и соображенія миссіонеровъ, составляющихъ въ большинствѣ своемъ съ редакціею одну тѣсно-сплоченную единствомъ моральныхъ интересовъ семью, о важности задачъ предстоящаго съѣзда, и намѣтить предметы и вопросы, кои, по указаніямъ опытныхъ дѣятелей миссіи, должны-бы подлежать компетентному разрѣшенію авторитетной

коллегіи многочисленныхъ спеціалистовъ, имѣющихъ къ мѣсяцу Іюлю съѣхаться въ г. Казань, со всей Россіи.

II.

Итакъ, *въ чемъ-же заключаются задачи 3-го миссіонерскаго съѣзда?*

Судя по нынѣшнему состоянію раскола и сектантства и взвѣшивая требованія и запросы нашей современной церковно-общественной жизни и мысли относительно миссіи Церкви, задачи предстоящаго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда должны быть такъ-же жизненны, широки и важны, какъ и само миссіонерское служеніе въ Церкви, которое все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ себѣ (хотя и цѣною большихъ усилій и скорбей!) и въ глазахъ правительства, и общества, и серьезной печати—почтенное положеніе «учрежденія» великой церковно-государственной важности. Да иначе и быть не можетъ, если только вникнуть, какія великія стороны народнаго духа и церковно-общественной жизни объемлетъ миссіонерство своею святою просвѣтительною дѣятельностью, какія высокія функціи выполняетъ оно, какія духовныя, культурныя блага несетъ народу и государству. Внутренняя миссія несетъ спасеніе и нравственное успокоеніе духовно-мятущимся и гибнущимъ въ сомнѣніяхъ всѣмъ и каждому дорогимъ братьямъ,—этимъ несчастнымъ жертвамъ религіознаго невѣжества, фанатизма, лукавства и обмана ловкихъ эксплоататоровъ священныхъ чувствъ вѣры нашаго набожнаго народа,—возвращеніе въ объятія Матери-Церкви отпавшихъ ея чадъ,—огражденіе здороваго организма православнаго народа отъ растлѣнія пагубными лжеученіями не только религіозными, но и соціальными, съ особымъ усиліемъ нынѣ стремящимися, подъ маскою религіознаго вольномыслія, проникнуть въ народное міровоззрѣніе,—охрану и защиту, наконецъ, вѣковыхъ святынь отечественной вѣры и Церкви—

этой коренной основы государственной жизни Россіи,—отъ дерзкаго оскорбленія, навѣтовъ, порицанія и поруганія со стороны многочисленныхъ враговъ православія и проч. При открытіи 2-го Московскаго съѣзда, епископъ Виссаріонъ, раскрывая въ своей рѣчи важность и трудность миссіонерскаго служенія, назвалъ послѣднее «равноапостольнымъ». Такой характеръ и высокая важность миссіонерскаго дѣла въ нашей церковно-государственной жизни сами собою опредѣляютъ мѣсто и значеніе періодическихъ съѣздовъ практическихъ дѣятелей миссіи. Ясно, что миссіонерскіе съѣзды отнюдь не представляютъ собою результата увлеченія господствующей въ наше время модой на всевозможные съѣзды. Нѣтъ, наши съѣзды вызываются существомъ самаго служенія миссіонерскаго, насущными потребностями и дѣйствительными нуждами внутренней миссіи, какъ дѣла сложнаго и важнаго, какъ служенія по преимуществу практическаго и жизненнаго, опирающагося въ своемъ поступательномъ движеніи, главнымъ образомъ, на указанія опыта и наблюденій, а не на канцелярскія предписанія и кабинетныя теоретическія измышленія доктринеровъ. Въ пользу высокаго жизненнаго значенія миссіонерскихъ повторительныхъ съѣздовъ говоритъ и самая организація внутренней миссіи русской Церкви. Какъ извѣстно, послѣдняя не имѣетъ постоянно-дѣйствующаго централизующаго органа, подобнаго, напримѣръ, католическому учрежденію «Propaganda Fidei», или протестантскимъ централизующимъ миссіонерскимъ институтамъ. А потому періодическіе миссіонерскіе съѣзды въ данномъ случаѣ являются главнымъ *объединяющимъ и направляющимъ миссіонерское дѣло органомъ;* результаты совѣщаній спеціалистовъ миссіонерскаго дѣла служатъ основаніями для тѣхъ или другихъ мѣропріятій и распоряженій церковной и гражданской власти по дѣламъ расколо-сектантства и миссіонерства.

Живая потребность въ миссіонерскихъ повторительныхъ съѣздахъ усматривается, далѣе, и изъ *самаго характера нашего раскола и сектантства*. Русское сектантство и расколъ, какъ извѣстно, отличаются крайнею неустойчивостью догмы и склонностью къ постоянной измѣняемости въ своемъ ученіи, культѣ, бытѣ, въ отношеніяхъ къ постановленіямъ господствующей Церкви и къ формамъ современной, общественной и государственной, жизни. Все это требуетъ тщательнаго наблюденія за внутреннимъ и внѣшнимъ состояніемъ расколо-сектантства и частыхъ провѣрокъ. Наблюденія эти составляютъ особую область сектовѣдѣнія. Разновременно накопляющіеся путемъ частныхъ наблюденій матеріалы по сектовѣдѣнію необходимо періодически подвергать общему единообразному обсужденію со стороны спеціалистовъ-дѣятелей миссіи и разрѣшенію по существу. Только тогда и можно безошибочно подвести точные итоги происходящимъ въ жизни расколо-сектантства явленіямъ, вѣрно установить взглядъ на общее современное его состояніе, и ясно опредѣлить, гдѣ и отъ какихъ причинъ происходитъ упадокъ, или возрастаніе, гдѣ вырожденіе, или перерожденіе. Только при посредствѣ всероссійскаго съѣзда практическихъ дѣятелей миссіи можетъ быть произведенъ общій осмотръ положенія дѣлъ миссіи Церкви, взвѣшены силы и средства вражьяго стана, опредѣлены главные центры враговъ и передовые дѣятели—распространители расколо-сектантства, а также надлежаще взвѣшены результаты дѣйствій и мѣръ, предпринимаемыхъ Церковью, государствомъ и обществомъ; опредѣлены общія и частныя причины и условія, питающія или ослабляющія расколо-сектантство, и указаны вѣрныя мѣры, способы и средства борьбы съ этимъ злымъ недугомъ нашей церковно-общественной жизни. Ненадо забывать, что всѣ болѣзненныя явленія въ области народнаго сектантства представляются настолько сложными, что поставить имъ правильный діагнозъ безъ консиліума

специалистовъ не всегда возможно: при зарожденіи и образованіи новыхъ толковъ и сектъ и вообще въ религіозно-сектантскихъ движеніяхъ наблюдатели имѣютъ дѣло безусловно съ *психопатіей,* притомъ не одного только субъекта, а цѣлой темной массы, дѣйствующей безразсудно, стадно, фанатически приверженной къ традиціямъ.

Чтобы наглядно убѣдиться, насколько существенна для успѣховъ сектовѣдѣнія потребность въ періодическихъ миссіонерскихъ съѣздахъ вообще, а въ предстоящемъ Казанскомъ въ частности,—довольно бросить хотя-бы только бѣглый взглядъ на происшедшія въ мірѣ расколо-сектанства за истекшее послѣ втораго съѣзда пятилѣтіе, сколько важныя, столько же новыя, интересныя событія и явленія. Такъ, напр., въ расколѣ безпоповщины установлено новое *раціоналистическое*, въ духѣ сектантства движеніе, ярко выразившееся (въ нижегородской губерн.) въ видѣ секты «немоляковъ», а также *изувѣрное,* въ видѣ толка «морельщиковъ» или «красносмертовъ» (владимірской губерн.). Въ *поповщинскихъ* толкахъ раскола замѣчено появленіе многочисленныхъ еретическихъ воззрѣній и ново-догматствованій. Въ нѣдрахъ *раціоналистическаго* сектантства за послѣдніе 5 лѣтъ появился цѣлый рядъ новыхъ толковъ и сектъ, каковы, напр., малеванство, адвентизмъ, субботство, толстовство,—въ старомъ духоборчествѣ образовалась новая анархическая секта «постниковъ», штунда ассимилировалась съ пашковщиною, баптизмъ съ штундою, молоканство поглощается штундою, которая подъ именемъ старыхъ «донскихъ толковъ» удобно укрывается отъ воздѣйствія новаго закона 4 Сентября 1894 года. Въ текущихъ сообщеніяхъ печати то и дѣло отмѣчаются случаи появленія странныхъ сектъ съ новыми названіями, хотя, по видимому, и съ признаками, присущими извѣстнымъ уже толкамъ; такова, наприм., секта «паніашковцевъ», открытая въ Самарской губерніи, секта «марьяновцевъ»—въ Херсон-

ской губерніи, секта «серафимовцевъ» или «Еленушкинъ-толкъ»—въ Псковской губ. и др. Въ большинствѣ подобныхъ открытій и сообщеній скрывается съ одной стороны—неправоспособность или вѣрнѣе—невѣжество наблюдателей, для которыхъ всякая секта кажется новою, а также вредный для успѣховъ миссіи произволъ относительно терминологіи и номенклатуры сектантскахъ толковъ. Миссіонерскому съѣзду необходимо серьезно заняться установкою точной классификаціи родовыхъ и видовыхъ отличій сектъ между собою, а для этого требуется точное установленіе существенныхъ признаковъ и опредѣленіе степени церковной и государственной вредности какъ старыхъ, такъ и вновь появившихся сектъ, на основаніи совокупности наблюденій миссіонеровъ.

Даже въ нѣдрахъ *мистическаго* сектантства, сравнительно болѣе неподвижнаго и окаменѣлаго въ своихъ формахъ,—и тутъ замѣчается въ послѣдніе годы своеобразное и небезопасное броженіе, выражающееся въ явныхъ дѣйствіяхъ тайныхъ изувѣрныхъ сектъ, въ измѣненіи своего культа, въ новыхъ видахъ и формахъ гнусности (мармонство), что порождаетъ рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ въ отношеніяхъ къ послѣдователямъ этихъ сектъ со стороны Церкви, правительства и закона, и въ самой миссіонерской практикѣ.

По всѣмъ этимъ и подобнымъ вопросамъ изъ области сектовѣдѣнія предстоящій съѣздъ долженъ дать довлѣющее разъясненіе и постановить болѣе или менѣе авторитетное рѣшеніе.

Но не менѣе сложныя и важныя задачи предстоятъ Казанскому съѣзду и въ области *сектообличенія* и вообще въ сферѣ *миссіонерской практики,* обнимающей собою способы, средства и методы воздѣйствія па поколебленную вѣру и совѣсть отпадшихъ. Эта область миссіи такъже много-

сложна, широка, а главное—*неопредѣленна,* какъ многочисленны и разнообразны виды и формы нашего расколо-сектантства, какъ не одинаковы мѣста и условія, среди которыхъ приходится ратоборствовать миссіонерамъ на необозримомъ пространствѣ нашего православнаго отечества, какъ безконечно разнообразно умственное и религіозное состояніе субъектовъ, подлежащихъ уврачеванію миссіи, какъ, наконецъ, тонки и безконечно своеобразны ухищренія враговъ православія. Познакомить дѣятелей миссіи со всѣмъ обширнымъ матеріаломъ миссіонерскаго опыта, представить во всей полнотѣ искренности и жизненной правды картину миссіонерской практики можетъ только живой обмѣнъ живыхъ людей. Въ этомъ отношеніи всероссійскій съѣздъ практическихъ дѣятелей миссіи имѣетъ громадное, ничѣмъ не замѣнимое значеніе. Не даромъ представители новѣйшаго нашего сектантства (штундобаптизма), руководимые нѣмецкими инструкторами протестантско-миссіонерскаго дѣла, ежегодно устраиваютъ, такъ называемые, конференціи, на которыя собираются представители всѣхъ сектантскихъ общинъ, ихъ миссіонеры, лжепресвитеры; конференціи эти считаются у сектантовъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ способовъ для оживленія и направленія пропаганды своего лжеученія.

Только путемъ искренняго обмѣна мнѣніями и соображеніями между собою непосредственныхъ дѣятелей миссіи, на основаніи ихъ широкаго опыта и многочисленныхъ наблюденій, возможно, какъ сказано выше, опредѣлить наилучшія мѣры, способы и средства духовной и всякой другой борьбы съ нашимъ расколо-сектантствомъ и отсюда сдѣлать вѣрные теоретическіе выводы и указанія касательно пріемовъ собственно миссіонерской методики. Безъ общихъ съѣздовъ трудно установить единство и общность въ воззрѣніяхъ, дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ необъединенныхъ между собою нашихъ епархіальныхъ миссій, ея руководителей и дѣятелей.

Здѣсь будущему съѣзду предстоитъ много серьезныхъ трудовъ, такъ какъ миссіонерская методика, особенно по сектообличенію, не можетъ похвалиться своимъ развитіемъ. Есть секты, въ обличеніе которыхъ почти ничего въ литературѣ миссіонерской не находится, (напримѣръ., духоборчество, хлыстовство, мормонство). Въ этомъ отношеніи миссіонеры въ правѣ ожидать отъ предстоящаго съѣзда многаго полезнаго, чего не могли дать предыдущіе съѣзды, потому что тогда миссія противосектантская только формировалась, а нынѣ—она уже успѣла сдѣлать значительные успѣхи и относительно организаціи института дѣятелей и миссіонерскаго опыта и наблюденій.

Но общій миссіонерскій съѣздъ, сколько необходимъ и полезенъ для дѣла миссіи, столько-же и для *самыхъ дѣятелей.* Поприще миссіонерскаго служенія въ русской Церкви можетъ быть уподоблено необозримой нивѣ, гдѣ по многимъ мѣстамъ, среди тучной пшеницы, густо поросли и плевелы, въ которыхъ привитаютъ опасные хищники—звѣри сельные и птицы небесныя. Призванные для исторженія сихъ плевелъ малочисленные работники трудятся въ потѣ лица, среди окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ опасностей, на слишкомъ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Они не слышатъ никогда голоса другъ друга и не знаютъ, какъ идетъ вообще дѣло у ихъ соработниковъ, гдѣ торжество побѣды св. труда, гдѣ печаль неуспѣха, въ чемъ сила, въ чемъ слабость трудящихся и ихъ враговъ... Изнемогая подъ бременемъ тяжкаго труда, эти разрозненные и одинокіе труженики на нивѣ сердецъ человѣческихъ,—отцы и господа миссіонеры слишкомъ часто падаютъ духомъ. Въ этомъ отношеніи отъ предстоящаго миссіонерскаго съѣзда ожидается, что послѣдній объединитъ дѣятелей миссіи и одушевитъ падающій духъ, обновитъ и укрѣпитъ нравственныя силы, поддержитъ энергію, обогатитъ всѣхъ вообще, особенно же

начинающихъ миссіонерское служеніе, новыми полезными свѣдѣніями, выводами и заключеніями изъ общей суммы миссіонерскихъ наблюденій сотоварищей,—дастъ возможность не только миссіонерамъ, но и всѣмъ ревнующимъ о семъ дѣлѣ провѣрить личныя теоретическія соображенія и практическіе пріемы, чрезъ опыты наиболѣе испытанныхъ борцовъ. Всероссійскій съѣздъ долженъ санкціонировать раціональность однихъ пріемовъ дѣйствій и опытовъ миссіонерской техники, какъ наилучшихъ, и отвергнуть другіе, какъ отжившіе или несоотвѣтственные и проч. «Враги Церкви стараются наступать на насъ сплотненною ратью; необходимо и для ратоборцевъ православія единство мыслей и дѣйствій, — нужна техника дѣла, плотная связь между собой и въ общемъ трудѣ, говорилъ, между прочимъ, въ своемъ одушевленномъ привѣтствіи 2 миссіон. съѣзду высокій ревнитель православія и мощный покровитель миссіонерства В. К. Саблеръ. «Какъ бы ни былъ кто, отцы и братія, опытенъ, какихъ бы чиновъ и отличій ни имѣлъ, но учиться нужно всѣмъ и всегда. Живя подъ однимъ кровомъ, вы, съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ Россіи, имѣете возможность сблизиться мыслями и чувствами, удобно подѣлиться наблюденіями, и связь эта не порвется и послѣ. Когда будетъ кто заброшенъ въ глухую даль, одинокъ и утомленъ борьбой на тернистомъ пути миссіонерской дѣятельности, онъ всегда, думаю, можетъ найти себѣ, изъ среды сего многочисленнаго сонма соработниковъ, друга, утѣшителя, и станетъ такому легче»... Воистинну такъ!

Независимо отъ изложеннаго, въ задачи миссіонерскаго съѣзда, не можетъ не войти также и совѣщательное обсужденіе вопросовъ административнаго характера, касающихся, напр., устройства миссій, служебнаго положенія ея дѣятелей и др. Послѣдній вопросъ—одинъ изъ самыхъ жгучихъ и больныхъ. Онъ поднятъ былъ еще на 2-мъ миссіонерскомъ

съѣздѣ и остался доселѣ неразрѣшеннымъ. Между тѣмъ въ связи съ блапріятнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса находится цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, касающихся успѣшнаго хода миссіонерскаго дѣла. Несмотря на важность миссіонерскаго служенія, епархіальные миссіонеры, а тѣмъ паче окружные—доселѣ не имѣютъ служебныхъ правъ ни на пенсію, ни на награды, такъ что дѣятели миссіи, по справедливости, могутъ быть названы «забытыми людьми». Важная по существу и высокая въ нравственномъ отношеніи дѣятельность миссіонеровъ-вѣропроповѣдниковъ въ рангѣ должностей въ сущности стоитъ не выше вольнонаемной службы. Вопросъ о назначеніи и увольненіи миссіонеровъ, о ихъ служебныхъ отношеніяхъ къ епархіальнымъ, административнымъ учрежденіямъ, кругъ и предѣлы обязанностей должнымъ образомъ не регламентированы. Въ портфелѣ редакціи по этому вопросу имѣются интересные отзывы миссіонеровъ разныхъ епархій о своемъ положеніи и всѣ они представляютъ собою «Іереміевъ плачъ»...

III.

Въ заключеніе будетъ не лишнимъ выразить нѣсколько пожеланій относительно необходимыхъ условій, при наличности которыхъ предстоящій съѣздъ можетъ съ пользою и успѣхомъ выполнить возлагаемыя на него широкія задачи и оправдать благія упованія. Условій этихъ много, главнѣйшее же изъ нихъ то, чтобы всѣ почтенные делегаты, призванные довѣріемъ высшей власти къ участію въ съѣздѣ, прониклись горячимъ желаніемъ прибыть на съѣздъ только для одного дѣла, для дружнаго совмѣстнаго труда на общую пользу, пусть всѣ подготовляются къ живому и дѣятельному участію въ совѣщаніяхъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ миссіи, а въ то же время пусть каждый изъ делегатовъ поставитъ себѣ цѣлью принести изъ своей сокровищницы зна-

ній и опыта на пользу дорогаго дѣла *самую дорогую жемчужину, въ формѣ строго обдуманнаго, взвѣшеннаго и точно изложеннаго реферата* по тому или другому вопросу, наиболѣе ему близкому и хорошо знакомому. Рефераты эти заблаговременно нужно бы внести въ коммиссію, которая, вѣроятно, будетъ образована для сего въ Казани. Весьма желательно, чтобы свои рефераты, соображенія и мнѣнія прислали въ съѣздъ и тѣ, кто не будетъ на немъ лично, но кто близко стоитъ къ миссіонерскому дѣлу. Въ этомъ отношеніи много полезнаго могли бы сообщить къ свѣдѣнію съѣзда пастыри приходовъ, зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ. Тутъ не надо витіеватыхъ словъ, а побольше дѣла и фактовъ. Что касается предметовъ и вопросовъ, которые желательно бы подвергнуть разработкѣ и рѣшенію съѣзда, то ихъ накопилось слишкомъ много; но всѣ они могутъ быть, по нашему мнѣнію, раздѣлены на группы приблизительно въ такомъ порядкѣ: I) вопросы *по расколо-сектовѣдѣнію,*—сюда должно войти разсмотрѣніе общаго состоянія а) *раціоналистическаго* сектантства, съ его подраздѣленіями на секты старыя и новѣйшія; б) *мистическаго сектантства*, а также и в) раскола старообрядчества; II) вопросы, относящіеся собственно *къ миссіонерской практикѣ,* составляющей область миссіонерской методики; III) вопросы, касающіеся *церковно-гражданскихъ мѣропріятій по миссіонерству и расколо-сектантству*; IV) вопросы *административнаго порядка,* касающіеся устройства миссій и служебныхъ правъ и обязанностей миссіонеровъ.

Въ виду множества вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію съѣзда, и чтобы не повторяться и не останавливаться на частностяхъ, и тѣмъ не терять дорогаго времени, необходимо будетъ делегатамъ подраздѣлиться на секціи или группы, изъ коихъ каждая, разсмотрѣвъ всѣ доклады по данной группѣ вопросовъ, внесетъ свою резолюцію на обсужденіе общаго за-

сѣданія, гдѣ въ дебатахъ могутъ принять участіе и всѣ прочіе члены съѣзда.

Существенное, далѣе, значеніе для хода совѣщаній и рѣшеній съѣзда должны имѣть тѣ свѣдѣнія, какія требуются Св. Сѵнодомъ для съѣзда отъ епархіальныхъ начальствъ. Свѣдѣнія эти имѣютъ значеніе документальныхъ данныхъ и будутъ служить выраженіемъ взглядовъ и мнѣній руководящихъ епархіальными миссіями сферъ.

Весьма желательно, чтобы эти свѣдѣнія были полны, обстоятельны и искренни, и представили бы положеніе сектантства и нужды миссіонерства [1]), какъ оно есть въ дѣйствительности. Весьма важно было-бы для съѣзда получить отъ епархій обстоятельныя соображенія о нуждахъ мѣстной миссіи и о способахъ къ наилучшему устройству миссій. Ни въ одной сферѣ не могутъ принести столько вреда, какъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ,—фигуры умолчанія, благодушный оптимизмъ, слѣдованіе тенденціи—не выносить сора изъ избы, не обнажать срамоты распространенія сектантскаго зла и пр. Нельзя терять благопріятнаго для миссіи времени; нужно врачевать духовно-немощныхъ, пока недугъ не закоснѣлъ и отпавшіе не потеряли еще изъ виду роднаго берега. Борьба съ вторымъ

---

[1]) Существенно необходимо для съѣзда имѣть отъ каждой епархіи свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ:

I. Объ устройствѣ, состояніи и дѣятельности миссіи епархіальной и приходской: составъ миссіонерскаго института, средства его содержанія объ управленіи миссіею. Инструкція миссіонерамъ.

II. О состояніи раскола и сектантства въ епархіяхъ: статистическія свѣдѣнія о количествѣ послѣдователей мѣстнаго раскола и сектантства и о существующихъ толкахъ и сектахъ, съ краткимъ описаніемъ наиболѣе типическихъ особенностей каждаго толка и исторіи возникновенія и распространенія ихъ въ епархіи. Нынѣшнее состояніе и направленіе мѣстнаго раскола и сектантства; не распространяется-ли въ населеніи какихъ-либо новыхъ толковъ и религіозно-сектантскихъ заблужденій Какіе наиболѣе крупные въ епархіи центры рас

поколѣніемъ новосовратившихся будетъ въ сто кратъ тяжелѣе. Спасеніе искупленныхъ честною кровью Христа душъ, погибающихъ и сѣдящихъ въ тьмѣ и сѣни смертной, слишкомъ важно. Тутъ всякая минута промедленія въ принятіи соотвѣтственныхъ мѣръ стоитъ слишкомъ дорогой цѣны. Не надо упускать изъ виду, что наше время для Церкви и миссіи воистину «лѣто благопріятное». Мы живемъ подъ Державою Благочестивѣйшаго Вѣнценосца, для Котораго священны завѣты блаженной памяти *Императора Александра III*, объ огражденіи святой неприкосновенности роднаго православія, какъ оплота государственной мощи Россіи и о пресѣченіи развитія тлетворныхъ сектъ, подкапывающихся подъ наши коренныя основы!

Толстовщина и духоборчество обнаруженіемъ противогосударственыхъ анархическихъ тенденцій, которыя въ существѣ дѣла таятся во всемъ нашемъ раціоналистическомъ сектантствѣ, начинаетъ, наконецъ, раскрывать глаза и органамъ правительственной власти, и обществу, что секты явленіе далеко не невинное и въ соціальномъ смыслѣ; всѣ секты, въ основахъ коихъ лежитъ свободомысліе и отрицаніе авто-

---

кола и сектантства; отношеніе ихъ къ центрамъ сосѣднихъ епархій. Кто главнѣйшіе вожаки и руководители мѣстнаго расколо-сектантства и какъ велико вліяніе и раіонъ ихъ пропагаторской зловредной дѣятельности. Отношеніе раскола и сектантства къ православному населенію, къ соціально-общественному строю и формамъ жизни, къ закону и правительству.

III. Вліяніе свѣтскаго общества, гражданскихъ властей и суда на состояніе сектантства: о постановленіяхъ и распоряженіяхъ мѣстной епархіальной власти, относящихся къ миссіи и сектантству и о дѣйствующихъ мѣрахъ и средствахъ борьбы съ расколомъ и сектами; какія признаются наиболѣе полезными мѣрами и способами воздѣйствія на расколъ и сектантство.

IV) ***Мнѣнія и соображенія*** о нуждахъ, потребностяхъ мѣстной миссіи и о мѣропріятіяхъ, желательныхъ для успѣха миссіонерскаго дѣла, кои должны быть приняты со стороны высшей духовной и правительственной власти.

ритетовъ, представляютъ собою горючій матеріалъ, который рано или поздно вспыхнетъ, подобно духоберчеству.

Ниже мы помѣщаемъ проэктъ программы намѣченныхъ вопросовъ, на которыхъ долженъ-бы предстоящій съѣздъ остановить свое особенное вниманіе. Наша цѣль возбудить вниманіе интересующихся миссіею къ задачамъ и предметамъ съѣзда и вызвать другихъ на обсужденіе намѣчаемыхъ вопросовъ. Высокая идея—призвать къ обязательному участію въ съѣздѣ преподавателей раскола, какъ воспитателей пастырей—миссіонеровъ. Несомнѣнно съѣздъ для нихъ будетъ полезенъ и они для съѣзда—въ дѣлѣ литературной разработки вопросовъ миссіи.

«Миссіонерское Обозрѣніе» охотно отведетъ мѣсто на страницахъ своихъ всякому заявленію и сужденію, по поводу съѣзда. Такіе знаменательные моменты, какъ всероссійскій миссіонерскій съѣздъ, бываютъ рѣдко и потому равнодушіе, безпечность здѣсь было-бы преступнымъ.

Quod potui feci, meliora potentes faciant!

В. Скворцовъ.

Проектъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію 3-го всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда.

Главнѣйшіе пункты программы занятій предстоящаго съѣзда, полагаемъ, могутъ быть представлены въ такой схемѣ:

1) Раціоналистическое сектантство.

Секты старыя и новѣйшія и ихъ взаимныя отношенія: а) *Духоборчество* старое и новое въ Закавказьѣ и раіонъ его распространенія въ другихъ мѣстахъ Имперіи. Опредѣленіе отличительныхъ чертъ и степени церковной и соціальной вредности этой секты и соображенія о мѣрахъ и способахъ духовнаго воздѣйствія на духоборцевъ. Объ отношеніяхъ къ духоборству православнаго народа и государственныхъ законовъ.

б) *Молоканство* и подраздѣленіе его. Донскіе толки. Отличительныя черты ученія и культа послѣднихъ толковъ; раіонъ рас-

пространенія ихъ и степень прозелитизма. Отношеніе молоканскихъ сектъ къ штундо-баптизму и наоборотъ. Степень церковной и соціальной вредности молоканской секты. Сужденія о наилучшихъ мѣрахъ и способахъ борьбы съ этою сектою и объ отношеніи къ ней гражданскаго правительства. Вопросъ о примѣнимости къ молоканству со стороны существа ученія закона 4 сентября 1894 года о собраніяхъ штунды.

в) *Штунда, баптизмъ, пашковщина и толстовщина:* опредѣленіе чертъ сходства, различія и взаимныхъ отношеній этихъ сектъ между собою. Организація сектъ, способы, средства и условія распространенія ихъ. Раіонъ и главнѣйшіе центры. Характеръ и направленіе этихъ сектъ, отношеніе къ существующему строю общественной и государственной жизни. Степень вредности въ отношеніи Церкви и государства. Сужденія о мѣрахъ и способахъ борьбы съ новѣйшимъ сектантствомъ и объ отношеніи православнаго населенія, закона и правительства, и въ частности отношенія закона 4 сентября 1894 года о собраніяхъ.

г) *Новѣйшія секты:* малеванство, адвентизмъ, субботство. Опредѣленіе ихъ отличительныхъ чертъ и степени вредности, раіонъ распространенія. Способы обличенія.

2) **Мистическія секты:**

Существующіе виды, толки и наименованія мистическаго сектантства; нынѣшнее состояніе, направленіе и характеръ мистическаго сектантства. Отличительныя черты, виды гнусности и степень вредности тайныхъ сектъ. Существуетъ-ли свальный грѣхъ въ современномъ хлыстовствѣ; чѣмъ объяснить живучесть хлыстовства. Новое отношеніе закона (кассаціонное рѣшеніе) къ хлыстовству и его послѣдствія. Какъ относиться духовенству къ опознаннымъ и осужденнымъ хлыстамъ. Раіонъ распространенія, главнѣйшіе центры и главари мистическихъ сектъ; практикуемыя въ епархіяхъ мѣры и способы воздѣйствія на хлыстовъ.

3) Нынѣшнее состояніе **расколо-старообрядчества:** новое направленіе въ ученіи, воззрѣніяхъ и полемическихъ пріемахъ поповщины и безпоповщины; новые толки въ расколѣ. Къ вопросу о вредности и о правительственныхъ ограничительныхъ мѣрахъ въ отношеніи изувѣрныхъ раскольничьихъ толковъ.

4) По миссіонерской методикѣ.

Объ условіяхъ успѣшнаго дѣйствованія на миссіонерскомъ поприщѣ приходскихъ пастырей, членовъ клира, приходскихъ попечительствъ, братствъ, народной школы. О наилучшихъ полемическихъ и апологетическихъ способахъ и пріемахъ по обличенію заблужденій раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ и раскольничьихъ толковъ. Какъ обличать лжемудрованія новѣйшихъ сектъ—адвентизма, субботства и толстовства. Способы привлеченія сектантовъ и раскольниковъ на бесѣды. О публичныхъ и частныхъ собесѣдованіяхъ. О непредусмотрѣнныхъ миссіею возраженіяхъ сектантовъ, раскольниковъ и друг. лицъ. Объ усиленіи обще-церковнаго моленія и составленіи молитвы и прошеній о вразумленіи заблудшихъ. О составленіи коллективными трудами миссіонеровъ подстрочныхъ толкованій на пререкаемыя мѣста священ. Писанія, объ изданіи миссіонерскихъ библій. Составленіе Index'а вредныхъ для православія по своему содержанію изданій; пересмотръ правилъ о миссіяхъ и каталога миссіонерскихъ библіотекъ и друг.

5) О церковно-гражданскихъ мѣропріятіяхъ, относящихся къ миссіи и сектантству.

О мѣрахъ пресѣченія сектантской пропаганды въ войскахъ, а такъ-же среди рабочихъ на фабрикахъ. О мѣрахъ пресѣченія пропаганды нѣмцевъ-баптистовъ среди русскаго населенія и иновѣрнаго (въ меннонитствѣ, католицизмѣ). Къ вопросу объ отвѣтственности за пропаганду и совращенія изъ среды сектантовъ-же. Какія собранія сектантовъ считать соблазнительными, о распространеніи дѣйствія закона 1894 года на баптистовъ, пашковцевъ и друг., сродныхъ съ штундою толковъ. Какъ смотрѣть на собранія хлыстовства? О самовѣнчанныхъ бракахъ штундистскихъ и о правѣ крещенія дѣтей отпавшихъ. О томъ, обязаны-ли по закону отпавшіе воспитывать въ православіи дѣтей, прижитыхъ до отпаденія. И о мѣрахъ къ огражденію отъ совращенія подростающаго поколѣнія. Объ отношеніи церковныхъ школъ вообще и 2-хъ-классныхъ учительскихъ особенно къ миссіонерству. Объ учрежденіи миссіонерскихъ школъ и курсовъ для подготовки начотчиковъ изъ народа. О неписаніи иконъ съ непоклоняемыми предметами (драконы, кони, змѣи и др.); о предоставленіи единовѣрческимъ обществамъ права постройки церквей безъ соблюденія формальностей на счетъ плановъ.

6) Объ устройствѣ миссіи и о служебныхъ правахъ миссіонеровъ.

Миссіи епархіальныя, окружныя и приходскія. Объ образованіи миссіонерскихъ епархіальныхъ фондовъ на нужды миссіонерскаго дѣла. О предѣлахъ обязанностей епархіальныхъ миссіонеровъ и окружныхъ изъ лицъ духовнаго сана и свѣтскаго чина. Объ отношеніяхъ епархіальныхъ миссіонеровъ къ окружнымъ, къ братствамъ (миссіонеры должны быть непремѣнными членами братствъ), консисторіямъ и къ приходскому духовенству. Къ вопросу о правѣ миссіонеровъ имѣть печать для отсылки по казенной служебной корресподенціи. О безплатномъ взиманіи земскихъ лошадей при разъѣздахъ и о безплатномъ проѣздѣ по ж. д., подобно тому, какъ это допущено для книгоношъ синодальныхъ типографій и Британскаго Общества. Объ особомъ знакѣ для миссіонеровъ.

О постановленіяхъ и распоряженіяхъ власти, касающихся миссіи и расколосектантства.

Распоряженіе Екатеринославскаго и Тверскаго епархіальнаго начальства о собраніи духовенствомъ свѣдѣній о мѣстнымъ сектахъ и расколѣ.

Однимъ изъ существенныхъ тормазовъ въ дѣлѣ развитія миссіонерской борьбы съ расколо-сектантствомъ служитъ отсутствіе точныхъ данныхъ у духовнаго вѣдомства о состояніи раскола и сектъ въ приходахъ. Статистика расколо-сектантства всегда и вездѣ хромала: точной цифры отпадшихъ отъ единства съ годсподствующею Церковью доселѣ трудно гдѣ-либо добыть изслѣдователю. Сами отпадшіе любятъ преувеличивать свое число въ своихъ сообщеніяхъ частнымъ лицамъ и, наоборотъ, уменьшаютъ количество въ оффиціальныхъ отзывахъ полиціи, на обязанности которой лежитъ по закону веденіе ихъ посемейныхъ списковъ. Попечительный о свободѣ и независимости раскола отъ Церкви особый комитетъ 1875 г. закономъ 3 мая 1883 г. совершенно устранилъ приходское духовенство отъ веденія статистическихъ данныхъ о мѣстномъ расколѣ и вообще отрѣзалъ пастырямъ всѣ пути оффиціальнаго внѣшняго общенія съ міромъ отпадшихъ. Въ либеральную эпоху 70—80-хъ годовъ господствовалъ тотъ вообще взглядъ и въ обществѣ, и правительствѣ,

что раскольники и сектанты «народъ *лучшій*», трезвый, честный, чуть ли не краса Руси православной, а потому духовенство православное нужно подальше держать отъ этого восхитительнаго міра... Понятно, отсюда должно было образоваться охлажденіе въ дѣлѣ миссіонерства, которое годами и десятилѣтіями вошло какъ бы въ норму служебной дѣятельности духовенства, доселѣ относящагося къ миссіи съ неохотою, какъ не къ своему дѣлу. Въ благодѣтельную эпоху Александра III началось пробужденіе и относительно миссіонерскаго дѣла; обращено особое вниманіе и епархіальной власти на дѣло борьбы съ расколосектантствомъ; при этомъ сказалась потребность въ собираніи полныхъ, обстоятельныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи расколосектантства, безъ чего невозможно надлежащее уясненіе мѣропріятій и средствъ духовной борьбы.

Первая попытка точной регистраціи образцовой ежемѣсячной статистики движенія штундоваго сектантства сдѣлана была въ Кіевской губерніи по взаимному соглашенію высокопреосвященнаго митрополита Кіевскаго и г. Начальника края. Въ прошломъ году сдѣлана была въ Харьковской епархіи, давшая прекрасные результаты, попытка привести въ извѣстность состояніе сектантства и миссіи на епархіальномъ съѣздѣ духовенства зараженныхъ сектантствомъ приходовъ. Въ настоящее время въ Екатеринославской и Тверской епархіяхъ производится систематическое изслѣдованіе состоянія сектантства и раскола по особо составленнымъ для сего и разосланнымъ духовенству программамъ. Въ виду требованій Св. Синода для всероссійскаго съѣзда свѣдѣній о состояніи въ епархіяхъ расколо-сектантства считаемъ полезнымъ познакомить читателей нашихъ съ этими достойными вниманія распоряженіями и съ подробностями программъ.

Программа Екатеринославская имѣетъ въ виду главнымъ образомъ изслѣдованіе сектъ, а Тверская почти исключительно расколъ. Обѣ программы составлены весьма обстоятельно и опытною рукою, такъ что съ пользою могутъ служить вообще руководствомъ для пастырей, особенно же при составленіи дневниковъ и лѣтописей приходскихъ о сектантвѣ и расколѣ. Въ 8 № Екатеринослав. Еп. Вѣд. читаемъ, что Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій Симеонъ, въ заботахъ о духовныхъ нуждахъ своей паствы остановился на мысли о созваніи въ ближайшемъ будущемъ миссіонерскаго съѣзда

изъ священниковъ приходовъ, зараженныхъ сектантствомъ, и о. о. предсѣдателей миссіонерскихъ комитетовъ, съ цѣлью ознакомленія съ состояніемъ сектантства въ епархіи и степенью вреда его для Церкви и государства, а также и для сужденій о мѣрахъ въ борьбѣ съ сектантствомъ. Чтобы получить возможно полныя и точныя свѣдѣнія о состояніи сектантства—съ одной стороны, и дать будущему съѣзду для сужденій его о сектантствѣ вполнѣ достовѣрныя данныя, почерпнутыя непосредственно изъ дѣйствительной жизни,—Его Преосвященству благоугодно было распорядиться, чтобы свѣдѣнія о сектантствѣ приходскими священниками были представлены по нижеприведенной программѣ вспомогательныхъ вопросовъ. Эти свѣдѣнія въ видѣ *«Записки о состояніи сектантства въ N-скомъ приходѣ N-скаго уѣзда»*, отчетливо и тщательно переписанной, должны быть представлены Его Преосвященству не позже 1-го Мая сего 1897 г. Каждый священникъ при составленіи «записки» долженъ руководиться тѣмъ, оправдываемымъ жизнію, соображеніемъ, что всякій общественный недугъ (а сектантство—тягчайшій изъ народныхъ недуговъ) съ успѣхомъ можетъ быть врачуемъ лишь въ томъ случаѣ, когда вѣрно будутъ опредѣлены причины вызвавшія его. Руководясь симъ практическимъ соображеніемъ, не увлекаясь никакими посторонними соображеніями, авторы «записокъ» должны представить въ нихъ *истинное* положеніе сектантства въ ихъ приходахъ, со всѣми мрачными сторонами его жизни, памятуя слова Премудраго: «избавитъ отъ злыхъ душу свидѣтель вѣренъ» (Притч. **14**, 25).

1) **Исторія распространенія сектанства въ N-скомъ приходѣ**.

Когда явилась въ приходѣ секта? Кто былъ первымъ ея распространителемъ? Какъ онъ относился къ православной Церкви до сектантства? Не посѣщали ли его домъ какія либо подозрительныя личности? Кто былъ его совратителемъ, или откуда вообще онъ принесъ свое лжеученіе? Если онъ былъ предаваемъ суду, то чѣмъ окончилось его дѣло? Кто были его сотрудники? Какъ быстро распространялось первоначально сектантство и что въ немъ могло быть привлекательнымъ для крестьянъ? Въ чемъ состояла сущность распространеннаго первоначально въ приходѣ лжеученія? *Какіе тексты Св. Писанія они ложно истолковывали въ пользу своего сектантскаго вѣроученія и какіе искажали въ видѣ возраженій противъ вѣроученія православной Церкви?* Каково нравоученіе сектантовъ? *Какъ учатъ мѣстные сектанты о православномъ Государѣ Им-*

ператоръ, присягѣ, военной службѣ, административныхъ и судебныхъ властяхъ, податяхъ, поземельной собственности и вообще о существующемъ порядкѣ русской общественной и государственной жизни? Бывали ли у сектантовъ первоначально молитвенныя собранія? Что первоначально сектанты осуждали въ жизни православныхъ и на что они указывали какъ на мнимую причину своего отпаденія отъ единства съ православною Церковію? Какъ первоначально относились мѣстные сектанты къ православной Церкви и къ православному духовенству и чѣмъ должно объяснять ихъ враждебное отношеніе къ духовенству, если таковое существовало въ дѣйствительности? Какія обстоятельства особенно благопріятствовали распространенію сектантства въ приходѣ и чѣмъ объяснить въ частности то обстоятельство, что сектантство появилось и развилось именно въ данномъ приходѣ? Какія мѣры были употребляемы приходскимъ духовенствомъ въ борьбѣ съ сектантами? Были ли ведены внѣбогослужебныя собесѣдованія? Какими книгами и руководствами пользовался приходскій священникъ въ борьбѣ съ сектантскимъ заблужденіемъ и насколько оказывались пригодными тѣ или другія противосрктантскія сочиненія? Бывали ли случаи искренняго возвращенія сектантовъ въ лоно православной Церкви? *Если всѣ мѣры, которыя были предпринимаемы приходскимъ священникомъ въ борьбѣ со лжеученіемъ сектантовъ, не привели къ благимъ послѣдствіямъ, то чѣмъ должно объяснить это прискорбное явленіе? Изъ кого состоялъ приходскій причтъ со времени появленія сектантства въ приходѣ и всѣ ли члены причта соотвѣтствовали своему высокому назначенію по своимъ способностямъ, образованію, поведенію, ревностному исполненію своихъ обязанностей и по всей подготовкѣ въ борьбѣ съ сектантами?* Что дѣлало приходское духовенство для охраненія православныхъ отъ совращенія и вреднаго вліянія на нихъ со стороны сектантовъ? Часто ли были произносимы поученія въ храмѣ при богослуженіяхъ съ цѣлію уясненія и защищенія отвергаемыхъ сектантами вѣроученія и нравоученія православной Церкви? Каковы въ церкви клиросное чтеніе и пѣніе? Посѣщалъ ли и какъ часто приходскій священникъ домы своихъ пасомыхъ? Была ли въ приходѣ во время появленія и распространенія сектантства церковно-приходская школа и когда вообще она открыта? Существовала ли въ селѣ во время появленія и распространенія сектантства земская школа? Отличался ли учитель преданностію православной Церкви? Не имѣлъ ли онъ какого-либо посредственнаго или непосредственнаго отношенія къ сектантству? Часто ли онъ бывалъ въ церкви при богослуженіяхъ? Не нарушалъ ли онъ открыто постовъ и другихъ церковныхъ постановленій? Какъ относились къ сектантамъ со времени ихъ появленія въ селѣ православные прихожане? Не было ли случаевъ составленія общественныхъ приговоровъ о выселеніи сектантовъ по причинѣ вреднаго вліянія ихъ на молодое поколѣніе? Были ли приведены таковые приговоры въ исполненіе, кѣмъ и когда? А если нѣтъ, то—почему и кто именно былъ причиною ихъ неисполненія? *Какъ относилось къ сектантству въ селѣ съ самаго начала его распространенія мѣстное на-*

чальство—сельское и волостное правленія, урядникъ, становой приставъ, исправникъ и въ особенности—земскій начальникъ? Были ли подвергаемы сектанты какому либо наказанію за неисполненіе общественныхъ или государственныхъ обязанностей: присяги, военной службы, податей и т. д.? Не появлялись ли когда либо среди мѣстныхъ сектантовъ неизвѣстныя подозрительныя личности, какъ, наприм., агенты Толстого и соціалисты, подозрительные книгоноши или лица не русскаго происхожденія, какъ, наприм., американскіе и англійскіе квакеры, нѣмецкіе анабаптисты, южно-русскіе колонисты-нѣмцы и т. п.?

2) Состояніе сектантства въ N-скмъ приходѣ въ настоящее время.

Сколько сектантовъ въ настоящее время? Кто именно эти сектанты? Кто состоитъ вожакомъ мѣстныхъ сектантовъ? Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи онъ бывалъ въ отлучкахъ или на заработкахъ до сектантства? Кто увлекъ его лжеученіемъ или откуда онъ его заимствовалъ? Существуетъ-ли секта въ приходѣ въ настоящее время изолированно, или-же находится въ связи и сношеніяхъ съ сектантами, проживающими въ другихъ приходахъ и въ какихъ именно? Кто въ настоящее время можетъ быть названъ главнымъ руководителемъ сектантства въ приходѣ? Какія книги или рукописи, сочиненія или «псалмы» пользуются въ приходѣ среди сектантовъ особенною популярностію? Откуда мѣстные сектанты получаютъ эти книги и рукописи? Какими средствами въ настоящее время пользуются мѣстные сектанты въ дѣлѣ пропаганды своего лжеученія и въ своихъ сношеніяхъ съ сектантами другихъ селъ и приходовъ? Есть-ли въ приходѣ сектанты и до сихъ поръ не принесшіе присяги на вѣрноподданство Государю Императору? Кто именно эти сектанты? Есть-ли въ приходѣ сектанты, имѣющіе въ настоящее время некрещенныхъ дѣтей? Кто эти сектанты? Существуютъ-ли между сектантами сожительства безъ совершенія таинства брака православнымъ священникомъ? Кто именно находится въ такомъ сожительствѣ? Есть-ли у такихъ лицъ дѣти? Не бываетъ-ли случаевъ, когда сектанты зарываютъ въ землю своихъ умершихъ сродниковъ безъ церковнаго отпѣванія? Если такіе случаи бываютъ, то кто, когда и гдѣ былъ погребенъ безъ отпѣванія? Какія вообще причины и обстоятельства въ настоящее время благопріятствуютъ сектантамъ пребывать въ ихъ упорствѣ и нежеланіи возвратиться въ лоно православной Церкви? Измѣнилось-ли въ настоящее время вѣроученіе сектантовъ въ сравненіи съ первоначальнымъ и въ чемъ именно состоитъ это измѣненіе? *Измѣнилось-ли вообще въ настоящее время нравоученіе сектантовъ и ихъ отношеніе къ существующему порядку государственной и общественной жизни. Не замѣчается-ли между ними такихъ пороковъ, какъ пьянство, ссоры, воровство, грабежъ и т. п.?* Есть-ли у сектантовъ въ настоящее время молитвенныя собранія? Кто руководитъ ими и какъ онъ у сектантовъ называется? Въ чемъ они состоятъ и гдѣ происходятъ? Каково отноше-

ніе мѣстныхъ сектантовъ къ православной Церкви, православному духовенству и православнымъ односельчанамъ въ настоящее время? Измѣнилось-ли оно въ сравненіи съ первоначальнымъ и въ чемъ состоитъ это измѣненіе? Какъ относятся въ настоящее время православные прихожане къ мѣстнымъ сектантамъ? Нѣтъ-ли случаевъ совращенія православныхъ въ сектантство? Усиливается-ли оно или уменьшается? Не принимаетъ-ли въ настоящее время какихъ либо мѣръ противъ распространенія сектантства въ приходѣ свѣтское начальство, и если предпринимаетъ, то какія именно, и каковы достигнутые ими результаты? Изъ кого состоятъ въ настоящее время члены приходского причта? Нѣтъ-ли между ними соблазнительныхъ ссоръ и непріятностей? Произносятся-ли и какъ часто поученія въ церкви? Какая цѣль преслѣдуется въ нихъ? Ведутся-ли внѣбогослужебныя противусектантскія собесѣдованія и какъ относятся къ нимъ православные прихожане и сектанты? Каково содержаніе членовъ причта и условія ихъ жизни? Есть-ли въ настоящее время въ приходѣ народная школа и какая именно—земская или церковно-приходская? Кто состоитъ учителемъ въ приходской школѣ? Отличается-ли онъ преданностію и любовію къ православной Церкви? Ведется-ли въ мѣстной школѣ нравственно-религіозное обученіе и воспитаніе крестьянскихъ дѣтей въ духѣ православной Церкви и въ преданности Государю и Отечест у? Читаются-ли въ школѣ ежедневно молитвы и Слово Божіе? Водитъ-ли учитель сельской школы своихъ учениковъ въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ? Неопустительно-ли ученики земской школы бываютъ ежегодно у исповѣди и причастія Св. Таинъ? Принимаютъ-ли они участіе въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, а если—нѣтъ, то почему? Какъ относятся сектанты къ земской и церковно-приходской школамъ? Посѣщаютъ-ли ихъ дѣти какую-либо изъ этихъ школъ? Не обучаетъ-ли кто изъ сектантовъ крестьянскихъ дѣтей въ частныхъ домахъ безъ разрѣшенія начальства? *Какія особенныя и исключительныя мѣры въ борьбѣ съ сектантствомъ употребляетъ приходское духовенство въ настоящее время? Какія мѣры оно признаетъ самыми дѣйствительными и потому необходимыми, но не отъ него зависящими?* Есть-ли при приходской церкви или въ благочинническомъ округѣ миссіонерская противусектантская библіотека и изъ какихъ именно книгъ она состоитъ? Какими книгами и сочиненіями, въ качествѣ пособій, пользуется приходской священникъ въ настоящее время въ борьбѣ со лжеученіемъ сектанства?

3) Вѣроученія сектантовъ N-скаго прихода.

Ко всѣмъ ли учрежденіямъ православной Церкви (духовная іерархія, таинства и проч.) сектанты относятся отрицательно? Имѣются ли у сектантовъ письменные или печатные уставы или катихизисы съ изложеніемъ ихъ ученія? Выразить сущность ученія сектантовъ, если можно формулировать его кратко? Что признаютъ сектанты источникомъ Боговѣдѣнія? Отношеніе сектантовъ къ Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта? Взглядъ сектантовъ

на Священное Преданіе? Ученіе сектантовъ о Богѣ, о Св. Троицѣ, объ Іисусѣ Христѣ, о Св. Духѣ? Ученіе ихъ о спасеніи человѣка и благодати? Ученіе о таинствахъ вообще, и въ частности о таинствахъ крещенія и причащенія? Взглядъ сектантовъ на таинства мvропомазанія, священства, покаянія, елеосвященія и брака. Взглядъ сектантовъ на богослуженіе и обряды православной Церкви? Взглядъ сектантовъ на крестное знаменіе и св. иконы? Отношеніе сектантовъ къ правиламъ и обычаямъ православной Церкви; взглядъ ихъ на постановленія вселенскихъ соборовъ, на творенія отцевъ и учителей Церкви? Отношеніе сектантовъ къ св. угодникамъ, къ мощамъ св. угодниковъ? Взглядъ ихъ на чудеса? Представленія сектантовъ объ ангелахъ и діаволѣ? Взглядъ сектантовъ на праздники и посты православной Церкви? Ученіе сектантовъ объ антихристѣ: въ какомъ видѣ себѣ его представляютъ, и какъ скоро ожидаютъ наступленія его времени? Взглядъ сектантовъ на душу и тѣло человѣка? Ученіе сектантовъ о воскресеніи мертвыхъ, о страшномъ судѣ? Представленіе ихъ о загробной жизни — о раѣ, объ адѣ? Считаютъ ли сектанты свои ученія и толкованія непреложными, или же допускаютъ личную свободу во взглядахъ на предметы вѣры? При толкованіи Свящ. Писанія какого они держатся нормирующаго правила? Какъ смотрятъ сектанты на религіозныя сочиненія позднѣйшаго времени? Взглядъ сектантовъ на представителей современной свящ. іерархіи и ихъ духовную власть? Сектанты данной мѣстности представляютъ собою одну или нѣсколько религіозныхъ общинъ? Взаимныя отношенія сектантскихъ общинъ и подсектъ? Роль, значеніе и обязанности въ сектантскихъ общинахъ пресвитеровъ? Порядокъ избранія пресвитеровъ: избираются-ли они на опредѣленный срокъ? Какое участіе въ богослужебныхъ собраніяхъ принимаютъ женщины? Времена и мѣста молитвенныхъ собраній сектантовъ? Какіе праздники чествуютъ сектанты, кромѣ воскресныхъ дней? Производится-ли сектантами работы въ ихъ праздники? Какой соблюдается на молитвенныхъ собраніяхъ сектантовъ порядокъ въ чтеніи Евангелія и пѣнія молитвъ? Какія употребляются сектантами молитвы и псалмы? Соблюдаютъ-ли сентанты когда нибудь постъ? Порядокъ и условія совершенія «преломленія хлѣба» ихъ мнимыхъ таинствъ у сектантовъ? Порядокъ совершенія погребенія умершихъ у сектантовъ? Молятся-ли объ умершихъ? Крещеніе, причащеніе и погребеніе можетъ совершать всякій, или только избранный пресвитеръ? Надъ лицами бракущимися совершается ли моленіе у сектантовъ и кѣмъ? Считаютъ ли сектанты благословенный бракъ нерасторжимымъ? Отношеніе сектантовъ къ школамъ и образованію; насколько распространена грамотность среди нихъ? Какія рукописи и книги наиболѣе распросранены и уважаются у сектантовъ? (Было-бы весьма желательно имѣть подробный списокъ рукописей и книгъ, обращающихся среди сектантовъ данной мѣстности).

Тверская программа

для собиранія духовенствомъ свѣдѣній о мѣстномъ расколѣ и сектахъ менѣе подробна въ пунктахъ своихъ требованій, но въ ней есть свои полезныя для миссіи подробности, какія упущены изъ виду въ Екатеринославской программѣ, а потому приводимъ тверскую программу, какъ дополненіе къ первой.

1) Распространенность раскольническихъ сектъ въ данной мѣстности и количество раскольниковъ и сектантовъ.

Какіе именно толки и секты находятся въ данной мѣстности? Указать тѣ пукты, въ которыхъ живутъ раскольники или сектанты (городъ, село, деревня, какого прихода и волости). Какъ велико число открытыхъ приверженцевъ каждой секты или толка? Не имѣется-ли въ приходѣ *тайныхъ послѣдователей, скрывающихъ свою принадлежность къ расколу?* Какъ велико (приблизительно) число тайныхъ послѣдователей раскола (напр. бѣгуновъ, подпольниковъ). Не замѣчается-ли какого новаго движенія въ мѣстномъ расколѣ, не встрѣчается-ли новыхъ, неизвѣстныхъ до сихъ поръ сектъ? Возникли-ли раскольничьи толки и секты на мѣстѣ, или занесены откуда-нибудь извнѣ? Кто были первые основатели и учители сектъ въ приходѣ? Какія преданія сохранились въ приходѣ о появленіи и распространеніи той или другой секты? Если секты занесены извнѣ, то откуда, когда и кѣмъ именно? Какіе разсказы и извѣстія существуютъ объ этомъ среди сектантовъ? Не замѣчается-ли дробленія сектъ на болѣе мелкія, распаданія раскольническихъ обществъ изъза какихъ-либо вопросовъ вѣры или церковнаго устройства?

2) Внутренняя жизнь въ расколѣ.

Какія лица являются главными руководителями раскола? Указать раскольническихъ поповъ въ приходѣ, наставниковъ, начетчиковъ, благословенныхъ отцовъ, «большаковъ», «старицъ», матушекъ». Каково ихъ значеніе среди своихъ единовѣрцевъ, какова степень вліянія ихъ на раскольниковъ и православныхъ? Образованіе и нравственность этихъ руководителей раскола. Не имѣются-ли въ приходѣ раскольничьи часовни, кладбища, молитвенные дома? Давно-ли существуютъ эти молитвенные дома и часовни, въ какомъ видѣ они содержатся? Не составляютъ-ли сектанты извѣстной мѣстности тѣсно сплоченной, правильно организованной общины, въ которой все общее съ отрицаніемъ всякой собственности движимой и недвижимой? Не замѣчается ли, что сектанты живутъ исправнѣе и зажиточнѣе, чѣмъ православные крестьяне, и чѣмъ это объяснить? Какъ относятся раскольники и сектанты къ школамъ и образованію? Въ какой степени между ними распространена грамотность? Какъ относятся раскольники и сектанты къ школамъ земскимъ и церковно-приходскимъ, какова, по ихъ понятіямъ, должна быть школа? Не имѣются ли у нихъ свои собственныя домашнія школы, которыми

завѣдуютъ «мастера» и «мастерицы»? Чему учатъ въ этихъ школахъ? Значеніе этихъ школъ въ дѣлѣ распространенія и укрѣпленія раскола. Не замѣчается-ли, что расколъ крѣпче всего держится между женщинами? Не имѣется-ли у раскольниковъ и сектантовъ какихъ-либо излюбленныхъ ими стиховъ или духовныхъ пѣсней, распѣваемыхъ ими? Указать по возможности такіе стихи и пѣсни; въ нихъ иногда заключаются характерныя черты изъ быта и жизни сектантовъ. Какова нравственность между раскольниками и сектантами, и не отличаются-ли они въ этомъ отношеніи отъ православныхъ? Не имѣются-ли среди раскольниковъ и сактантовъ дикіе фанатики и изувѣры? Не было-ли случаевъ религіознаго фанатизма и изувѣрства (самозморенія, запащиванія, самосожигательства и др.) Не замѣчается-ли среди раскольниковъ и сектантовъ индиферентнаго отношенія къ вѣрѣ? Знаютъ-ли они свою вѣру, или же придерживаются ученія своего толка или секты въ силу только пословицы: что старо, то свято?

3) **Раскольничьи скиты.**

Не имѣются-ли въ приходѣ раскольничьи скиты или «пустыни»? Въ какомъ состояніи находятся они въ настоящее время? Какъ велико число живущихъ въ скитахъ мужщинъ и женщинъ? Какое значеніе имѣютъ скиты для раскола? Чѣмъ занимаются жители скитовъ, и какъ управляются скиты? Нѣтъ-ли въ скитахъ часовень, молитвенныхъ домовъ, раскольничьихъ библіотекъ? По возможности сообщить: когда именно, кѣмъ основаны скиты? Не существуетъ-ли какихъ-либо преданій, разсказовъ о возникновеніи скитовъ и о прежнемъ ихъ состояніи? Не служатъ-ли скиты школами, гдѣ дѣти обучаются вѣрѣ?

4) **Отношеніе раскольниковъ къ православной церкви.**

Какъ раскольники и сектанты относятся къ православнымъ священникамъ? Не замѣчается-ли враждебности въ этихъ отношеніяхъ, и въ чемъ выражается эта враждебность? Бываютъ-ли раскольники въ православныхъ храмахъ, чѣмъ можно было бы привлечь ихъ къ посѣщенію храмовъ? Не возникаютъ-ли путемъ браковъ родственныя связи между раскольниками и православными, какое значеніе имѣетъ это для православія? Не бывало ли случаевъ враждебнаго столкновенія между раскольниками и православными? Какъ относятся раскольники и сектанты къ представителямъ государственной власти? Всегда-ли исполняютъ ихъ законныя требованія, не бывало-ли случаевъ сопротивленія? Какъ относятся представители различныхъ толковъ и сектъ другъ къ другу, если они живутъ въ сосѣдствѣ? Не существуютъ-ли взаимныя сношенія между раскольниками и сектантами, находящимися въ данномъ приходѣ и проживающими въ другихъ мѣстностяхъ, напр., въ Москвѣ, Петербургѣ? Не бываетъ-ли и не бывало-ли раскольничьихъ соборовъ или

съѣздовъ въ данной мѣстности? Не имѣются-ли въ данной мѣстности единовѣрческіе приходы? Какъ велико число единовѣрцевъ? Бываютъ ли случаи перехода изъ раскола въ единовѣріе? Насколько искренно и сознательно усвояется единовѣріе? Какія средства употребляютъ раскольники и сектанты для распространенія своего ученія? Не бываютъ-ли случаи отпаденія отъ православной Церкви въ расколъ, и чѣмъ ихъ можно объяснить? Увеличивается или уменьшается расколъ въ данной мѣстности? Чѣмъ можно объяснить крѣпость и живучесть раскола? Какія наиболѣе дѣйствительныя средства для его ослабленія? Имѣются-ли при церкви, въ приходѣ которой есть раскольники и сектанты, библіотеки съ книгами противураскольническаго характера? На какія средства устроена библіотека, сколько въ ней книгъ, соотвѣтствуетъ-ли она своей цѣли и назначенію, берутъ-ли изъ нея книги для чтенія раскольники и православные.

Къ вопросу о заведеніи при церквахъ миссіонерскихъ лѣтописей и архипастырское разъясненіе о важности и необходимости дневниковъ по миссіонерской дѣятельности приходскихъ пастырей.

Нагляднымъ доказательствомъ развитія дѣла по изслѣдованію сектантства и по миссіонерству можетъ служить такое нововведеніе въ церковныхъ документахъ, какъ миссіонерскія лѣтописи и дневники. Около 5 лѣтъ назадъ такія лѣтописи заведены по распоряженію Высокопреосвященнаго Кіевскаго Іоанникія, въ зараженныхъ штундою приходахъ Кіевской епархіи; тоже заводится и въ приходахъ Самарской епархіи. Въ отчетахъ послѣднихъ миссіонерскихъ епархіальныхъ съѣздовъ Херсонской, Харьковской, Ставропольской губерній находимъ постановленія о необходимости веденія пастырями лѣтописей и дневниковъ о своей миссіонерской дѣятельности среди мѣстныхъ сектантовъ. Распоряженіе это имѣетъ громадное значеніе для правильной постановки и вообще для успѣховъ приходской миссіи, которая въ большинствѣ случаевъ во многомъ оставляетъ желать лучшаго.

Независимо отъ того, что миссіонерскіе приходскіе лѣтописи и дневники важны для наблюденія и контроля епархіальной власти надъ приходскою миссіею, чрезъ нихъ устанавливается связь и преемство въ дѣйствіяхъ и мѣрахъ борьбы миссіонеровъ епархіальнаго окружнаго съ пастырями, которые, обыкновенно, часто мѣняются въ подобныхъ приходахъ. Въ тоже время эти документы, при тщательномъ отношеніи духовенства къ веденію ихъ, составятъ весьма цѣнные матеріалы для сектовѣдѣнія и миссіонерской методики.

Полезно было бы выработать общую руководящую форму для миссіонерской лѣтописи, и дать правильную постановку дневникамъ, чтобы они не были общими фразами. Желательно, чтобы предстоящій миссіонерскій всероссійскій съѣздъ не оставилъ безъ должнаго вниманія настоящій, существенно важный вопросъ.

Въ послѣднемъ № Самар. Епарх. Вѣд. напечатано консисторское подтвержденіе духовенству епархіи объ исправномъ веденіи дневниковъ, которые представляются ежегодно чрезъ благочинныхъ епископу и здѣсь же помѣщена назидательная резолюція преосвященнаго Гурія, слѣдующаго содержанія.

«Изъ представленныхъ отчетовъ,—которыхъ, собственно говоря, и не требовалось, а требовались лишь дневники пастырскихъ собесѣдованій съ инородцами, — усматривается, что священники съ большимъ или меньшимъ стараніемъ заботятся о духовно-нравственномъ просвѣщеніи и только лишь о. Т. въ крайнемъ недоумѣніи, какъ ему совмѣщать просвѣтительную дѣятельность относительно инородцевъ своего прихода съ обязанностями законоучительства и проч... Ясно, что онъ мало сознаетъ своего долга, по просвѣщенію инородцевъ, для которыхъ требуется не одно лишь требоисправленіе, а именно свѣтъ вѣры и христіанскаго благочестія, а потому священникъ и долженъ служить этимъ свѣточемъ для своихъ прихожанъ всегда и вездѣ, куда бы онъ и зачѣмъ бы ни являлся. Ко всякому случаю частной или общественной жизни у него должно быть готово слово на языкѣ, для духовнаго назиданія. Вотъ это-то слово или случайныя бесѣды и должны заноситься въ дневникъ... Сверхъ того священники, въ приходахъ которыхъ имѣются деревни, обязательно должны, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ или два, если деревня одна, ѣздить по воскреснымъ или праздничнымъ днямъ съ нарочитою цѣлію, для собесѣдованія со всѣми прихожанами этихъ деревень, по отслуженіи молебна Спасителю или Богородицѣ, или святому, покровителю деревни, для чего они должны быть предъувѣдомлены заранѣе... Вотъ тутъ можно предлагать бесѣды въ системѣ вѣроученіи или благочестія или разсказы изъ церковной и библейской исторіи. Изъ отчетовъ священниковъ можно усматривать и то, что они или не поняли нашего распоряженія, касательно веденія дневниковъ, или не захотѣли исполнить сего какъ должно, а нѣкоторые и прямо таки выразили мысль объ обременительности этого дѣла для себя. Но какъ же мнѣ иначе слѣдить за просвѣти-

тельною дѣятельностію священниковъ? И вовсе не трудно записывать въ краткихъ чертахъ въ дневной журналъ, когда, гдѣ и по какому случаю были бесѣды и о чемъ бесѣдовалось, — въ общихъ положеніяхъ.... Конечно, трудно должно быть и нравственно невыносимо заносить въ дневникъ то, чего въ дѣйствительности не было,— прямѣе сказать: лгать, чтобы не обнаруживать свою безпечность и нерадѣніе въ главнѣйшемъ дѣлѣ церковнаго пастырства, на что можетъ рѣшиться развѣ только тотъ, кто не обладаетъ достаточно чувствительною и богобоящеюся совѣстію... И я весьма не желалъ бы, чтобы священники лгали мнѣ въ дѣлахъ своего церковно-пастырскаго служенія: въ этомъ отношеніи ихъ ложь, по степени ея виновности предъ Богомъ и Церковію, равна лжи извѣстныхъ изъ апостольскихъ дѣеписаній Ананіи и Сапфиры, а потому и наказанію подлежатъ тяжкому на судѣ Божіемъ».

Секта духоборцевъ.

(Продолженіе *).

Внѣшняя исторія секты отъ начала XIX вѣка до настоящаго времени.

Предоставляя духоборцамъ полную свободу совѣсти въ дѣлѣ вѣры и требуя отъ нихъ только того, чтобы они не нарушали общественнаго порядка, Императоръ Александръ Благословенный вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ исторіею и положеніемъ духоборцевъ, думалъ о средствахъ, которыми можно было-бы остановить дальнѣйшее распространеніе секты и охранить самихъ сектантовъ отъ враждебнаго отношенія къ нимъ со стороны православныхъ. Скоро такое средство было, дѣйствительно, найдено. Въ самомъ началѣ истекающаго столѣтія сенаторамъ Лопухину и Нелединскому-Мелецкому было поручено произвести ревизію слободско-украинской (нынѣ харьковской) губерніи. Ревизоры не могли не обратить вниманія на духоборчество, которое тогда было весьма сильно распространено въ харьковской губерніи. Проникнутые либерально-гуманными воззрѣніями своего вѣка на религію, сенаторы, и особенно Лопухинъ, отнеслись весьма снисходительно къ сектантамъ. Они посѣщали ихъ селенія, собирали ихъ

---

*) См. „Мисс. Обозр." 97 г. Мартъ—Апр. кн. 1 стр. 245—255.

къ себѣ, ласково бесѣдовали съ ними и успѣли заслужить полное довѣріе ихъ къ себѣ. Свои донесенія Государю Императору о харьковскихъ духоборцахъ сенаторы писали въ духѣ совершенной вѣротерпимости. Между прочимъ, уже въ концѣ ревизіи къ сенаторамъ въ Харьковъ собрались многіе духоборцы вмѣстѣ съ нѣсколькими екатеринославскими своими единовѣрцами. Продолжительная бесѣда сенаторовъ, особенно Лопухина съ ними кончилась тѣмъ, что духоборцы подали прошеніе, въ которомъ они, изъявляя свое усердіе, вѣрность и преданность Государю, просили позволить имъ выдѣлиться въ особое поселеніе. Сенаторы тогда-же (3 декабря 1801 г.) послали Государю второе свое донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, писали о духоборцахъ слѣдующее: «изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ новороссійской губерніи были у насъ, Всемилостивѣйшій Государь, и всѣ изъявили желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ себѣ къ тому мѣстъ, и въ оныхъ, какъ и въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предаваясь всемилостивѣйшей волѣ Царской». Мысль сенаторовъ-ревизоровъ о переселенія духоборцевъ въ одно какое-либо мѣсто совершенно соотвѣтствовала и думамъ самого Монарха, который желалъ предохранить православныхъ отъ соблазна и защитить сектантовъ отъ вражды и презрѣнія православнаго народа. Поэтому, предположенію сенаторовъ данъ былъ надлежащій ходъ и скоро было найдено мѣсто, удобное, по мнѣнію правительства, для поселенія сектантовъ, именно въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи по р. Молочной, гдѣ оставались незаселенными обширныя плодородныя поля, получившія отъ орошавшей ихъ рѣки названіе «молочныхъ водъ». 25 января 1802 года уже былъ данъ на имя новороссійскаго гражданскаго губернатора Высочайшій указъ, въ которомъ подробно излагались очень гуманныя правила и условія переселенія духоборцевъ на «молочныя воды». Судя по точному смыслу указа, переселеніе духоборцевъ должно было происходить при весьма льготныхъ условіяхъ для нихъ: на каждую душу отводилось по 15 десятинъ земли, каждому семейству выдавались взамообразно подъемныя деньги въ количествѣ 100 руб. и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ переселенія духоборцы освобождались отъ платежа всякихъ повинностей.

Вскорѣ затѣмъ началось и самое переселеніе духоборцевъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи на «молочныя воды». Переселеніе происхо-

дило постепенно и правильно. Сначала переселились въ мелитопольскій уѣздъ духоборцы слободско-украинской и екатеринославской губерній; они основали здѣсь слободу «Богдановку». За ними послѣдовали духоборцы воронежской и тамбовской губерній, которые основали слободу «Терпѣніе» и среди которыхъ въ моментъ переселенія находился, между прочимъ, Савелій Капустинъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи главою и руководителемъ, «христомъ» всѣхъ таврическихъ духоборцевъ. Затѣмъ слѣдовали уже болѣе мелкія и частныя партіи духоборцевъ-переселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, напр., изъ Азова, Екатеринбурга, Земли войска Донского, саратовской, архангельской и кавказской губерній, даже изъ Сибири и Финляндіи.

Массовое переселеніе духоборцевъ на «молочныя воды» продолжалось до 1817 года, когда Высочайшимъ указомъ отъ 3 апрѣля повелѣно было впредь «духоборцевъ изъ другихъ мѣстъ въ селенія мелитопольскія не прибавлять». Впрочемъ, уже въ слѣдующемъ году самимъ Государемъ было допущено исключеніе изъ этого правила. По прошенію мелитопольскихъ духоборцевъ, которыхъ въ 1818 году посѣтилъ Государь лично на пути въ Крымъ, дозволено было всѣмъ духоборцамъ, сосланнымъ за преступленія въ разныя отдаленныя мѣстности Россіи, переселиться на «молочныя воды». Послѣ того до самаго конца царствованія Императора Александра Благословеннаго правительственныя распоряженія касательно переселенія духоборцевъ на «молочныя воды» колебались между двумя крайностями: то разрѣшалось имъ переселяться сюда, причемъ въ 1820 г. комитетъ министровъ, принимая во вниманіе умноженіе мелитопольскихъ духоборцевъ отъ переселенія къ нимъ единовѣрцевъ, постановилъ даже отвести во владѣніе духоборцевъ въ мелитопольскомъ уѣздѣ добавочныхъ 5,296 десятинъ земли;—то, на оборотъ, сектантамъ запрещалось переселяться въ мелитопольскій уѣздъ таврической губерніи по разнымъ причинамъ. Въ 1824 году совсѣмъ было прекращено переселеніе духоборцевъ на «молочныя воды».

Здѣсь позволительно, кажется, будетъ замѣтить, что какъ ни много переселилось духоборцевъ, и добровольно, и по предложенію правительства, въ таврическую губернію, но немало ихъ осталось, какъ оказалось впослѣдствіи, и въ другихъ мѣстахъ Россіи, напр., въ астраханской, екатеринославской, харьковской, и пензенской губерніяхъ, въ Сибири и т. п. Неизвѣстно, при какихъ обстоятель-

ствахъ и когда именно переселились духоборцы и на Кавказъ. Несомнѣнно только то, что въ 1821 г. въ ахалкалакскомъ уѣздѣ тифлисской губерніи ихъ было до 2,300 душъ. Но главное поселеніе духоборцевъ къ концу царствованія Императора Александра Благословеннаго все таки сосредоточивалось на «молочныхъ водахъ» въ таврической губерніи. Всѣхъ духоборцевъ, разновременно переселившихся въ мелитопольскій уѣздъ таврической губерніи, къ 1827 г. насчитывалось до 800 семействъ съ 3,985 душ. обоего пола; въ дѣйствительности-же, какъ нѣкоторые думаютъ, мелитопольскихъ духоборцевъ могло быть значительно больше. Всѣ они жили въ слободахъ, расположенныхъ главнымъ образомъ по теченію р. Молочной. Благодаря покровительственному отношенію правительства, разнымъ льготамъ, какія были предоставлены имъ, плодородію почвы и своему трудолюбію, мелитопольскіе духоборцы скоро успѣли хорошо устроиться на новыхъ мѣстахъ жительства и были вполнѣ довольны своимъ положеніемъ. Они, видимо, подумывали даже о совершенномъ отдѣленіи отъ православнаго русскаго населенія и образованіи своего особаго «духоборческаго» государства въ великомъ русскомъ царствѣ. Излишнее покровительство высшей власти духоборцамъ внушило имъ чрезмѣрную самоувѣренность и сдѣлало ихъ требовательными даже до дерзости. Такъ, напр., въ 1816 и 1817 гг. мелитопольскіе духоборцы съ поразительною дерзостію добивались у Государя Императора Александра Благословеннаго права, оффиціально, въ сношеніяхъ съ правительствомъ называться духоборцами.

Что-же касается собственно нравственнаго состоянія мелитопольскихъ духоборцевъ, то объ этомъ правительство имѣло двоякія свѣдѣнія. Большинство лицъ, случайно входившихъ въ соприкосновеніе съ духоборцами и наблюдавшихъ ихъ жизнь, отзывались о нравственномъ состояніи ихъ вообще одобрительно; самъ Императоръ Александръ Благословенный, лично посѣтившій мелитопольскихъ духоборцевъ, остался доволенъ ихъ благосостояніемъ и потому твердо держался того-же убѣжденія. Наоборотъ, другія, правда, немногія лица, имѣвшія возможность ближе и лучше наблюдать жизнь и взаимныя отношенія мелитопольскихъ духоборцевъ, тщательно скрывавшихъ отъ постороннихъ глазъ все, касавшееся ихъ внутренняго устройства и быта, давали совершенно противоположные отзывы о нравственномъ состояніи духоборцевъ, характеризуя ихъ, какъ людей хитрыхъ, скрытныхъ, лицемѣрныхъ, гордыхъ и способныхъ на всякое преступленіе.

Но въ царствованіе Императора Александра Благословеннаго голоса такихъ свидѣтелей не слушали, хотя все таки и въ это время разныя преступленія мелитопольскихъ духоборцевъ дѣлались извѣстными правительству и по поводу ихъ производились дознанія, которыя, впрочемъ, при господствовавшей тогда вѣротерпимости у насъ, всегда оканчивались болѣе или менѣе благополучно для духоборцевъ. Съ полною несомнѣнностію можно сказать одно только то, что главная цѣль, которая имѣлась въ виду при переселеніи духоборцевъ въ одно мѣсто, на «молочныя воды», не была достигнута правительствомъ. Съ переселеніемъ въ мелитопольскій уѣздъ таврической губерніи, духоборцы не только не прекратили пропаганды своего лжеученія, но еще болѣе усилили ее. Какъ показываютъ документы, собранные проф. Лебедевымъ, духоборцы, переселившіеся на «молочныя воды», имѣли постоянныя сношенія съ жителями разныхъ мѣстъ харьковской губерніи и старались завлекать ихъ въ свою секту, обольщая главнымъ образомъ выгодами своего, дѣйствительно, привеллигированнаго положенія на «молочныхъ водахъ». Многіе, дѣйствительно, поддавались такимъ обольщеніямъ и заявляли гражданскому начальству о своей принадлежности къ духоборчеству единственно съ тою цѣлію, чтобы добиться переселенія на льготныхъ условіяхъ туда, куда манили ихъ разныя житейскія выгоды. Но такой порядокъ вещей продолжался только до конца царствованія Императора Александра Благословеннаго.

Совсѣмъ иначе стало относиться къ духоборцамъ русское правительство съ воцареніемъ Императора Николая Павловича. Прежняя терпимость и снисходительность, иногда переходившая въ поблажку и покровительство духоборцамъ, теперь смѣнилась справедливостію, законностію и, основанною на нихъ, строгостію въ отношеніи къ сектантамъ. Были изданы теперь нѣкоторыя частныя распоряженія, значительно ограничивавшія прежнія льготы духоборцамъ и преимущественно имѣвшія цѣлію прекратить дальнѣйшее распространеніе вредной секты. А въ указѣ 20 октября 1830 г. была сдѣлана русскимъ правительствомъ попытка установить общее опредѣленное отношеніе къ духоборцамъ. Общій смыслъ изданнаго 20 октября 1830 года законодательнаго акта былъ таковъ. Духоборчество причислялось къ особенно вреднымъ сектамъ. Пропаганда духоборчества безусловно воспрещалась и строго каралась судомъ. Виновныхъ въ этомъ преступленіи рѣшено было или отдавать въ солдаты,

съ зачисленіемъ въ кавказскій корпусъ, или-же за меньшую вину водворять въ закавказскія области. Допущеніе духоборцевъ ко всякимъ общественнымъ должностямъ безусловно запрещалось и переселеніе сектантовъ въ таврическій край рѣшительно и на—всегда прекращалось.

Такимъ образомъ, льготная жизнь сектантовъ, весьма много содѣйствовавшая усиленію и распространенію духоборчества на югѣ Россіи, теперь окончилась. Но этого мало. Правительство Императора Николая I-го обратило серьезное вниманіе на южно-русскихъ духоборцевъ и, конечно, не могло не замѣтить разныхъ преступленій и вообще многаго ненормальнаго въ жизни этихъ послѣднихъ. Обнаруженію всѣхъ безобразій своей внутренней жизни немало содѣйствовали сами-же таврическіе духоборцы, которые тогда находились въ состояніи совершенной анархіи, благодаря отсутствію среди нихъ хорошаго, честнаго и опытнаго руководителя. Наличные вожди секты управляли обществомъ исключительно въ своихъ эксплоататорскихъ видахъ и обращались съ своими подчиненными, какъ самые страшные тираны, неумолимо жестоко карая всѣхъ по ложнымъ доносамъ, нерѣдко по малѣйшему подозрѣнію, а иногда просто даже по одной своей прихоти, какая бываетъ свойственна всѣмъ вообще деспотамъ. Все это сдѣлалось извѣстнымъ правительству. Въ 1835 году была назначена имъ особая коммиссія, которая употребила четыре года на разслѣдованіе дѣла о духоборцахъ и открыла множество злоупотребленій и безчеловѣчныхъ преступленій, совершавшихся въ ихъ средѣ. На основаніи заключенія коммиссіи, 17 февраля 1839 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы «всѣ духоборцы были переселены изъ «молочныхъ водъ» и водворены въ закавказской провинціи подъ строгимъ надзоромъ», при чемъ отъ этого переселенія освобождались лишь тѣ изъ духоборцевъ, которые выражали желали возсоединиться съ православною Церковью. Въ извѣщеніи новороссійскаго генералъ-губернатора объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи такъ излагались вины духоборцевъ, за которыя ихъ постигла справедливая кара. Указавъ на великодушіе, кротость и чрезвычайныя благодѣянія духоборцамъ со стороны Императора Александра Благословеннаго, генералъ-губернаторъ затѣмъ такъ продолжалъ свое воззваніе къ сектантамъ: «и чѣмъ-же вы отблагодарили за всѣ эти благодѣянія? Едва успѣли вы водвориться на отведенной вамъ землѣ, какъ во имя вашего вѣрованія и по приказанію вашихъ мнимыхъ

наставниковъ вы совершили страшныя преступленія: вы истязали людей и затѣмъ предавали смерти; вы укрывали у себя злодѣевъ и преступниковъ, ускользавшихъ отъ руки правосудія, вы таили и скрывали отъ властей преступленія и злодѣянія вашихъ братьевъ и ни на минуту не переставали быть мятежными и непокорными власти... Всѣ преступленія ваши обнаружены и неповинная кровь, вами пролитая, призываетъ на преступную главу вашу строгость закона».

Въ силу правительственнаго распоряженія, съ весны 1841 года началось переселеніе духоборцевъ изъ таврической губерніи въ закавказскій край. Переселеніе это совершилось на основаніи особаго правительственнаго положенія, изданнаго 17 апрѣля 1842 года, и происходило постепенно, при чемъ духоборцы переселялись отдѣльными партіями. Оно совершилось сравнительно мирно и въ порядкѣ, такъ какъ духоборцы довольно спокойно приняли правительственное распоряженіе. Переселеніе продолжалось около 4 лѣтъ и послѣдніе духоборцы оставили таврическій край въ 1875 г.

Полагаютъ, что мелитопольскихъ духоборцевъ, ко времени переселенія ихъ въ закавказскій край, было всего до 5,000 человѣкъ, изъ коихъ значительное количество предпочло остаться на прежнемъ мѣстѣ подъ условіемъ предложеннаго имъ правительствомъ обращенія въ православную вѣру. Едва-ли стоитъ упоминать о томъ, что это обращеніе, какъ вынужденное, было совершенно неискреннимъ. Слѣдуетъ горько пожалѣть, что правительство допустило оставленіе духоборцевъ на югѣ Россіи, такъ какъ они-то именно впослѣдствіи и были тою удобною, воздѣланною и вполнѣ подготовленною почвою, на которой произрасли разныя тернія новѣйшаго русскаго раціонализма.

Въ за-кавказскомъ краѣ духоборцы сравнительно скоро разселились и устроились на указанныхъ имъ мѣстахъ. Главныя ихъ поселенія, въ видѣ 8 деревень, были расположены вдоль бывшей турецкой границы къ западу отъ Тифлиса въ ахалцыхскомъ уѣздѣ; три поселенія находились въ тифлисскомъ и два-три—въ елизаветпольскомъ уѣздѣ, къ юго-востоку отъ Тифлиса. Въ за-кавказскій край духоборцы прибыли хотя и съ разстроенными, вслѣдствіе переселенія, имуществами, но въ то-же время и съ правильнымъ общественнымъ устроствомъ, которое покоилось на замѣчательной внутренней дисциплинѣ и полномъ единодушіи. Благодаря этому, они, руководимые своимъ тогдашнимъ главаремъ Илларіономъ Калмыковымъ и окру-

жавшими его атаманами т. н. «сиротскаго дома», чрезвычайно скоро устроились и начали спокойную трудовую жизнь въ новомъ мѣстѣ своего поселенія. Ближе ознакомившись съ условіями новой страны и понявъ, что занятіе земледѣліемъ здѣсь и невыгодно и отчасти даже невозможно, духоборцы стали энергично заниматься извознымъ промысломъ и скотоводствомъ. Благодаря своему трудолюбію и взаимной поддержкѣ, въ связи съ хорошими средствами, принесенными ими въ закавказскій край, духоборцы очень быстро разбогатѣли и въ значительномъ своемъ большинствѣ сдѣлались прекрасными хозяевами, вполнѣ обезпеченными, нерѣдко даже обладателями громадныхъ капиталовъ. Во мнѣніи мѣстной администраціи они всегда пользовались наилучшею репутаціею, какъ люди русскіе, оказывавшіе прекрасную услугу колонизаціи отдаленной окраины государства, высоко поднявшіе знамя русской культуры въ за-кавказьи, какъ люди, далѣе, трезвые, исправно платившіе всякія повинности, никогда не замѣчавшіеся ни въ какихъ преступленіяхъ и даже почти никогда не обращавшіеся къ гражданскому суду, наконецъ, какъ люди, оказывавшіе русскому правительству по временамъ весьма важныя, иногда, дѣйствительно, незамѣнимыя услуги. Такъ, напр., во время послѣдней русско-турецкой войны духоборцы безмездно дали всѣ средства для перевоза русской арміи и для доставленія провіанта, чѣмъ сослужили великую службу своему отечеству, хотя, быть можетъ, и не по такимъ чистымъ и возвышеннымъ побужденіямъ патріотизма, какія готовы видѣть въ этихъ дѣйствіяхъ духоборцевъ ихъ защитники и панегиристы.

Такимъ образомъ, со внѣшней стороны духоборцы въ закавказьи устроились хорошо и вели себя, повидимому, безукоризненно. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того-же о внутреннемъ состояніи закавказскаго духоборчества. Въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій духоборцы привыкли слѣпо повиноваться своимъ руководителямъ, которые стояли во главѣ ихъ общества. Строжайшая дисциплина, закрѣпленная еще на «молочныхъ водахъ» терроризмомъ, отучила ихъ отъ собственныхъ мыслей, соображеній и воли. Какъ пчелы около своей матки-царицы, такъ и они группировались около своего «сиротскаго дома», гдѣ повелѣвали ихъ руководители, слѣпо и безропотно исполняя велѣнія этихъ послѣднихъ, какъ-бы подъ часъ прихотливы, нелѣпы и даже прямо незаконны ни были они. Они привыкли жить, какъ автоматы, и даже не представляли себѣ возмож-

ности жагъ безъ высшей руководительной воли. А между тѣмъ съ этой послѣдней стороны духоборцамъ въ закавказьѣ пришлось пережить два кризиса, изъ коихъ второй былъ роковымъ для духоборцевъ особенно въ томъ отношенiи, что онъ поднялъ завѣсу, скрывавшую дотолѣ внутреннюю жизнь и устройство особаго духоборческаго мiра отъ глазъ начальства и вообще отъ постороннихъ лицъ.

Около двадцати лѣтъ жили духоборцы въ закавказскомъ краѣ спокойно и мирно. Но вотъ въ 1864 году умираетъ бездѣтнымъ, еще сравнительно молодой, глава сектантскаго общества Петръ Калмыковъ. Кончина его была полною неожиданностiю для духоборцевъ и тѣмъ больше должна была поразить ихъ, что, со смертiю Петра Калмыкова, прекращалось мужское поколѣнiе господствовавшей среди духоборцевъ почти въ теченiи цѣлаго вѣка династiи. Но, къ счастiю духоборцевъ, умиравшiй глава ихъ указалъ на свою жену Лукерью, какъ на свою преемницу и будущую руководительницу духоборческаго общества. Привыкшiе безпрекословно исполнять приказанiя своихъ руководителей, духоборцы единогласно признали Лукерью Калмыкову правительницею «сиротскаго дома». Будучи женщиной практичной, разсудительной и тактичной, Лукерья Калмыкова, вѣроятно, принимавшая участiе въ управленiи духоборческимъ обществомъ еще при жизни своего мужа, скоро и хорошо освоилась съ своимъ новымъ положенiемъ и съ значительнымъ успѣхомъ управляла духоборческою общиною въ теченiи 22 лѣтъ. Время ея управленiя можетъ быть по справедливости названо блестящею эпохою въ исторiи духоборчества.

Со смертiю духоборческой «богородицы»,—какъ называлась Лукерья,—послѣдовавшею въ 1886 году, наступило время смутъ и неурядицъ въ жизни духоборцевъ. Прямого наслѣдника и преемника умершая «богородица» не оставила по себѣ. Въ качествѣ наслѣдника ея, или правильнѣе, мужа ея Петра Калмыкова, выступилъ было одинъ молодой духоборецъ, нѣкто Петръ Веригинъ. Этотъ Петръ Веригинъ въ послѣднее время жизни Лукерьи Калмыковой былъ самымъ приближеннымъ ея человѣкомъ. Кромѣ того, мать Петра Веригина публично признала его сыномъ бывшаго руководителя и главы духоборческаго— Петра Калмыкова. Это послѣднее обстоятельство чрезвычайно возвысило авторитетъ смѣлаго авантюриста Петра Веригина въ глазахъ темной духоборческой массы, такъ что около $^{7}/_{10}$ духоборцевъ признали его своимъ главою и руководителемъ. Но

зато болѣе благоразумное и—главное—вліятельное меньшинство духоборческаго общества рѣшительно отказалось ввѣрить свою судьбу тщеславному, самоувѣренному, разгульному и безшабашному молодому самозванцу. Это меньшинство составили преимущественно жители с. Горѣлаго, въ которомъ находился духоборческій «сиротскій домъ» и которое служило какъ-бы столицею духоборческаго закавказскаго общества. Все это были люди богатые, вліятельные, благодаря частымъ сношеніямъ съ правительственными агентами и вообще со внѣшнимъ міромъ, сравнительно многосвѣдущіе и потому понимавшіе, какая опасность грозила духоборческому обществу, если главою его сдѣлается Веригинъ. Они рѣшились употребить всѣ усилія къ тому, чтобы не дать Веригину осуществить свое честолюбивое намѣреніе. Поэтому, когда послѣдній пожелалъ было силою овладѣть «сиротскимъ домомъ» и, такимъ образомъ, захватить въ свои руки общественное достояніе и капиталы, а вмѣстѣ съ ними и верховную власть надъ духоборцами, то меньшая партія во главѣ съ старшиною с. Горѣлаго, Алексѣемъ Зубковымъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ среди духоборцевъ, обратилась за помощью къ правительственной власти, прося у нея защиты отъ насилія Петра Веригина съ его сообщниками. Это дѣйствіе меньшинства имѣло весьма важныя послѣдствія для жизни духоборцевъ. Гражданскія власти, дѣйствительно, не допустили насильственныхъ дѣйствій Петра Веригина, который впослѣдствіи, какъ виновникъ внутреннихъ смутъ и волненій въ средѣ духоборцевъ, былъ даже сосланъ въ Сибирь въ г. Шенкурскъ.

Духоборцы и особенно люди понимающіе среди нихъ скоро увидѣли, какую ошибку сдѣлали они, давъ возможность гражданскому начальству проникнуть въ ихъ внутреннюю жизнь, но было уже поздно. Большинство глубоко возненавидѣло «горѣловцевъ», которые впервые обратились къ правительству за содѣйствіемъ и, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія духоборческой явились измѣнниками. Духоборцы тогда перессорились между собою и раздѣлились на двѣ партіи: бо́льшую, состоявшую изъ послѣдователей Веригина и потому прозванную «веригинскою» и меньшую, горѣловскую, такъ какъ ее составили преимущественно жители с. Горѣлаго, прозванную еще членами первой, въ насмѣшку, «правительственною». Между послѣдователями той и другой партіи установились крайне враждебныя отношенія и полное разобщеніе.

Но на этомъ образованіи двухъ партій распаденіе духоборчества, оставшагося безъ общаго и сильнаго руководства, не остановилось. Лишенные твердой власти, съ которою духоборцы такъ свыклись въ теченіи вѣка, они рѣшительно не въ состояніи были установить у себя прочную организацію, которая-бы объединяла всѣхъ членовъ партіи. Особенно это должно сказать о веригинской партіи. Среди горѣловцевъ, или правительственной партіи были лица опытныя, близко стоявшія къ прежнимъ руководителямъ секты; въ ихъ рукахъ остался также и «сиротскій домъ» со всей его организаціей, объединившей духоборцевъ этой партіи. Совсѣмъ не то мы видимъ въ средѣ веригинцевъ. Признанный ими «царь» былъ удаленъ изъ среды ихъ, а намѣстники его были все люди молодые и неопытные, не имѣвшіе надлежащаго авторитета. Веригинцы, правда, нѣкоторое время утѣшали себя надеждою на то, что имъ возвратятъ ихъ «царя». Особенно эта надежда ожила было среди нихъ въ послѣдніе годы, когда, по случаю радостныхъ событій въ Царствующемъ Домѣ, объявлялись русскому народу разныя милости. Но надежда эта не осуществилась, что немало содѣйствовало возбужденію среди веригинцевъ. Къ этому со временемъ присоединилось еще другое, болѣе важное, обстоятельство. Въ убѣжденіяхъ самого Веригина, который все время поддерживалъ живыя сношенія съ своими послѣдователями изъ мѣстъ своей ссылки, произошла коренная перемѣна. Находясь въ ссылкѣ, Веригинъ сошелся съ другими сектантами, которые познакомили его, между прочимъ, съ толстовскими идеями. Эти послѣднія совершенно плѣнили «царя» духоборцевъ и онъ увлекся ими. Черезъ депутатовъ, которые по временамъ являлись къ нему отъ его послѣдователей, онъ передалъ свои убѣжденія и этимъ. Подъ вліяніемъ новыхъ идей и новыхъ вѣяній, среди веригинцевъ произошло раздѣленіе: одни изъ нихъ, именно большинство,—остались при своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, между тѣмъ какъ другіе усвоили новыя идеи Веригина, или, правильнѣе, толстовскія, развитію которыхъ среди духоборцевъ этой партіи немало содѣйствовалъ проживавшій въ закавказскомъ краѣ рьяный послѣдователь толстовства— кн. Хилковъ. Строгіе послѣдователи Веригина-Толстого вскорѣ совершенно отдѣлились отъ своихъ единомышленниковъ и составили особую партію подъ именемъ «постниковъ», или «бѣлыхъ», т. е. обѣлившихся, сдѣлавшихся чистыми посредствомъ поста.

«Постники» питали такую сильную вражду противъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ, что рѣшительно не въ состояніи были жить вмѣстѣ съ ними. Поэтому, они употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы какъ нибудь отдѣлиться отъ своихъ прежнихъ сообщниковъ. Среди «постниковъ» была, кажется, даже мысль сначала какъ можно злѣе отомстить своимъ прежнимъ единовѣрцамъ, ближайшимъ образомъ «веригинцамъ», а потомъ и «горѣловцамъ», и затѣмъ переселиться въ Турцію. Потребовалось вмѣшательство административной власти для прекращенія происходившихъ въ средѣ духоборцевъ волненій и для предотвращенія подготовлявшейся среди нихъ кровавой междоусубной схватки. Всѣ увѣщанія и убѣжденія тифлисскаго губернатора, обращенныя къ постникамъ, оставить свои заблужденія и свои нелѣпыя затѣи и возвратиться къ прежнему мирному образу жизни, кончились ничѣмъ, такъ какъ нафанатизированные своими вожаками, находившимися подъ воздѣйствіемъ агентовъ Веригина, «постники» рѣшительно отказались вступить въ какія-бы то ни было сношенія съ гражданскимъ начальствомъ. Когда-же затѣмъ имъ объявлено было рѣшеніе начальства выселить ихъ въ другія мѣста, то они съ нескрываемою радостію приняли это извѣстіе и немедленно измѣнили образъ своего поведенія. Тогда, по распоряженію правительства, «постники», дѣйствительно, были переведены на другія мѣста и разселены небольшими группами между обитателями тифлисской, елизаветпольской и карской губерній. Выселеніе постниковъ было, конечно, разорительно для нихъ. Многіе изъ нихъ и доселѣ не имѣютъ постояннаго крова и никакого опредѣленнаго занятія, ведя бродячую жизнь и находясь въ возбужденномъ, безпокойномъ состояніи. Очевидно, что броженіе, начавшееся въ духоборческой сектѣ, далеко еще не закончилось и къ чему оно поведетъ далѣе,— трудно пока сказать.

Продолженіе будетъ.

Архимандритъ о. Павелъ (Прусскій) и его противо-раскольничья дѣятельность.

(Продолженіе [1]*).*

Юный Петръ Ледневъ (о. Павелъ)—убѣжденный ѳедосѣевецъ и его строго-аскетическое настроеніе. Шестилѣтній періодъ уединенной отшельнической жизни Петра въ сызранскихъ лѣсахъ. Возникшія сомнѣнія относительно правоты ученія ѳедосѣевцевъ и исканіе рѣшенія недоумѣній въ центрѣ ѳедосѣевцевъ—преображенскомъ кладбищѣ...

Когда Петру исполнилось двѣнадцать лѣтъ, произошло событіе усилившее пульсъ его духовной жизни: у него умерла мать. Глубоко потрясенный этимъ горемъ, онъ усердно искалъ себѣ нравственной поддержки и утѣшенія въ чтеніи книгъ нравственно-аскетическаго содержанія. Чрезвычайно многими историческими примѣрами можно свидѣтельствовать о томъ необыкновенномъ вліяніи, которое производитъ такого рода чтеніе на потрясенную впечатлительную душу. Тоже самое произошло и здѣсь. Духъ Петра былъ совершенно плѣненъ повѣствованіями объ аскетическихъ подвигахъ святыхъ отшельниковъ. Здѣсь, впервые и у него самого зародилась мысль о подражаніи святымъ людямъ, мысль о собственномъ подвижничествѣ. Укрѣпленію и развитію этой мысли содѣйствовали и постороннія обстоятельства. Міръ вообще не интересовалъ Петра: имѣя болѣзненный организмъ, онъ не склоненъ и не способенъ былъ пить полною чашей прелести земной жизни. Далѣе, своего искренняго послѣдователя ѳедосѣевство убѣждало оставить міръ, такъ какъ въ немъ царствуетъ антихристъ, и бѣжать въ пустыню для спасенія души. Петръ былъ искреннимъ ѳедосѣевцемъ и потому игнорировать требованіями своего вѣроученія не могъ. Въ виду его непривязанности къ міру, иночество не представляло для него особаго лишенія. Наоборотъ, мысли о жизни въ дремучемъ лѣсу, въ пустынѣ, плѣняли его юное воображеніе своею поэтическою прелестью; понести же при этомъ аскетическіе подвиги для его мощнаго духа должно было казаться своего рода даже наслажденіемъ: какъ извѣстно, сильныя натуры, безразлично въ мірѣ ли физическомъ, или духовномъ, чувствуютъ потребность въ соотвѣтственно тяжеломъ трудѣ,

---

[1]) См. „Мисс. Обозр“. 97 г. январь кн. 1 стр. 22—35.

гдѣ бы могли имѣть здоровое приложеніе всѣ наличныя силы и способности. Помимо указанныхъ побужденій къ иноческой жизни, было у Петра и еще одно, очень сильное, это—любовь къ чтенію книгъ. Объ этомъ онъ самъ говоритъ такимъ образомъ. «Одинъ, очень близкій мнѣ, ѳедосѣевскій дѣвственникъ спросилъ меня, почему я не вступаю въ бракъ. Я отвѣтилъ: потому что мнѣ нравится безбрачная жизнь для упражненія въ чтеніи книгъ». Благодаря всѣмъ такимъ побужденіямъ и обстоятельствамъ у Петра въ 16—17 лѣтъ твердо установляется аскетическое настроеніе и онъ рѣшается удалиться изъ родительскаго дома въ наиболѣе удобное для аскетическихъ подвиговъ мѣсто [1]).

Самое удаленіе Петра для отшельнической жизни имѣло слѣдующую исторію. Условія жизни при родительскомъ домѣ показались Петру чрезвычайно неудобными, чтобы проводить жизнь такъ, какъ ему хотѣлось. Для непрестанной молитвы и усиленныхъ подвиговъ требовалось удаленное отъ людей, пустынное мѣсто. И такъ какъ вблизи не было ни одного ѳедосѣевскаго монастыря, гдѣ бы его аскетическая настроенность могла найти соотвѣтственную обстановку, то, согласившись съ дядею, также аскетически настроеннымъ, они порѣшили выстроить себѣ келью вдали отъ отцовскаго дома, въ большомъ своемъ же саду, расположенномъ за рѣкой Сызранью. Здѣсь однимъ старикомъ ѳедосѣевцемъ Петръ окончательно былъ принятъ въ ѳедосѣевство (перекрещенъ) и обязался болѣе «не мірщить», т. е. по возможности не соприкасаться съ міромъ.—Выстроенная стараніями Петра и дядюшки новая келья обманула ожиданія Петра. Здѣсь все-таки не было пустыни: садъ былъ расположенъ въ чертѣ

---

[1]) Одинъ, добытый нами отъ очевидцевъ разсказъ, хорошо иллюстрируетъ аскетическую настроенность Петра въ этомъ возрастѣ. Около той части города, которая называется „Засызраномъ", есть довольно высокая гора, обрамлявшаяся когда то дремучимъ лѣсомъ. Въ это, скрытое отъ людскихъ взоровъ, мѣсто любилъ удаляться семнадцатилѣтній Петръ. Что дѣлалъ онъ тамъ, оставалось неизвѣстнымъ, но окровавленныя наколами босыя ноги, изорванный халатъ и воспаленный взоръ достаточно говорили о проведенномъ времени. Видъ его, конечно, поражалъ многихъ и когда спрашивали о немъ, знавшіе его отвѣчали, что онъ возвращается съ молитвы.—Другимъ любимымъ мѣстомъ уединенной молитвы Петра были Раменскіе лѣса, гдѣ у подошвы одной изъ горъ вытекалъ ключъ. Мѣсто это также не далеко отъ Сызрани; упомянутый ключъ теперь проведенъ въ городъ для снабженія его водою.

городскихъ поселеній. Житейская молва слишкомъ осязательно давала себя чувствовать, почему, проживши здѣсь немного болѣе года, онъ попросилъ у отца позволенія переселиться въ лѣсъ, отстоящій отъ Сызрани верстъ на десять, гдѣ, между прочимъ, находилась и пасѣка Ледневыхъ. Это былъ уголокъ вполнѣ скрытый отъ міра Въ раскольничьемъ смыслѣ слова это была дѣйствительно пустыня, гдѣ для аскетическихъ подвиговъ поселившагося здѣсь Петра представлялось полнѣйшее удобство и просторъ. Мы не знаемъ подробно, въ чемъ состояли подъятые имъ здѣсь подвиги; вообще можно сказать, что онъ занимался здѣсь преимущественно чтеніемъ книгъ св. Писанія и проводилъ самый строгій образъ жизни. Въ скоромъ времени молва о его подвижничествѣ распространилась довольно широко и такъ какъ въ безпоповствѣ религіозные обряды исполняются «простецами», выдѣлившимися изъ среды или начетничествомъ, или строгой нравственной жизнію, то и Петру вскорѣ пришлось «коснуться дѣлъ настоятельскихъ», ибо тамъ «весьма было скудно наставниковъ» и за большія нужды по многимъ мѣстамъ правили даже женщины[1]).

Въ этомъ уединеніи Петръ пробылъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Этотъ періодъ времени замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что, вслѣдствіе вполнѣ самостоятельной умственной жизни, Петръ совершенно отвыкъ слѣдовать внѣшнему авторитету въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Если прежде авторитетъ Ивана Порфирова, но не логическій смыслъ его доказательствъ, разрѣшилъ юному Петру вопросъ о Церкви и таинствахъ, то теперь уже Петръ самъ сталъ указывать Ивану Порфирову. Дѣло произошло такъ. Иванъ Порфировъ, зная, что безпоповскіе наставники, совершая исповѣдь, восхищаютъ не дарованная имъ, началъ учить, что исповѣдь совсѣмъ нужно оставить. «Но я, говоритъ впослѣдствіи о. Павелъ, на этотъ предметъ смотрѣлъ съ другой стороны. У насъ въ Сызрани почитали исповѣдь только руководствомъ жизни и наставленіемъ, подобно монашескому исповѣданію помысловъ[2]). И вотъ, я, смотря на исповѣдь, какъ на такое руководство, не находилъ справедливымъ отмѣнять

---

1) Собр. соч. арх. Павла ч. I. стр. 2.

2) На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, не совсѣмъ такъ, потому что требовали и предсмертной исповѣди, когда уже руководство и наставленіе для жизни было излишне. Брат. Сл. 93 г. I, 261. Восп. о. Павла.

ее. Я думалъ, что если молодого человѣка оставить безъ открытія совѣсти предъ наставникомъ и безъ нравственнаго наставленія, то чрезъ это можно ввести полную безнравственность, и потому я сталъ говорить противъ новаго въ ѳедосѣевствѣ ученія, которое проповѣдывалъ Иванъ Порфировъ. Это Порфирову стало обидно, на меня онъ сталъ гнѣваться и пришелъ жаловаться къ моему родителю, на котораго имѣлъ большое вліяніе. Родитель сталъ мнѣ говорить, чтобы я Порфирову уступилъ. Я не согласился,—отвѣтилъ родителю, что это дѣло совѣсти и изъ уваженія къ человѣку въ дѣлѣ совѣсти уступать нельзя. Итакъ, я не уступилъ Порфирову въ его незаконномъ требованіи» [1]).—Указанный фактъ является краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ совершившагося роста критической мысли Петра. Впрочемъ, здѣсь важно не столько это развитіе мысли, сколько то, во имя чего совершилось это возстаніе. «Изъ уваженія къ человѣку, говоритъ о. Павелъ, въ дѣлѣ совѣсти уступать нельзя». Въ тѣхъ случаяхъ, слѣдовательно, гдѣ нужно было дѣйствовать для принциповъ нравственныхъ, «въ дѣлахъ совѣсти», внѣшній авторитетъ не имѣлъ никакого значенія. Достаточно было, поэтому, появиться еще подобному «дѣлу совѣсти», т. е. дѣлу, которое противорѣчило бы требованіямъ яснаго нравственнаго чувства, и ни учитель, ни родитель, ни даже завѣщенная прадѣдами вѣра не устояли бы. Такъ, дѣйствительно, вскорѣ и случилось и именно въ рѣшеніи вопроса о крещеніи младенцевъ рожденныхъ ѳедосѣевцами, состоящими въ бракѣ.

Какъ извѣстно, ѳедосѣевское ученіе на томъ основаніи, что за разсыпаніемъ руки священства некому совершать таинство брака, отвергло самый бракъ и лицамъ брачнымъ при переходѣ ихъ въ ѳедосѣевскую секту ставится непремѣннымъ условіемъ разводъ и цѣломудренная жизнь. Однако у многихъ, переходящихъ въ эту секту супруговъ, не хватаетъ силъ исполнить указанное требованіе; въ такомъ случаѣ сожительство ихъ считается за открытый блудъ и жена, соживущая мужу, именуется блудницею и считается недостойною своею грудью кормить младенца, просвѣщеннаго ѳедосѣевскимъ крещеніемъ; кормить младенца въ такомъ случаѣ полагается молокомъ коровьимъ. Но ежели мать, жалѣючи младенца, будетъ его кормить своими сосцами, младенецъ за то считается от-

[1]) Братск. Слово, 93 г. I, 262. Воспомин. о. Павла.

лученнымъ и если прилучится ему въ такомъ положеніи умереть, то долженъ лишиться надгробнаго пѣнія и всего обычнаго поминовенія [1]). Этотъ, вновь встрѣтившійся фактъ, былъ посерьезнѣе того, который произошелъ при столкновеніи Петра съ Иваномъ Порфировымъ. Тамъ Петръ ратовалъ противъ нововведенія, здѣсь было строгое преданіе ѳедосѣевскихъ отцовъ. Петру предстояло или, нарушивъ вѣрность этимъ преданіямъ, остаться примиреннымъ съ требованіями нравственнаго чувства, или же, мучась совѣстью, исполнять до конца ѳедосѣевскія постановленія. Предрѣшеніе этого вопроса заключалось въ личномъ характерѣ Петра. Онъ, прежде всего, не былъ холоднымъ эгоистомъ, думавшимъ только о себѣ, оставляя безъ вниманія и собственнаго участія нужды своихъ пасомыхъ. Въ то время какъ другіе наставники на вопросъ о возможности смерти для некрещеннаго младенца отвѣчали: «а что мнѣ за грѣхъ! грѣхъ отцу съ матерью, съ нихъ Богъ взыщетъ», «пусть такъ некрещенный и умираетъ» [2]), у Петра отъ жалости къ этимъ младенцамъ разрывается сердце. Это глубокое состраданіе заставляетъ Петра вникнуть глубже въ это явленіе, которое, будучи дѣломъ вѣры, противорѣчило въ тоже время нравственнымъ требованіямъ. И если бы Петръ по своей духовной структурѣ былъ подобенъ прочимъ наставникамъ «старикамъ—ревнителямъ», слѣпо вѣровавшимъ всякимъ «преданіямъ», и по грубости своей мало чувствовавшимъ великое горе своей паствы, онъ, и вникнувъ въ дѣло, точно также сказалъ бы: «а что мнѣ за грѣхъ! грѣхъ отцу съ матерью»! Но Петръ разумно и сердечно относился къ постановленіямъ своей вѣры, различая здѣсь существенное отъ несущественнаго. Вышеуказанное постановленіе ѳедосѣевскаго вѣроученія онъ счелъ именно за несущественное, назвалъ его «вышемѣрнымъ» и рѣшился «не быть точнымъ его наблюдателемъ» [3]). Такимъ образомъ, и дѣло совѣсти было улажено и преступленія противъ вѣры не оказалось, такъ какъ то требованіе, которое Петръ назвалъ «вышемѣрнымъ», очевидно было и незаконнымъ.—Такъ кончилось первое столкновеніе принциповъ и воззрѣній Петра съ воззрѣніемъ ѳедосѣевства: послѣднее оказалось съ заблужденіями, авторитетъ его, поэтому, былъ поколебленъ.

---

[1]). Собраніе соч. арх. Павла, ч. I, стр. 2.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 3.

[3]) Собр. соч. арх. Павла ч. I, стр. 2.

Вскорѣ вниманіе и критическая мысль Петра были привлечены новымъ фактомъ, послужившимъ, анологично только что указанному, «вторымъ поводомъ къ познанію ѳедосѣевскихъ заблужденій».—Извѣстно уже, какъ ѳедосѣевство относится къ браку и брачнымъ лицамъ. Многіе изъ вступившихъ въ бракъ, не имѣя силы разойтись, или же проводить «чистое житіе», не удостоиваются здѣсь, между прочимъ, и исповѣди. Только близость смерти и опасеніе умереть безъ покаянія заставляетъ нѣкоторыхъ вполнѣ искренно дать обѣтъ цѣломудрія. Такое тяжкое условіе значительно препятствуетъ переходу въ ѳедосѣевство брачнымъ лицамъ, убѣжденнымъ въ его сравнительной истинности: переходъ свой они иногда отлагаютъ до предсмертной болѣзни. Да и при смерти все-же трудно бываетъ разорвать семейную связь особенно тѣмъ, кои вѣнчаны въ православной церкви. Отсюда и происходитъ для нихъ тяжкое испытаніе: дать обѣтъ чистоты,—расторгнуть брачныя узы,—страшно, и силъ нѣтъ исполнить: не дать,—нужно лишиться исповѣди и отпущенія грѣховъ, потерять надежду спасенія: дать лицемѣрно, лишь бы исповѣдаться,—какъ рѣшиться солгать Богу, да еще предъ смертію? Знаютъ все это законополагатели безбрачія и дабы устранить столь важное препятствіе къ упроченію и расширенію своего согласія, придумали «коварственную исповѣдь» и «коварственный чинопріемъ»[1]), какъ выражается о. Павелъ, для принятія въ ѳедосѣевство членовъ православной Церкви. Этотъ «коварственный чинопріемъ», по словамъ о. Павла, состоитъ въ слѣдующемъ. «Прямого отрицанія брака не требовалось, а довольствовались общимъ отрицаніемъ сатаны и дѣлъ его, разумѣя подъ онымъ и отрицаніе отъ брака: ибо, по ихъ понятію, бракъ есть сатанинское же дѣло. Такимъ образомъ, и приходящій къ чинопріему не истязуется о бракѣ, хотя и даетъ отреченіе отъ брака, самъ того не вѣдая: увѣдаетъ тогда уже, когда за плоды брачнаго сожитія, т. е. чадородіе, будетъ отлученъ отъ общей молитвы. И старикъ, совершающій крещеніе, не скорбитъ, что совершилъ оное, не взявъ съ крещаемаго обѣщанія расторгнуть бракъ: ибо полагаетъ, что такое обѣщаніе, хотя не прямо, всетаки получилъ, и предъ людьми не стыдно: молвы нѣтъ, что браки расторгаютъ, и отъ начальства безъ бѣды» [2]). Далѣе, при исповѣди тяж-

---

[1]) Собр. соч. арх. Павла, ч. I, стр. 9.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 9.

ко больныхъ, они не спрашиваютъ ихъ о бракѣ, «а довольствуются общимъ о всѣхъ содѣянныхъ грѣхахъ отвѣтомъ и обѣщаніемъ ктому оныхъ не творити»[1]). Такимъ образомъ, о разводѣ ни слова, хотя скрытое требованіе его несомнѣнно составляетъ несознаваемую для исповѣдуемаго сущность этой исповѣди.

Нѣсколько иного рода была «коварственная исповѣдь для брачныхъ, здравыхъ ѳедосѣевцевъ: исповѣдывали женатыхъ въ такомъ случаѣ только «ради успокоенія совѣсти» и исповѣдывали не стоя, а сидя. «И вотъ, если какой ревнитель безбрачныхъ преданій, какъ и случается, нападаетъ на старика: зачѣмъ онъ исповѣдывалъ женатаго,—у него готовъ отвѣтъ: «я не исповѣдывалъ, мы только бесѣду имѣли, какъ ему отъ грѣха избыть». А если женатый спроситъ, для чего не по чину его исповѣдуетъ, для чего оба сидятъ, а не стоятъ на исповѣди, тому скажетъ: «нельзя, другъ! я бы и радъ иначе сдѣлать, да меня самого отлучатъ, а ты довольствуйся и такою исповѣдью»[2]).

Для человѣка прямого, неспособнаго на какіе бы то ни было компромиссы,—видѣть подобнаго рода двоедушіе и обманъ и гдѣ-же? —въ дѣлахъ вѣры, было крайне тяжело. Открыто было, такимъ образомъ, новое несомнѣнное заблужденіе ѳедосѣевства, новая прорѣха въ его авторитетѣ. И если прежде глубокая и искренняя убѣжденность въ истинности ѳедосѣевскаго ученія дѣлала Петра ревностнымъ членомъ этой секты, то теперь, когда зрѣлое сужденіе убѣдило его въ ложности многихъ ѳедосѣевскихъ воззрѣній, у него несомнѣнно не было уже ни той горячей приверженности къ ѳедосѣевству, ни той вѣры въ него, какъ исповѣданіе святое, непогрѣшимое. Начиналось роковое разочарованіе. Чувствуя, можетъ быть, свою духовную болѣзнь, въ цѣляхъ излѣченія и разрѣшенія появившихся недоумѣній Петръ рѣшается отправиться въ Москву, почитаемую старообрядцами за корень и главу ихняго древняго христіанскаго закона. Здѣсь, въ центрѣ ѳедосѣевства, въ знаменитой его школѣ—Преображенскомъ кладбищѣ, онъ надѣялся послушать такихъ наставниковъ, подобныхъ которымъ Сызрань и не видала; отъ нихъ онъ думалъ получить обстоятельное разъясненіе вкравшихся сомнѣній и почерпнуть новыя силы для дальнѣйшей

1) Тамъ-же, ч. I, стр. 8.
2) Тамъ-же, ч. I, стр. 9.

подвижнической жизни въ ѳедосѣевскомъ духѣ; кстати, здѣсь же думалъ онъ принять иноческій санъ, что было предметомъ его давнишнихъ желаній.

(Продолжен. слѣд.).

Мечта о золотомъ вѣкѣ.

(Очеркъ изъ современной жизни интеллигентныхъ нововѣровъ).

На исходѣ Май. Жарко. Давно не выпадало ни капельки дождя. Раскаленный воздухъ отъ полдневнаго зноя, смѣшанный съ дорожной пылью, затруднялъ дыханіе. Попадавшіяся на встрѣчу деревеньки, съ короткими, узкими полосками крестьянскихъ усадьбъ и съ жиденькой, въ видѣ щетинки, растительностью на нихъ, выглядывали какъ-то непривѣтливо и жалостливо. По сторонамъ дороги кое-гдѣ торчалъ низкорослый кустарникъ, попадалась и молодая поросль, поднявшаяся послѣ недавно срубленной рощи или небольшаго перелѣска; трава на луговинахъ мѣстами посѣдѣла отъ пыли, а мѣстами выгорѣла отъ солнца. Люди и животныя бродили какъ „стѣнь", по характерному выраженію крестьянъ, и съ нетерпѣніемъ ждали благодатнаго дождя, освѣжающаго и поднимающаго силы природы.

Нехорошо себя чувствуетъ человѣкъ въ это время, а тѣмъ болѣе слабогрудый. Какое-то недовольство, переходящее у иныхъ въ раздражительность, овладѣваетъ положительно всѣми; даже всегда рѣзвые и веселые дѣти,—и тѣ становятся какъ-то сдержанны и молчаливы. До сихъ поръ не могу забыть я грустный отвѣтъ и выраженіе лица одного деревенскаго мальчика, моего бывшаго ученика, лѣтъ тринадцати.

— Какъ чувствуешь себя Б—въ? спросилъ я мальчугана, всмотрѣвшись въ его осунувшееся лицо.

— «Скучно что-то»!

— Какъ, и тебѣ скучно? ну, братъ, удивилъ; а вѣдь я думалъ, что ты и понятія не имѣешь о скукѣ; анъ, ты вотъ какъ!

— Будешь имѣть, С. И., когда вездѣ такіе разговоры идутъ, нехорошіе, страшные, даже ужасть тебя беретъ: всѣ словно чего-то ждутъ, чего-то боятся.

— Бояться-то особенно нечего, коль станешь надѣяться на Бога: а ждутъ, братъ, больше дождя, который теперь дороже золота; тогда и народъ повеселѣетъ, и горе свое забудетъ.

Нѣчто вродѣ улыбки скользнуло по лицу умнаго мальчика. «А вонъ и коровъ гонятъ, сказалъ онъ, прощайте, побѣгу загонять». Больше я не видалъ Б—ва, а улыбка и блѣдно-желтое лицо, какъ сейчасъ предъ моими глазами.

На другой день я ужъ былъ въ дорогѣ, ѣхалъ «на отдыхъ», и усиленно глоталъ пыль вмѣсто чистаго майскаго кислорода.

Да нелучше оказалась ѣзда и въ вагонахъ. Спертый, горячій воздухъ, сонныя лица пассажировъ, время отъ времени кидавшихъ недружелюбные усталые взгляды на своихъ сосѣдей—во всемъ окружающемъ сказывалось возбужденно-нервное состояніе и въ васъ самихъ вызывало таковое-же. Нѣсколько бодрѣе выглядывали худосочные; но толстые, жирные люди (ѣхавшіе, быть-можетъ, съ какими-нибудь комерческими цѣлями) буквально злились; такъ что на самый обыкновенный вопросъ своего визави, вродѣ, «куда, молъ, ѣдете, или—не знаете-ли такую улицу въ городѣ»,—отвѣчали отрывисто и нехотя, лишь бы отвязаться, вѣроятно думая про себя: «убирайся, дескать, и безъ тебя тошно».

Вотъ общее впечатлѣніе дорожныхъ картинъ; оно, можетъ быть, выходило нѣсколько преувеличенно; зато въ собственныхъ чувствахъ я во всякомъ случаѣ не могъ обманываться. Дурное настроеніе не покидало меня во всю дорогу: и все болѣе возрастало по мѣрѣ дальнѣйшаго моего путешествія.

Привыкши постоянно къ тихой однообразной деревенской жизни среди своихъ маленькихъ друзей (школьниковъ), а частію ихъ родителей, я всегда съ большой неохотой разстаюсь съ ними, когда уѣзжаю на каникулярный отдыхъ въ мѣсто, живо-напоминавшее мое дѣтство и неразлучныя съ нимъ радости дѣтской жизни.

Съ тѣхъ поръ протекло не мало времени, произошли, какъ водится, большія перемѣны во всемъ, сначала и во мнѣ самомъ и въ моемъ отношеніи къ людямъ, затѣмъ въ окружающихъ меня условіяхъ жизни и, наконецъ, перемѣны—независимо отъ моего развитія и возраста. И такихъ перемѣнъ, какъ я погляжу, накопилась цѣлая бездна, къ лучшему или худшему поведутъ онѣ—Богъ знаетъ; только во мнѣ онѣ производятъ всегда болѣзненное ощущеніе.

Въ природѣ, повидимому, незамѣтно особыхъ перемѣнъ, (хотя и въ этомъ старики стараются разувѣрить молодое поколѣніе); но въ людяхъ есть,—перемѣны грубыя, рѣзкія, съ которыми приходится считаться иногда по необходимости, иногда случайно, а иногда по дол-

гу. Перемѣны эти шли не то что естественно, періодически, по извѣстнымъ «непреложнымъ законамъ» общественнаго роста, но, какъ мнѣ думается, больше искусственно,—по прихоти, по капризу единичныхъ личностей, носящихъ титло передовыхъ или обновителей «душной атмосферы» конца 19-го вѣка. Продолжая увеличиваться съ каждымъ днемъ и часомъ, перемѣны эти дробились и измѣнялись и ихъ дробленію и измѣненію, кажись, конца не было.

«Въ какомъ-то положеніи найду я своихъ старыхъ знакомыхъ»? думалъ я, сидя въ вагонѣ и изрѣдка поглядывая на стройныя, красноватыя сосны, тѣснившіяся, какъ двѣ живыя стѣны, по обѣимъ сторонамъ полотна ж. дороги.—Охъ, Господи, когда кончится эта рознь, этотъ антагонизмъ людской за идеалы, въ которыхъ по временамъ проглядываетъ самое мелочное самолюбіе, незаконно присвоившее себѣ христіанское названіе любви!. А какъ хочется со всѣми жить въ ладу, въ родствѣ и единеніи! Вѣчная борьба, борьба всюду, съ собою и съ другими,—когда же отдыхъ, когда прорвется свободное словечко «брата», брата не воображаемаго, а родного мнѣ брата о Христѣ? Не дождешься, видно!—И опять защемило что-то на сердцѣ, плакать хотѣлось, но глаза были сухи. Грѣшные, слабые мы люди: все въ рукахъ Божіихъ! утѣшалъ я себя. Поэтому не мечтай лишняго, не превозносись, а раствори каждому свое сердце, довѣрчиво и просто, и увидишь помощь Божію...

«Станція О.—во, поѣздъ стоитъ три минуты»!—раздался почти у самаго уха голосъ кондуктора, и я поспѣшилъ выбираться изъ вагона.

Знакомые мои жили близъ станціи, въ одной изъ многочисленныхъ дачъ, ютившихся по разнымъ мѣстамъ густого, еловаго лѣса. Они теперь, надо полагать, всѣ въ сборѣ, свободны и ничего не дѣлаютъ—думалъ я, выбираясь изъ глухой лѣсной трущобы на не большую поляну, гдѣ одиноко стоялъ красивый деревянный домикъ, съ садикомъ, клумбами и другими дачными приспособленіями.

Вечерѣло. Казалось бы свободнѣе можно вздохнуть послѣ такого зноя, анъ вышло еще хуже: миріады лѣсныхъ комаровъ и какихъ-то крохотныхъ мошекъ не даютъ ни минуты покою. Искусанное въ одинъ часъ тѣло покрывается красными волдырями. Развѣ можно было думать о какомъ-нибудь отдыхѣ или снѣ? гораздо лучше, если разговоръ нашъ затянется подольше.

—«Поздно, поздно, господинъ»! послышалось съ разныхъ сторонъ нѣсколько голосовъ, когда я появился среди своихъ знакомыхъ; —«мы васъ ужъ отчаялись и видѣть,—думаемъ—промахнулъ мимо»!

— Да все дѣла да случаи!—отвѣчалъ я обычной фразой, здороваясь то съ тѣмъ, то съ другимъ и отыскивая глазами, гдѣ бы мнѣ присѣсть.

Комната между тѣмъ была вся наполнена людьми; изъ нихъ оказалось двое—трое незнакомыхъ мнѣ. Ни одного свободнаго стула, ни одной табуретки!.. Изъ любезности кто-то предложилъ мнѣ одну, на которую я тотчасъ же устало опустился.

—«Господа! не смущайтесь: прерывать не стоитъ прекрасно начатый разговоръ по вопросу, такъ близкому нашему сердцу, — и вашему, надѣюсь», —обратился ко мнѣ хозяинъ дачи, высокаго роста, блѣднолицый, съ вытянутой шеей субъектъ, съ блестящими небольшими сѣрыми глазами.

— Господа! кто еще не знакомъ? честь имѣю представить!—народный учитель изъ новыхъ, но, по какой-то ироніи судьбы, принадлежитъ скорѣе къ нашимъ врагамъ; впрочемъ, не подумайте, что онъ въ самомъ дѣлѣ нашъ врагъ; вовсе нѣтъ, иначе какая сила затянула бы его сюда? вѣрнѣе сказать — онъ просто человѣкъ всѣмъ интересующійся, немножко впечатлительный, а занимая должность народнаго учителя, готовится получить дипломъ на кандидата невростенника, который ему, вѣроятно, и выдастся въ видѣ почетной преміи за 15 — 20 лѣтній трудъ. Что дѣлать, противъ судьбы не пойдешь!—продолжалъ аттестовать меня хозяинъ, путаясь и сбиваясь на каждомъ словѣ, но повидимому желая сказать что-нибудь пріятное обо мнѣ. Изъ среды собесѣдниковъ отдѣлились двѣ—три (незнакомыхъ) фигуры и, пожимая мою руку, рапортавали скороговоркой: «Ч—й, Б—нъ, К—нъ; по убѣжденіямъ,—добавилъ хозяинъ,—Ч.—й—штундистъ, Л—нъ—марксистъ, К.—нъ—фурьеристъ».

— Итакъ, продолжаемъ! «Интересно,—снова обратился ко мнѣ хозяинъ.—Студентъ Апушкинъ! встаньте посредѣ сего благороднаго сонма и явите пока намъ, а не мірови, что вы вынесли изъ вашего чтенія свящ. Писанія, предложеннаго вамъ въ видѣ назиданія когда-то достойно уважаемымъ, а нынѣ покойнымъ о. Р—мъ?

— Прошу отбросить шутовской тонъ, — возразилъ серьезно Апушкинъ, не поднимая наклоненной головы, — и говорить въ предѣлахъ возможнаго благоразумія, если тема касается такихъ щекот-

ливыхъ вопросовъ, какъ вопросъ о «золотомъ вѣкѣ», да и о. Р—въ, мнѣ кажется, заслуживаетъ о себѣ болѣе серьезнаго отзыва, а не шутовской ироніи.

— «Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія»! послышались отовсюду голоса.

— О. Р—въ дѣйствительно замѣчательный человѣкъ, выдающійся изъ своей братіи, тупоголовыхъ чиновниковъ—подкупленныхъ правительствомъ,—добавилъ опять хозяинъ.

— Ну, ужъ... промычалъ Апушкинъ.

— Успокойся, не стану, преложу гнѣвъ на милость, въ уваженіе къ тебѣ и къ другимъ,—лучше начнемъ...

— Однако—вмѣшалась гостепріимная хозяйка: всегда такъ нужно встрѣчать гостей, да притомъ съ дороги? вѣдь народный учитель, чай, утолимся, какъ это идетъ къ вашей гуманности! человѣкъ, можетъ быть, пить и ѣсть хочетъ а вы слушать заставляете его ваши басни».

Пить дѣйствительно мнѣ очень хотѣлось, и я залпомъ одинъ за другимъ опорожнилъ стакановъ пять уже остывшаго чая. Тѣмъ временемъ мнѣ подсунули нѣсколько газетъ, журналовъ, въ которыхъ довольно внушительно были отмѣчены краснымъ карандашомъ статьи, вызывавшія всегда какое-то злорадство среди молодежи.

— Вотъ, полюбуйтесь продѣлками вашихъ ревнителей православія!—сказалъ хозяинъ, тыкая рукою то въ ту, то въ другую статью,—послѣ этого и судите обо мнѣ, за что я называю ихъ подкупленными, низкими людишками, готовыми, какъ жалкій пьяница за стаканъ водки, душу свою продать и всякую правду, честь, человѣческое достоинство глубоко втоптать въ грязь.

Признаюсь, у меня защемило на сердцѣ при такихъ ясныхъ намекахъ (хозяина). А статей, какъ на подборъ, оказалось не мало, и преимущественно наполненныя «клеветами да доносами» мѣстныхъ священниковъ вкупѣ съ администраціею, по поводу столкновенія либо съ сектантами, либо съ мнимыми пропагандистами «зловредныхъ идей» среди крестьянъ, а также протестовъ противъ народныхъ читаленъ, библіотекъ и т. п. вещей.

— Вотъ на сію и на сію,.. горячился хозяинъ,—были наведены тщательныя справки, и ваши хваленые консерваторы ужъ не могутъ сказать, что это ложь; напротивъ,—самая сущая правда!

Апушкинъ забился въ уголъ и нервно оглядывалъ товарищей; болѣзненное что-то было въ его лицѣ: видимо, разговоръ нашъ ста-

новился до крайности ему тяжелъ; однако онъ не возражалъ ни слова, лишь по временамъ подавлялъ въ своей груди тяжелый вздохъ.

— «Ничѣмъ его такъ не проймешь и не сократишь его апологетическую размазню, какъ подобными гостинцами»,—продолжалъ неугомонный хозяинъ, (переводя свой взоръ на Апушкина и показывая на злополучныя статьи). Я думаю, онъ давно бы примкнулъ къ партіи нашихъ противниковъ, еслибы не эти ихъ мерзости.

— Однако не пора ли начинать, гг.? сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, замѣтивъ, что я кончилъ пить чай.

— Къ дѣлу!—повторили остальные.

— Синьеръ! за вами очередь?

— Я готовъ,—отвѣтилъ и началъ говорить Апушкинъ нѣсколько усталымъ голосомъ; но затѣмъ чѣмъ дальше шла его рѣчь, тѣмъ онъ больше и больше входилъ въ роль горячаго защитника своихъ убѣжденій и потому тѣмъ сильнѣе производилъ впечатлѣніе на своихъ слушателей.

— Господа! я не вѣрю сему здѣсь написанному,—началъ онъ, перевертывая нѣсколько страницъ ж. «Вопросы Философіи и Психологіи», гдѣ было напечатано письмо Л. Толстого къ г-жѣ Новицкой,--а тѣмъ болѣе не вѣрую содержанію данной тетради, которая такъ много взволновала наши умы, не вѣрю и не могу вѣрить, вопервыхъ потому, что нѣтъ достаточныхъ фактовъ, на чемъ бы могла обосноваться развиваемая авторомъ идея; вовторыхъ—осуществись хоть часть изъ того, о чемъ думаетъ Т—й, тогда выйдетъ крайне глупо и глубоко несправедливо!

— На первый разъ сказано сильно, господинъ,—зашумѣли голоса,—но безсодержательно, а главное, смѣшно: возставать противъ прогресса во всемъ, когда эта истина стала для всѣхъ очевидною. Апушкинъ! бѣдный Апушкинъ! елей, елей, безнадежность!

— Можно бы сердиться на васъ, г.г., за подобный тонъ; но что дѣлать, если вы такъ привыкли къ своимъ каламбурамъ даже въ самыхъ серьезныхъ вещахъ? и все таки постарайтесь, прошу, отвѣтить мнѣ на слѣдующее: дѣйствительно-ли въ ученіи гр. Т—го все такъ просто и ясно, какъ думаетъ вотъ сія г-жа Новицкая, какъ думаете и вы?

— Ну, а вы думаете, конечно, иначе?

— Да, я думаю иначе, и вотъ почему: если-бы у Т—го на самомъ дѣлѣ все было просто и ясно, то,—скажите на милость, съ какой-же стати ему задаютъ такой важный вопросъ, какъ, напр., *что намъ дѣлать?* вопросъ, отъ котораго зависитъ наше спасеніе или погибель? Кому неизвѣстно, какъ Т—й, съ самаго начала своего знаменитаго поворота въ писательствѣ, изощряетъ всю силу своего ума и истощаетъ всю богатую энергію надъ разрѣшеніемъ вопроса, который онъ называетъ исканіемъ «смысла жизни»? пишетъ объ немъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, пишетъ много, поспѣшно, пишетъ съ увлеченіемъ и жаромъ; но, несмотря на все это, разнорѣчивые толки о Т—мъ въ послѣднее время составили огромную литературу, печатную и непечатную, массу писемъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ и все по одному и тому же вопросу—по вопросу о смыслѣ жизни!.

Въ этихъ письмахъ и статьяхъ, какъ противники, такъ друзья Т—го поставляютъ на видъ своему оппоненту, одни—«недочеты, увлеченія», парадоксы, туманность метафизики, а другіе—фатализмъ, буддизмъ и крайній оптимизмъ; вотъ и найдите послѣ этого, г.г., равнодѣйствующую вашему «великому учителю»,—я по крайней мѣрѣ не въ силахъ рѣшить этой задачи и разобраться въ этомъ сумбурѣ, да врядъ-ли, думаю, и вы что новаго скажете!

— Очень можетъ быть, что мы новаго то и не скажемъ; но тѣмъ не менѣе и для Т—го рѣшить однимъ взмахомъ пера такую сложную задачу, какъ жизнь, не мыслимо; намъ кажется, что даже рѣшеніе и одной части ея въ томъ и другомъ направленіи многихъ должно сильно заинтересовать и увлечь, какъ-то соціалиста, атеиста, судью, политико-эконома и т. д. Отсюда понятно, почему о Т—мъ составилась такая разнообразная критическая литература, какъ объ учителѣ жизни; понятно также и сочувствіе и несочувствіе ему, и рѣзкость полемики, смотря потому, какой изъ важныхъ сторонъ нашей жизни касается его проповѣдь, и какъ сами мы относимся, по вашему выраженію, «къ глубокимъ тайнамъ нашего бытія», которыя съ такой смѣлостью объясняетъ Л. Н.

— Вы меня не совсѣмъ поняли, господа,—быстро обернулся Апушкинъ къ намъ и поправилъ свои длинные густые, темные волосы, спустившіеся въ нѣсколько прядей на его высокій красивый лобъ: я не говорю о жизни вообще, а я взялъ самое существенное въ ученіи гр. Т—го: вопросъ—«что намъ дѣлать»? и отвѣта не на-

шелъ на него во всѣхъ его сочиненіяхъ, какъ не нашли его другіе, къ которымъ, не обинуясь, можно причислить и васъ; иначе,—повторяю—какимъ образомъ Т—го осаждаютъ письмами, бесѣдами, еслибы въ его проповѣди опредѣленно содержалось все, что необходимо для пониманія (нашей) жизни, для нашей цѣли, для нашего истиннаго счастія? Кого удовлетворила и можетъ удовлетворить его пресловутая заповѣдь, о непротивленіи злу» и входящія въ нее нѣсколько отрицательныхъ положеній? Говорятъ, что положительную сторону своего ученія гр. Т.—й еще не успѣлъ раскрыть; но раскроетъ ли онъ ее, какъ слѣдуетъ—довольно рискованно дать утвердительный отвѣтъ, если допустить, что нашъ великій учитель доселѣ находится въ томъ состояніи броженія, которое онъ знаменуетъ «исканіемъ Бога» и «смысла жизни». А мы, горячіе его почитатели, съ гордостью называемъ себя его послѣдователями! Странно немного, чему-жъ собственно мы слѣдуемъ, если до сихъ поръ не знаемъ, что такое Богъ? какъ Т—й Его понимаетъ и какъ мы Его понимаемъ? Посудите, развѣ это не важно? развѣ это не центръ, объединяющій, по мнѣнію Т—го, все и вся? Вспомните, наконецъ, съ какимъ глубокимъ увлеченіемъ трактовалъ о Богѣ Бѣлинскій,—человѣкъ, котораго трудно было заподозрить въ неискренности! Другъ его Тургеневъ увѣряетъ, что Бѣлинскій отказывался даже отъ пищи, когда бесѣда о Богѣ затягивалась слишкомъ долго. Нѣкоторые упрекаютъ Бѣлинскаго въ атеизмѣ; если это и правда, то—нужно сознаться,—какая неизмѣримая разница между современнымъ болтуномъ, называющимъ себя тоже атеистомъ, и человѣкомъ глубокаго ума и прекрасной души, какимъ навсегда останется Бѣлинскій.

— Позвольте, позвольте!- -закричалъ хозяинъ и двое—трое изъ собесѣдниковъ,—это вы, быть можетъ, не понимаете, что такое Богъ по Т—му, потому что не хотѣли вникнуть, какъ должно, въ его безпримѣрное, по своей высотѣ, ученіе, но для насъ все ясно, просто, все такъ открыто...

— Интересно, съ какой простотой и ясностью отвѣтите вы мнѣ на мой вопросъ о Богѣ?

—По моему—самое важное, самое убѣдительное въ ученіи Л. Н.,—заговорилъ вдругъ низкорослый блѣднолицый господинъ,—это знаменитое его опредѣленіе о томъ, что мы призваны въ сей жизни исполнять волю Бога, которую почтенный авторъ въ своей коротень-

кой запискѣ изображаетъ слѣдующимъ образомъ: «Дѣло, которое мы призваны дѣлать въ жизни,—двоякое, хотя и достигается однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ: внѣшнее дѣло состоитъ въ томъ, чтобы своей жизнью содѣйствовать установленію *Царства Божія на землѣ*, т. е. замѣнѣ вражды, борьбы и разъединенія согласіемъ, взаимною помощью и единеніемъ,—такого состоянія, при которомъ копья были бы перекованы на серпы»... и т. д., коротко и ясно, господа, и напрасно Апушкинъ изощряетъ тонкость своей діалектики якобы противъ непонятности ученія Т.—го, тогда какъ приведенное мѣсто (изъ письма) согласно даже съ Свящ. Писаніемъ, и—главнымъ образомъ съ пророчествомъ Исаіи! поэтому я рѣшительно не понимаю, изъ-за чего можетъ затѣяться нашъ споръ?

— Споръ, любезнѣйшій, какъ разъ по поводу этихъ словъ, т. е. пророчества Т—го о золотомъ вѣкѣ; но прежде чѣмъ начать послѣдній, вы постарайтесь отвѣтить сначала на мой первый вопросъ. Въ томъ-то и дѣло, что исполненіе воли Божіей—требованіе самое древнѣйшее въ христіанствѣ, опредѣленно выраженное въ такъ называемой «Молитвѣ Господней», и безъ всякаго указанія Т.—мъ съ полнымъ сознаніемъ проводимое въ жизнь вѣрующимъ мужикомъ. Но тѣмъ не менѣе воли какого Бога? такъ какъ понятія о Богѣ не одинаковы у пантеиста, деиста и теиста, не одинаково и отношеніе этихъ господъ къ Нему и міру?

— Я не думаю, чтобы Т—й былъ пантеистъ,—замѣтилъ хозяинъ и потому...

— Другими словами:—вамъ бы не хотѣлось причислять Т—го къ послѣдователямъ дѣйствительно довольно туманныхъ теорій, каковы теорія пантеистическая и нео-буддизма,—это дѣлаетъ вамъ честь! но,—представьте себѣ, мнѣ болѣе васъ желалось-бы придать прямой смыслъ нижеслѣдующимъ словамъ письма: «Отецъ Небесный», «Богъ любитъ свои существа»,—Богъ есть любовь и проч.,—выраженія, приличествующія Богу, какъ Существу Личному, и если эти выраженія Т.—й употребляетъ въ прямомъ, а не метафорическомъ смыслѣ, въ какомъ онъ прежде говорилъ о «міровой воли», о Богѣ, слитомъ (тожественно) съ міромъ,—словомъ — если ученіе Т.—го о Богѣ совпадаетъ съ ученіемъ Евангельскимъ, тогда (говоря по совѣсти) я радуюсь за него и отъ души желаю ему поскорѣе выбраться изъ своихъ парадоксовъ; тогда бы, я думаю, и рѣшеніе о цѣли нашей жизни, и разногласія во взглядахъ скорѣе пришли

къ благополучному концу. Но все это такъ далеко, далеко стоитъ отъ дѣла, что, право, придешь въ отчаяніе! И дѣйствительно, давно-ли это было, когда мы съ вами, Венедиктъ Сергѣичъ, лично бесѣдовали съ Т—мъ о пантеизмѣ въ отношеніи къ его собственному ученію? По моему самый удобный моментъ для Т—го, когда-бы онъ «однимъ взмахомъ пера могъ рѣшить этотъ вопросъ и насъ отпустить съ миромъ по домамъ! но Т—й—къ удивленію—этого не сдѣлалъ; онъ положительно уклонился отъ отвѣта. Какъ вамъ это нравится, а на меня подобная манера произвела не со всѣмъ хорошее впечатлѣніе. Оставить въ невѣденіи своего послѣдователя въ важнѣйшемъ и предложить ему вмѣсто этого завалящій кусокъ хлѣба, а затѣмъ при случаѣ упрекнуть критиковъ въ произвольномъ толкованіи его ученія—выгодно, можетъ быть, для автора, но очень вредно для дѣла! Вотъ почему мнѣ всегда страннымъ казалось причислять себя къ послѣдователямъ Т—го, не имѣя понятія о существенной части христіанскаго ученія—о явленіи Бога міру, для Котораго было все служеніе Христа: «**Явихъ имя Твое человѣкамъ**»! говоритъ Онъ подъ конецъ Своей земной жизни.

— Одно забыли, м. г., что познать Бога невозможно, по словамъ Л. Н—ча: «какъ можетъ знать винтъ о назначеніи цѣлой машины? Винтъ—это я,—человѣкъ, машина—Богъ, вселенная.

— Нѣтъ, я вовсе это не забылъ; я вполнѣ согласенъ съ Т—мъ, что познать Бога, какъ Онъ есть, невозможно человѣку, но если самъ человѣкъ силится отвергнуть дарованное ему откровеніе въ христіанствѣ, то долженъ же по крайней мѣрѣ отыскать раціональное объясненіе своему скептицизму, а не отдѣлываться фразами, которыя во-первыхъ ничего не объясняютъ, а во-вторыхъ—противорѣчатъ основному положенію автора, т. е. о возможности человѣческаго совершенства по указанному идеалу: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный»,—слова взятыя изъ Евангелія Т—мъ. Но они тамъ имѣютъ высокій смыслъ, какъ каждому извѣстно,—а у Т—го, напротивъ, являются заплатой на дырявомъ мѣшкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вникните въ смыслъ дѣла: винтъ, пока входитъ, какъ часть, въ свою машину (выраженіе, повторяю, чисто пантеистическое!) не можетъ ни усовершенствовать, ни измѣнять своего назначенія, кромѣ фаталически указаннаго ему мѣста въ машинѣ. Между тѣмъ въ христіанствѣ значеніе винта является совсѣмъ инымъ! Идеалъ его совершенства уже опредѣленъ въ лицѣ

Христа: «возьмите иго Мое на себя, говоритъ Онъ,—и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ». Для человѣка это болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы приближаться къ Богу; съ другой стороны—и Самъ Богъ, какъ существо всепромыслительное, вѣчно дѣятельное, идетъ на встрѣчу къ своему творенію и, любя его, помогаетъ ему усовершенствоваться...

— Вести споръ на этой почвѣ невозможно, сказалъ короткій субъектъ: Богъ—существо непостижимое для человѣческаго разума, и я готовъ допустить, что въ этомъ пунктѣ Л. Н., дѣйствительно, нѣсколько ошибается; но за то моральная сторона его ученія правдива до безукоризненности,—высота просто поразительная! такъ что церковный идеалъ христіанскаго ученія, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ раскрытъ у Л. Н—ча, дѣйствительно долженъ казаться изуродованнымъ, искаженнымъ до неузнаваемости, благодаря, конечно, усердію церковной іерархіи въ лицѣ ея представителей»!.

— Извините, но я съ вами не могу согласиться, г. Дрездинскій. Прежде всего, гр. Т—й идеальную свою мораль «о непротивленіи злу» всю заимствовалъ изъ нагорной проповѣди Христа въ каноническомъ евангеліи, но, къ сожалѣнію, не полностію, а въ отрывкѣ и истолковывая ее по своему въ пользу своей доктрины, онъ унизилъ ее, а не возвысилъ!

— Интересно, защитникъ церковнаго деспотизма, какъ вы можете отстоять свою точку зрѣнія и во имя восхваляемой вами канонической Нагорной проповѣди объяснить существующіе нынѣ суды, тюрьмы, войну и проч.?

— Объяснять вамъ пока ни того, ни другого я не стану, такъ какъ въ нашей бесѣдѣ обсуждается вопросъ о наступленіи золотого вѣка, когда мечи перекуютъ на серпы, а слѣд. сами собой или ходомъ данныхъ событій исчезнутъ суды, тюрьмы, войны и др. нестроенія людскія. Но для сравненія Т.—го идеала въ жизнепониманіи съ идеаломъ Евангельскимъ, достаточно взять его любовь къ человѣку и повнимательнѣе прослѣдить, какъ учитъ объ этой любви Самъ Христосъ. Безсомнѣнія, въ оптимистическомъ воззрѣніи графа Т—го на природу человѣка есть и доля правды, но несравненно болѣе спорныхъ мѣстъ, съ которыми чрезвычайно трудно согласиться. Неоспоримая истина, что любовь въ человѣкѣ существуетъ какъ готовое данное, и въ зачаточной формѣ проявляется даже раньше,

чѣмъ успѣютъ образоваться въ немъ болѣе сложные акты души, какъ-то: самосознаніе, разумъ и воля. Есть основаніе предполагать, что любовь и не умираетъ, въ то время, какъ остальныя функціи нашей жизни, повидимому, совсѣмъ прекращаются. По крайней мѣрѣ въ душѣ каждаго вѣрующаго христіанина хранится это чувство, какъ послѣдняя дань своему ближнему. Умереть, не примирившись со всѣми, не послать имъ сердечнаго прости—свойственно развѣ самому закоренѣлому гордецу или нераскаянному злодѣю. Трудно при этомъ допустить, чтобы люди поступали такъ изъ одного страха; самый таинственный—великій моментъ смерти ручается за искренность чувства, которому другого имени нѣтъ, какъ любовь, хотя быть можетъ и не столь чистая и свободная отъ страстей, какую бы долженъ имѣть христіанинъ, соблюдая, по возможности, заповѣди своего Спасителя. Значитъ, въ чѣмъ же разница—скажутъ—взгляда вашего на любовь съ Т.—мъ?—Прежде всего Т.—й слишкомъ идеализируетъ человѣческую любовь: онъ вѣритъ въ какое-то безсознательное влеченіе ея, лишь бы мы любви не противились, словомъ—онъ вѣритъ въ легкость идеала счастія, котораго мы достигнемъ чрезъ сильное проявленіе въ насъ любви, что, по моему мнѣнію, ни чѣмъ не подтверждается. Я не говорю — продолжалъ Апушкинъ—о той чудной любви, какую носилъ въ своей груди престарѣлый Апостолъ любви (Іоаннъ) и какую зоповѣдалъ онъ хранить каждому истинному христіанину, какъ единственный путь въ жизни, могущій покрыть множество нашихъ грѣховъ, но если бы даже мы пожелали уподобиться любви апостола, то и тогда немалый трудъ предстоитъ человѣку, чтобы выдти побѣдителемъ въ виду увеличивающихся «соблазновъ» въ мірѣ.

Стоитъ лишь отрѣшиться на минуту отъ предвзятой тенденціи и не закрывать глазъ предъ этими подавляющими условіями настоящей жизни, и вы сами убѣдитесь, что здѣсь любовь не только не «стремится сама собою къ увеличенію», но какъ разъ наоборотъ. Не видѣть же этихъ явленій дурного качества, среди которыхъ живетъ наша дорогая изгнанница, съ грустію уступившая мѣсто грубому врагу своему эгоизму—не видѣть ихъ можно только развѣ по безпечности нашей, а не по даннымъ опыта личной жизни, не по свидѣтельству антропологіи и исторіи. Впрочемъ тѣ же факты съ одинаковымъ правомъ свидѣтельствуютъ и о свѣтлыхъ явленіяхъ въ нашей жизни, и именно, что человѣку (съ помощію Божіей) всегда возможно

выбраться изъ своихъ страшныхъ противорѣчій, если онъ непрестанно будетъ бороться съ означенными соблазнами и воюя, представлять, что путь любви загроможденъ разнообразными терніями, на которыхъ крѣпнутъ и развиваются духовныя силы его.

Все, сейчасъ сказанное мною относительно любви въ индивидуальной жизни, съ небольшими измѣненіями можно приложить и къ жизни всего человѣчества. Правда, насъ стараются увѣрить въ томъ, что процессъ общественнаго развитія совершался по другимъ законамъ, напр., закону эволюціи, закону борьбы за существованіе. Очень можетъ быть; но дѣло въ томъ, что эволюціонисты до сихъ поръ ни какъ не откроютъ закона, давшаго начало этой жизни. Почему-жъ, напр., не допустить, что послѣдняя явилась по мысли Любящаго Существа? Въ такомъ допущеніи ничего нѣтъ невѣроятнаго; а за будущее ея говорятъ, повидимому, и нѣкоторыя научныя данныя и даже самая идея прогресса. Значитъ, слова Апостола, что «любовь никогда не престаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится... а теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше». (Коринѳ. 13.) — не остаются пустымъ звукомъ, а находятъ все большее и большее подтвержденіе себѣ. Имѣя послѣднія въ виду, легко понять смыслъ выраженія Л. Н., что «Богъ любитъ свои существа». И дѣйствительно, по свидѣтельству Библіи, происхожденіе міра и твореніе человѣка было плодомъ Божеской любви. (А.—нъ въ продолженіи бесѣды, гдѣ нужно, открывалъ Библію—и читалъ въ ней соотвѣтст. тексты). «И сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему, по подобію Нашему... И сотворилъ Богъ человѣка, по образу Божію сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ. И увидѣлъ Богъ *все*, что Онъ создалъ, и вотъ хорошо весьма, И былъ вечеръ и было утро: день шестый» (Быт. I, 26—36).

Безъ сомнѣнія, сотворенный человѣкъ, какъ образъ своего Творца, представлялъ идеалъ гармонично-цѣлаго: въ немъ, такъ сказать, каждый атомъ души и тѣла были въ полномъ соотвѣтствіи другъ другу, не превышая и не выдѣляясь: тѣло подчинялось духу, разумъ—любви, воля—волѣ Бога.

— Однимъ словомъ: все,—сказалъ хозяинъ,—чему мы съ вами обучались въ церковныхъ катихизисахъ, но изъ чего теперь ни одной буквѣ не вѣримъ,—откуда-же, милѣйшій, зло-то произошло, если

твореніе человѣка было плодомъ Божеской любви, а вѣдь Богъ—абсолютное добро,—зла, понятно, производить не долженъ на свѣтъ?

— Вопросъ о *злѣ* одинъ изъ труднѣйшихъ въ области философіи и, насколько извѣстно, еще ни одна теорія не рѣшила его въ удовлетворительномъ для насъ смыслѣ; я тоже не допускаю и мысли, чтобы Богъ былъ Самъ его причина, но не видать, чтобы и Т—й рѣшилъ этотъ вопросъ; онъ просто его обходитъ, успокаивая читателя противоположными мыслями о добрѣ, которое, будтобы, сильнѣе живетъ въ немъ, чѣмъ зло. Но второе то воззрѣніе Т—го меня сильно смущаетъ, а смущаетъ потому, что ни исторія, ни опытъ личной жизни не даютъ намъ прямого доказательства о преобладаніи въ насъ добра.

Въ исторіи первобытнаго человѣка, напоминающаго жизнь современнаго дикаря, откуда наши антропологи хотятъ построить теорію общественнаго прогресса, видно, что самымъ сильнѣйшимъ чувствомъ въ человѣкѣ оказалось вожделѣнія, поработившія въ немъ всѣ другія высшія качества души. Человѣкъ на этой степени совершенно утратилъ свой первоначальный красоты образъ и по развитію въ немъ чувственности могъ смѣло соперничать (а въ иныхъ случаяхъ казаться и ниже) съ любой изъ высшихъ породъ животныхъ; единственнымъ отличіемъ его отъ послѣднихъ должно признать религіозное сознаніе, да и то въ страшно искаженномъ видѣ въ сравненіи съ библейскимъ повѣствованіемъ.

Вообще теперь и представить невозможно, какимъ образомъ человѣкъ, при господствѣ самой необузданной похоти и жестокости, не только остался цѣлъ, но, по теоріи эволюціонистовъ, еще могъ прогрессировать въ образованіи высшаго типа.

— Апушкинъ! Не подтасовывайте фактовъ,—воскликнули почти въ одинъ голосъ мои новые знакомцы. Эволюціонисты хотя и признаютъ бѣдность эмоціальной жизни первобытнаго человѣка, однако они за нимъ оставили, какъ и за животнымъ,—инстинктъ самосохраненія и разумъ, стремившійся къ развитію.

— Я не отрицаю ни разума, ни совѣсти въ первобытномъ человѣкѣ, я признаю за нимъ и жалость вмѣсто угасшей любви, но что значатъ эти чувства для того времени, если въ настоящее время мы глушимъ не только эти чувства, но даже самую любовь—эгоизмомъ, жестокостью и т. п.? Въ томъ и суть, что человѣкъ—не машина и не животное со своимъ инстинктомъ; а гораздо болѣе этого—свободно-

разумное существо,—и на основаніи этого послѣдняго онъ можетъ идти дальше, какъ въ области добра, такъ и зла. Не удивительно, что ознаменовавши себя разными жестокостями, какъ-то: дѣтоубійствомъ, женоубійствомъ, людоѣдствомъ и проч., онъ могъ во всякое время рисковать окончательнымъ уничтоженіемъ рассы (на что между прочимъ указываютъ и эволюціонисты, приводя различные факты «вымиранія»). Такимъ образомъ, вопросъ не въ томъ, какъ человѣкъ, имѣющій зачатки хорошаго, остался цѣлъ, а въ томъ, какъ при огульномъ паденіи онъ могъ возстать самъ собою, если-бы...

— Если-бы не промыслъ Божій?

— Да, если-бы не промыслъ Божій; но объ этомъ рѣчь послѣ будетъ; а теперь скажу, что кромѣ самоохраняющаго инстинкта за человѣкомъ должно признать чувство благоговѣйнаго страха, какъ регулирующаго начала въ его пользу...

—М. г.! какъ это пахнетъ мистицизмомъ, самымъ глубокимъ, таинственнымъ!—проворчали мои новые знакомцы: а по нашему мнѣнію дѣло представляется гораздо проще: въ сознаніи первобытнаго человѣка должны были выработаться два непреложные закона въ его пользу,—ощущеніе боли и удовольствія—отсюда удаляться отъ страданій и пріобрѣтать, елико возможно, больше наслажденій.

— Къ числу которыхъ (наслажд.),—замѣтьте г.г. эволлюціанисты, относятся и сластолюбіе, въ крайней степени превратившееся въ людоѣдство? Это, пожалуй, правда, мысль о наслажденіи, видно, крѣпко въѣлась въ голову дикаря, такъ что онъ ее не промѣняетъ ни на какія земныя блага. Интересно, гг., какой инцидентъ поэтому поводу приводитъ извѣстный антропологъ Ричардъ Тэйлоръ. Соблаговолите пожалуйста достать съ полки вонъ сію книжицу, Сергѣй Венедиктовичъ! (Генри Джорджъ «Прогрессъ и Бѣдность» стр. 63).

«Въ царствованіе Георга IV,—началъ А—нъ, нѣкоторые возвращавшіеся въ Англію миссіонеры взяли съ собою одного изъ новозеландскихъ начальниковъ, по имени Хонги. Его благородный видъ и красивая татуировка обратили на него общее вниманіе, и передъ тѣмъ, какъ ему вернуться къ своему народу, ему подаренъ былъ монархомъ и нѣкоторыми религіозными обществами значительный запасъ инструментовъ, земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ. Признательный новозеландецъ именно и употребилъ этотъ капиталъ *на производство пищи*, но такимъ способомъ, о какомъ едвали думали его англійскіе друзья. Въ Сиднеѣ, на возвратномъ пути, онъ

обмѣнялъ все, подаренное ему, на оружіе и боевые припасы, съ которыми, по возвращеніи домой, и началъ войну противъ другого племени съ такимъ успѣхомъ, что на первомъ же боевомъ полѣ было изжарено и съѣдено *три сотни его плѣнныхъ,* при чемъ главное пиршество началось съ того, что Хонги выкололъ и проглотилъ глаза своего смертельно раненаго противника, вождя непріятелей, и напился его теплой крови»...

Нѣтъ, г. г., какъ вамъ угодно, а указанное вами чувство если и есть регуляторъ въ жизни, то крайне плохой: ощущеніе боли, причиненное другимъ лицомъ, скорѣе породитъ дикую месть и откроетъ новый путь къ еще бо́льшимъ страданіямъ, а не къ ограниченію ихъ, что на самомъ дѣлѣ и приходится наблюдать и въ исторіи и въ жизни. Съ другой стороны,—страданія, происходящія отъ злоупотребленія алкоголемъ, гашишомъ, опіумомъ, рождаютъ алкоголиковъ, наркотиковъ, которыхъ страсть зачастую приводитъ къ преждевременной смерти. Представьте, наконецъ, такого человѣка, который разъ попробовалъ человѣческой крови, какъ упомянутый дикарь Хонги, и нашелъ, что это пріятная вещь, представьте и другого, который увеличиваетъ сумму своихъ наслажденій, грубо эксплоатируя ближняго,—представьте этихъ людей, сильныхъ и не отступающихъ ни предъ чѣмъ, а главное—безъ сдерживающаго сверхъестественнаго страха,—развѣ не естественъ для нихъ исходъ погибнуть, упиваясь собственною кровію? И дѣйствительно, подобныхъ людей ничто ни можетъ сдержать, какъ только печать Каинова страха, которая, пройдя чрезъ всю исторію религіознаго культа, ограничила дикій произволъ людей.

— Но въ такомъ случаѣ, какъ же вы объясните людоѣдство и человѣческое жертвоприношеніе богамъ?—возразилъ маленькій господинъ.

— Людоѣдство и рабство явилось, какъ извѣстно, на почвѣ войнъ; этимъ впрочемъ нисколько не исключается цѣнность человѣческой жизни; напротивъ, въ религіозныхъ жертвоприношеніяхъ она, эта цѣнность, открыто признавалась предъ богами, какъ самая угодная для нихъ жертва.

— Однако, судя по вашимъ словамъ, вы, какъ мнѣ кажется, рѣшительно отнимаете всякій благородный инстинктъ у первобытнаго человѣка и рисуете его предъ нами какимъ-то невообразимымъ чудовищемъ, что сильно противорѣчитъ научнымъ изслѣдованіямъ о дикаряхъ,—сказалъ опять маленькій господинъ.

— Не знаю, кто изъ насъ больше отрицаетъ вашъ благородный инстинктъ, но мнѣ самому всегда казалось непонятнымъ, какимъ образомъ наши г. г. эволюціонисты, описавъ жизнь первобытнаго человѣка въ грубо-чувственной формѣ, въ своихъ изслѣдованіяхъ доходятъ до современнаго типа культурнаго человѣка и приписываютъ таковое развитіе или борьбѣ за существованіе по теоріи Дарвина, или какимъ-то непонятнымъ законамъ природы и ничему болѣе? Странно, г. г., опираться на законы природы въ такихъ случаяхъ, которые становятся непостижимыми для нашего ума! Поясню это на примѣрѣ. Если изъ дикой яблони, чрезъ прививку отъ культурной, выростаетъ хорошенькое деревцо, приносящее года черезъ 3—4 вкусные плоды, — насъ это не удивляетъ; если мы, посредствомъ дрессировки, заставляемъ собаку понимать насъ и дѣлаемъ ее до извѣстной степени благовоспитанной,—насъ это не удивляетъ; наконецъ, когда дикарь, благодаря культивированію европейца, самъ дѣлается европейцемъ, или, какъ выражается Г. Джорджъ—«въ широкой мѣрѣ усвоитъ себѣ европейскіе обычаи,—насъ это нисколько не удивитъ; или если всякій честный человѣкъ соберетъ вокругъ себя общество слабыхъ друзей и разовьетъ ихъ въ хорошемъ смыслѣ,—насъ не удивитъ это, а не удивитъ потому, что прогрессъ въ жизни совершился на счетъ лучшихъ элементовъ. Но насъ удивляетъ, для насъ непонятно, когда «злое дерево принесетъ (само собою) плоды добрые»; когда изъ дикой яблони вдругъ выростетъ садовое яблоко; или-же, когда гнилое дерево (какимъ должно казаться извращенное понятіе дикаря), вдругъ ни съ того, ни съ сего, облагородилось бы и сдѣлалось истинно человѣчнымъ. Въ подобныхъ случаяхъ мы, не найдя другихъ данныхъ къ оздоровленію общественнаго организма, и *боясь чуда*, сваливаемъ все къ тайнамъ явленія природы, чтó, по моему мнѣнію, страннѣе и непостижимѣе дѣйствительнаго чуда, какъ сверхъестественнаго обнаруженія Высочайшей силы.

Вотъ, на основаніи сейчасъ сказаннаго я согласенъ признать паденіе человѣка, самое невообразимое для нашего ума, но не могу допустить, чтобы это паденіе истребило въ человѣкѣ и человѣчествѣ всѣ высшія присущія ему добрыя начала: допуская это, дѣйствительно нужно-бы было признать, что человѣческое общество въ настоящемъ видѣ произошло изъ гнилого сѣмени, а не изъ здороваго зерна, и можно такимъ образомъ дойти до идеальнаго золотого

вѣка безъ существованія въ немъ зерна сохранившимися и внѣ его дѣйствующихъ какихъ бы то ни было высшихъ элементовъ, не говоря уже о промыслѣ Божіемъ.

Поэтому пусть мнѣ приводятъ массу фактовъ какой угодно жестокости людской, какого угодно разврата, возведенными нѣкоторыми народностями на степень религіознаго культа, но разъ—человѣкъ—не одно животное, (функціонирующее въ половыхъ или другихъ естественныхъ отправленіяхъ періодически, по инстинкту), а гораздо выше послѣдняго, то природа ни въ коемъ случаѣ не могла отказать своему любимцу ни въ цѣломудріи, ни въ жалости. Только самъ этотъ любимецъ по отношенію природы сталъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ: съ одной стороны—онъ сдѣлался рабомъ природы и палъ, а съ другой—подчинилъ ее себѣ (для нравственно-духовныхъ цѣлей) и стремится быть выше законовъ естества.

— Такъ о чемъ же рѣчь идетъ,—я не понимаю, сказалъ хозяинъ: вѣдь и Л. Н.—чъ признаетъ въ человѣкѣ доброе, не отрицая дурного?

— Л. Н.,—какъ я замѣтилъ раньше,—признаетъ слишкомъ много хорошаго въ человѣкѣ и почти не обращаетъ вниманія на дурную его сторону; Л. Н. отрицаетъ догматическое ученіе о грѣхопаденіи человѣка и не задается вопросомъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Гротъ,—«нельзя ли открыть въ этомъ ученіи *глубоко-философскаго смысла*, помимо религіозно-догматическаго», оно, конечно, отрицая паденіе человѣка (въ угоду своей доктринѣ), можно такимъ образомъ отвергнуть всѣ искупительныя заслугу Христа Спасителя, но чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ объяснить фактъ извращенія человѣческой природы, если бъ въ немъ, дѣйствительно, хорошая сторона преобладала?

Между тѣмъ, исторія, вплоть до пришествія Христа, служитъ нагляднымъ выраженіемъ этого грустнаго факта,—факта узкихъ предѣловъ нравственной жизни людей; а предѣлы эти таковы, что съ одной стороны — точка невообразимаго паденія ниже законовъ животнаго естества, а съ другой—русло средняго теченія, на которомъ созидался весь соціальный строй древняго человѣчества. И лишь съ наступленіемъ новой эры, въ царствѣ благодатнаго возстановленія падшей природы человѣка, мы вдругъ видимъ непостижимое для нашего ума торжество нравственнаго порядка горсти галилейскихъ рыбаковъ, во главѣ съ своимъ Небеснымъ Учителемъ, и вы-

сокій подъемъ религіознаго энтузіазма, растущей не по днямъ, а по часамъ молодой христіанской церкви, во всѣ первые вѣка христіанства включительно до среднихъ, а затѣмъ опять русло средняго теченія вплоть до нашихъ дней, напоминавшее нѣсколько лучшія эпохи древности. Впрочемъ, мѣстами тамъ и сямъ изрѣдка встрѣчаются очень темныя пятна на аренѣ людской и во времена христіанства, но эти пятна остаются пятнами и не становятся общими, какъ въ былое время, отъ которыхъ страдали цѣлые народы; они лишь указываютъ на то, что для человѣка ничего нѣтъ заповѣданнаго: ему, по силѣ его свободы, свойственны (въ смыслѣ возможны) и великія добродѣтели, и грубые пороки и соотвѣтственно этому—нравственное совершенство или гибель, которая не можетъ не отразиться на остальныхъ...

— Объясните, что вы называете featuredусломъ средняго теченія?

— Русло средняго теченія есть, по моему мнѣнію, жизнь подъ контролемъ «разумнаго эгоизма». Въ данномъ случаѣ я придерживаюсь точки зрѣнія эволюціонистовъ, которые силятся доказать, что происхожденіе морали основано на эгоизмѣ. Если признать это вѣрно, то нужно бы добавить, — какого эгоизма—низкаго, средняго или высшаго.

Не входя въ подробное объясненіе связи нравственности съ религіей, (впрочемъ въ моихъ разсужденіяхъ отвѣтъ и на это можно найти) такъ какъ этотъ вопросъ далеко бы отвлекъ отъ настоящей темы, я долженъ сказать, что самый низкій—эгоизмъ тотъ, когда общественная жизнь слагалась на такихъ безнравственныхъ началахъ, которыя грозили полнымъ уничтоженіемъ племени, какъ это видно изъ жизни нѣкоторыхъ дикарей. Дикарь, чтобы поддержать жалкое свое существованіе, ввелъ гнусные обычаи: дѣтоубійства, во избѣжаніе лишней о нихъ заботы, убійство престарѣлыхъ родителей, какъ неспособныхъ къ труду, и наконецъ, жено-убійство. И все это совершалось во имя эгоизма, самаго безшабашнаго, нелѣпаго, хотя быть можетъ, и въ цѣляхъ «общественной пользы»—для охраненія рода.

Средній эгоизмъ свойственъ всякой исторической народности, находящейся на низкой степени умственнаго развитія. Здѣсь хотя не убиваютъ ни дѣтей, ни стариковъ, ни женъ, но, въ интересахъ своей страны, не считаютъ грѣхомъ жить грабежомъ и убійствомъ на счетъ другихъ народностей. Вѣроятно, тутъ-же распространился обычай—об-

ращать плѣнниковъ въ рабство. Что касается нравственности такихъ людей, то она не шла дальше общественнаго мнѣнія, деспотически царившаго надъ каждымъ членомъ общины. Поэтому здѣсь неудивительно было видѣть и нѣкоторые признаки жалости. Такъ, на примѣръ,—геройская смерть за племя ставилась въ похвалу, а смерть знатнаго родича или ближайшаго родственника сопровождалась разными пышными погребальными процессіями, гдѣ въ знакъ глубокой скорби наносили себѣ раны на тѣлѣ.

Наконецъ, высшая ступень эгоизма—это, по моему мнѣнію, та, которая обнимаетъ собою жизнь великихъ культурныхъ странъ— Греціи и Рима и главнымъ образомъ лучшую эпоху этой жизни. Эпоха эта, какъ извѣстно, богата и безукоризненно честными людьми, и высокимъ (относительно) моральнымъ ученіемъ, не уступающимъ по своему трезвому воззрѣнію, пожалуй, автономной или утилитарной морали нашего времени. Здѣсь мы видимъ и прекрасныя соціальныя условія, держащія страну въ хорошихъ здоровыхъ порядкахъ; здѣсь преданное войско, охраняющее спокойствіе гражданъ, увеличившее предѣлы имперіи, иногда, впрочемъ, не совсѣмъ благовидными способами; здѣсь было придумано не мало удовольствій, хотя и однообразныхъ, для устраненія скуки праздныхъ людей; здѣсь красота произведенія рукъ человѣческихъ свидѣтельствовала о высокомъ умственномъ развитіи и разнообразила вкусъ людей въ самыхъ причудливыхъ формахъ. А сколько здѣсь было знаменитыхъ общественныхъ дѣятелей! Политическіе вожди корпѣли надъ государственными проэктами, говорили въ собраніяхъ блестящія рѣчи; ученые и философы посвящали цѣлые годы,—а нѣкоторые и всю свою жизнь—на разрѣшеніе міровыхъ проблемъ, патріоты и вожди народа мечтали о пышныхъ тріумфахъ; герои преспокойно шли на смерть и жертвовали жизнію, иногда во благо родины, а иногда и по капризу: трогательныя сцены мученичества ихъ, и мученичества за идею дѣйствительно поднимали общую энергію жизни. Были и такого сорта личности, которыя съ полнымъ презрѣніемъ относились какъ къ жизни, такъ и къ людямъ. Да, все здѣсь было, не выходя изъ предѣловъ «разумнаго эгоизма»,— только не было здѣсь одной любви къ человѣку, въ ея истинномъ высокомъ смыслѣ,—любви свободно-разумнаго существа, а не раба общественнаго мнѣнія, не узкаго патріота, ни героя, ни философа, свободнаго отъ страстей. Вотъ, приблизительно, въ какихъ чертахъ

можно отмѣтить лучшій періодъ древняго міра. Зато въ этихъ предѣлахъ подготовлялась и выработалась та необходимая почва, безъ которой вообще немыслима бы была проповѣдь христіанскаго ученія. Этотъ естественный подъемъ мысли и чувства древняго человѣка въ сущности походилъ на слабый разсвѣтъ предъ появленіемъ величественнаго свѣтила и служилъ лишь вѣстникомъ наступающаго дня, когда каждый предметъ, каждое міровое явленіе освѣщаются съ совершенно новой стороны, а не теряются вдали туманнаго безразличія, подобно тому, какъ при слабомъ вечернемъ или утреннемъ свѣтѣ намъ всѣ предметы кажутся сильно похожими одинъ на другой. Тутъ же, наоборотъ, все имѣетъ свою индивидуальную особенность и цѣнность лишь по отношенію гармоніи цѣлаго...

(Продолженіе будетъ).

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Содержаніе: Принципіальное разъясненіе Св. Синода. По вопросу объ отношеніяхъ земскихъ начальниковъ и другихъ исполнительныхъ органовъ администраціи и суда къ дѣлу пресѣченія расколосектантства. Ауто-да-фе на православномъ кладбищѣ больной кобылы и разбирательство штундовыхъ дѣлъ въ праздникъ Благовѣщенія. Награжденіе Библіей мірянъ за миссіонерскую дѣятельность. Расколосектантство, какъ тормазъ просвѣщенія и источникъ дикихъ суевѣрій. Самарская секта „циниковъ". Тираспольская драма съ заживозамурованными раскольниками и ея виновники. Фанатизмъ Московскихъ гласныхъ думы раскольниковъ. Мрачный толкъ „Морельщиковъ" въ расколѣ.

Послѣднее время было богато сколько интересными, столько-же и важными явленіями, событіями въ области миссіонерства и въ жизни расколосектантства. Прежде всего въ настоящей хроникѣ отмѣтимъ къ свѣдѣнію нашихъ читателей принципіально важное разъясненіе св. Синода о правѣ епархіальныхъ миссіонеровъ непосредственно сноситься по дѣламъ службы съ административными органами уѣздной и сельской власти и обращаться въ подобныхъ случаяхъ за справками прямо къ сельскимъ и волостнымъ учрежденіямъ. Вопросъ этотъ возбужденъ таврическимъ епархіальнымъ начальствомъ по слѣдующему любопытному поводу.

Мѣстный епархіальный миссіонеръ, священникъ о. П. Тихвинскій обратился однажды за нужными ему для миссіонерскихъ цѣлей справками, относительно сельскаго писаря—молоканина, непосредственно въ волостное правленіе. Это изысканіе почтеннаго православнаго о. миссіонера, конечно, не понравилось писарю-молоканину и онъ поспѣшилъ подъ горячую защиту г. мѣстнаго земскаго начальника. Послѣднему не только не понравилось дерзновеніе «какого-то тамъ іерея-миссіонера», но и самый порядокъ обращенія миссіонера къ волости показался неправильнымъ: земскій начальникъ почему-то находилъ, что по всѣмъ крестьянскимъ дѣламъ и учрежденіямъ миссіонеръ долженъ сноситься чрезъ него, о чемъ и донесъ начальнику губерніи, а также вошелъ въ полемическую переписку съ епархіальнымъ вѣдомствомъ. Вопросъ этотъ бывшій епископъ Мартиніанъ передалъ на обсужденіе епархіальнаго миссіонерскаго комитета, который, обсудивъ его, сдѣлалъ представленіе св. Синоду. Въ настоящее время св. Синодъ своимъ указомъ разъяснилъ, что епархіальный миссіонеръ долженъ сноситься съ земскими начальниками лишь по тѣмъ вопросамъ, касающимся поселянъ, которые находятся въ непосредственной компетенціи земскаго начальника; справки-же по другимъ вопросамъ, касающимся сектантства, какъ напр., по вопросу о количествѣ молоканъ въ обществѣ и т. п., миссіонеры могутъ требовать непосредственно отъ волостнаго или сельскаго начальства.

Настоящее синодальное разъясненіе многознаменательно и для миссіонеровъ и для самой миссіи: миссіонеры въ немъ получаютъ отъ высшей церковной власти признаніе за ними важныхъ служебныхъ правъ по предмету оффиціальнаго сношенія съ правительственными органами власти и учрежденіями. Доселѣ въ этомъ отношеніи чувствовалась большая неопредѣленнось: за миссіонерскими рапортами, заявленіями и отчетами, обыкновенно, не только свѣтскими органами власти и учрежденіями, но и духовными (благочинными и консисторіями) не признавалось силы и значенія оффиціальныхъ документовъ;—на свѣдѣнія миссіонеровъ, практикою установлено смотрѣть, «какъ на взглядъ и нѣчто», и въ рѣдкихъ,—лучшихъ, — случаяхъ благосклоннаго вниманія миссіонерскія заявленія принимаются къ «свѣдѣнію» и только. Изложеннымъ рѣшеніемъ высшей церковной власти устанавливается, по видимому, другой взглядъ на права и оффиціальное значеніе должностной переписки миссіонеровъ. Нужно надѣ-

яться, что настоящее разъясненіе есть преддверіе и вообще болѣе прочнаго и опредѣленнаго служебнаго положенія дѣятелей миссіи.

Исторія съ о. Тихвинскимъ и земскимъ начальникомъ интересна также и въ другомъ отношеніи: она наглядно показываетъ, какъ трудно вести борьбу съ сектантствомъ на нашихъ окраинахъ, и въ центрахъ расколо-сектантства и какъ, должно быть, легко живется сектантамъ, если послѣдніе могутъ занимать должности при сельскихъ управленіяхъ, вопреки извѣстнаго циркулярнаго распоряженія министерства, коимъ предлагалось не допускать сектантовъ ни къ какимъ должностямъ—если, наконецъ, сектанты находятъ такую энергичную опеку въ мѣстной власти. Чѣмъ иначе объяснить, какъ не защитою и поддержкой писаря-молоконина,—изложенныя дѣйствія земскаго начальника, заведшаго такую бумажную волокиту чрезъ губернатора и архіерея, по поводу совсѣмъ безобидныхъ и, какъ оказывается, легальныхъ дѣйствій о. миссіонера?.. Въ домогательствѣ земскаго начальника, чтобы миссіонеры со всѣми справками по дѣламъ крестьянъ (т. е. сектантовъ) обращались не иначе, какъ чрезъ него непосредственно,—едва-ли можно усматривать желаніе его содѣйствовать миссіи, а скорѣе-противное: на самомъ дѣлѣ, справки, обыкновенно, нужны бываютъ миссіонерамъ на мѣстѣ, срочно для даннаго момента для миссіонерскихъ соображеній и увѣщательныхъ дѣйствій, въ отношеніи того или другого отпадшаго и проч. Гдѣ-же и когда миссіонеру искать земскаго начальника, который живетъ за тридевять земель и кого посылать къ нему, если миссіонерамъ нерѣдко и самимъ-то приходится или пѣшкомъ или на волахъ совершать передвиженія изъ одного мѣста въ другое? и сколько-же времени придется дожидаться, пока отъ земскаго получатся справки? Между тѣмъ, ихъ скоро и удобно можно получить отъ сельской власти, у которой по сему вопросу справляется, навѣрное, и самъ земскій начальникъ. Можетъ быть, у послѣдняго для такой безполезной процедуры и есть время, но миссіонерамъ не при ходится расходовать оное такъ непроизводительно! Вотъ почему св. Синодъ и нашелъ нужнымъ сдѣлать распоряженіе, ставящее вопросъ ясно и просто.

Эпизодъ съ таврическимъ земскимъ начальникомъ даетъ случай сказать нѣсколько словъ по поводу того высокаго значенія, какое земскіе начальники должны имѣть въ дѣлѣ утвержденія въ народной массѣ смятенныхъ чувствъ вѣры и преданности церкви и огражденія населенія отъ преступной пропаганды сектантскихъ лжеученій.

Гг. земскіе начальники, какъ власть близкая къ народу, и авторитетная для него, должны быть очень чутки къ главнѣйшимъ стихіямъ народной жизни, каковою является церковь и вѣра; вмѣстѣ съ тѣмъ этой власти должны быть близки и дороги и тѣ интересы народной жизни, которые составляютъ святыню и безцѣнное сокровище для вѣрующаго сердца сего народа. На знамени служебной дѣятельности земскихъ начальниковъ должна быть начертана крупными буквами печать заботъ ихъ объ огражденіи неприкосновенности господствующей вѣры и церкви, какъ коренной основы нашей государственности, отъ посягательствъ на нее со стороны преступной сектантской пропаганды, о пресѣченіи закономъ предусмотрѣнныхъ преступленій противъ вѣры и церки и проч. Если земскій начальникъ—не преданный сынъ церкви, то,—можно смѣло утверждать,—какимъ онъ нибудь гуманнымъ другомъ народа, онъ никогда не станетъ близокъ и понятенъ сердцу русскаго православнаго человѣка, который слишкомъ чутокъ къ уразумѣнію того, какого духа земскій начальникъ на счетъ вѣры и сектъ. Начальники губерній нерѣдко обращаются къ этому новому институту съ своими руководственными рѣчами и разъяснительными циркулярами и указаніями; весьма-бы желательно и полезно для дѣла обращать вниманіе земскихъ начальниковъ и на эту весьма серьезную сторону въ ихъ жизнедѣятельности. Тутъ важенъ тонъ со стороны губернаторовъ: многіе изъ земскихъ начальниковъ стоятъ въ сторонѣ отъ этого церковно-государственнаго вопроса, не вѣдая, что творить и какъ надлежитъ имъ поступать, а тутъ еще эта постоянная травля либеральной прессы и извѣстной части интеллигентнаго общества въ отношеніи института земскихъ начальниковъ!—отсюда боязнь, какъ-бы не прослыть «пономаремъ», если будешь вникать въ дѣла о сектахъ и церкви. Вотъ, почему малодушные и стараются, гдѣ можно, пѣть на оба клироса, а большинство относятся «тепло-хладно». По крайней мѣрѣ въ миссіонерскихъ отчетахъ мы мало слышимъ о живомъ участіи земскихъ начальниковъ въ дѣлѣ борьбы духовнаго вѣдомства съ сектами и расколомъ. Тогда какъ то или другое отношеніе къ миссіи земскихъ начальниковъ (или-же гг. мировыхъ посредниковъ въ не земскихъ губерніяхъ) имѣетъ слишкомъ важное значеніе для успѣховъ дѣла по пресѣченію сектантства и успокоенію народа. Примѣры этого мы видимъ изъ исторіи борьбы со штундою въ юго-западномъ краѣ, гдѣ высокое вниманіе главнаго Начальника края къ вопросу о пресѣче-

нiи сектантства внушило и исполнительнымъ органамъ мѣстной гражданской власти живое отношенiе къ этому вопросу; благодаря чему духовенство встрѣтило живое содѣйствiе въ предѣлахъ предусмотрѣнныхъ закономъ со стороны мѣстной администрацiи. Намъ извѣстенъ цѣлый рядъ фактовъ, когда, бдагодаря чисто нравственному воздѣйствiю и совѣту гг. мировыхъ посредниковъ, сектанты прекращали свое стадное фанатическое упорство, становились внимательны къ миссiонерскимъ бесѣдамъ и затѣмъ возсоеденялись. При такихъ условiяхъ, наприм., въ звенигородскомъ уѣздѣ кiевской губ. въ 2 года возвратилось въ лоно Церкви до 800 душъ. Такое-же благотворное влiянiе на сектантовъ оказывали и нѣкоторые мировые судьи, которые, совершивъ свой обрядъ суда надъ сектантами, обвиняемыми въ неисполненiи законныхъ требованiй власти, обращались къ заблудшимъ съ сердечнымъ словомъ увѣщанiя оставить свое глупое заблужденiе и упорство и внять голосу Церкви и ея пастырей.—«Ужъ ежели мировой говоритъ, что вѣра штундовая не добра, то она должна быть «зо всiмъ погана»,—говорятъ малороссы. Но вотъ былъ въ Кiевской губ. и такой «мировой», котораго народъ называлъ «попечителемъ штунды». Его дѣянiя представляютъ собою краснорѣчивый примѣръ того, какое отрицательное воздѣйствiе на народъ и сектантство могутъ оказывать подобные органы мѣстной власти. Этотъ—по метрической записи православный—чиновникъ, въ своемъ либеральномъ попечительствѣ о штундѣ дошелъ до того, что разъ назначилъ разбирательство сектантскихъ дѣлъ въ праздникъ Благовѣщенiя въ тѣхъ соображенiяхъ, что «де штундисты не почитаютъ Богородицу и потому не празднуютъ этого дня, а между тѣмъ пьяницы—православные не позволяютъ имъ работать,—такъ зачѣмъ-же по пустякамъ этимъ «трудящимся» людямъ терять буднiй рабочiй день?.. Какiе праздники праздновалъ самъ герой этого печальнаго фарса,—про то совѣсть его вѣдаетъ! Конечно, сектанты были всѣ оправданы. И вотъ картина: идутъ православные изъ церкви отъ обѣдни, а сектанты валятъ изъ камеры мирового судьи, причемъ торжествующе заявляютъ, что де-вотъ наша взяла: «панъ мировый — не такiй дурень, якъ вы съ попомъ, что неводъ имѣетъ корму, вы изловили рыбу, и пiпъ хотѣлъ изжарить—ну а хтось корму прорвавъ,—карась-то и выскочилъ». Малороссы о тонкихъ и политическихъ вещахъ любятъ выражаться аллегорiями). Смыслъ этихъ аллегорiй—думаю—понятенъ безъ комментарiевъ. Не думайте, читатель, что разсказъ нашъ отно-

сится къ эпохѣ либеральныхъ годовъ,—нѣтъ, этотъ инцинденетъ имѣлъ мѣсто въ началѣ 90 годовъ. Но къ либеральничанію агентовъ министерства юстиціи относительно сектантскихъ вопросовъ мы уже привыкли; къ сожалѣнію, и среди новаго почтеннаго института земскихъ начальниковъ, призваннаго къ жизни незабвенной памяти Великимъ Монархомъ Александромъ III, и построеннаго совсѣмъ не на либеральныхъ основахъ, и съ задачами охранительными, встрѣчаются лица, раздѣляющія и проводящія извѣстныя либеральныя тенденціи на сектантскій и миссіонерскій вопросы, или-же совсѣмъ индеферентныя къ дѣлу столь великой церковно-государственной важности. Подобные взгляды и убѣжденія близкой къ народу власти незримо переливаются въ понятія низшихъ агентовъ волостнаго управленія, что сейчасъ-же даетъ свои печальные результаты въ смыслѣ злорадостнаго торжества сектантовъ мѣстной среды надъ православнымъ населеніемъ и приходскимъ пастырствомъ. Насколько возможно бываетъ легкомысленное отношеніе (чтобы не сказать больше) со стороны земскихъ начальниковъ къ народнымъ чувствамъ вѣры, можемъ сослаться на одинъ, извѣстный намъ, крайне прискорбный инциндентъ, когда земскій начальникъ одной изъ южныхъ губерній, въ раіонѣ сильнаго штундоваго броженія, ничего лучшаго не могъ придумать, какъ отвести свою заболѣвшую сапомъ кобылу на православное кладбище и тамъ собственноручно ее пристрѣлить, а потомъ велѣлъ тутъ-же и сжечь среди многихъ могилъ, чуть-ли не на канунѣ дня поминовенія православнымъ народомъ своихъ родителей! Эпизодъ этотъ, конечно, не могъ не подлить масла къ сектантскому пожару. Отвергая догматъ молитвы и поминовенія умершихъ, сектанты долго глумились надъ православными, приходящими на кладбище для поминокъ своихъ покойниковъ, говоря: «а что, идете поминать земскаго кобылу?...» Какого—спрашивается—содѣйствія?—даже просто—сочувствія къ дѣлу борьбы съ сектами и защиты религіознаго чувства православнаго народа можетъ ожидать церковь и миссія отъ подобныхъ земскихъ начальниковъ?

Привлеченіе къ участію въ миссіонерствѣ міранъ изъ интеллигенціи и простаго народа, въ лицѣ начетчиковъ, всегда признавалось дѣломъ весьма полезнымъ и крайне желательнымъ. Въ настоящее время на развитіе института миссіонерскихъ сотрудниковъ изъ набожныхъ міранъ обращено особое вниманіе епархіальныхъ начальствъ нѣсколькихъ епархій. Вырабатываются почтенные труженики и по

лезные ревнители миссіи, которые заслуживаютъ глубокой признательности и поощренія, такъ какъ несутъ, во славу Божію и на пользу Церкви, дѣйствительно нелегкіе труды. Но какъ и чѣмъ поощрять ревнителей св. миссіонерскаго дѣла?

Наиболѣе соотвѣтственною дѣлу наградою для подобныхъ дѣятелей будетъ награжденіе Библіей отъ св. Синода. Такой именно награды недавно удостоены св. Синодомъ, по представленію епископа Самарскаго Гурія, мѣщанинъ Михаилъ Прозоровъ, крестьяне—И. Линевъ, Г. Зайцевъ, И. Делинъ, «за особые труды ихъ въ дѣлѣ веденія собесѣдованій съ сектантами». Сколько намъ извѣстно, это едвали не первый опытъ такого высокаго поощренія подвизающихся на миссіонерскомъ поприщѣ, со стороны высшей духовной власти. Награжденіе Библіей отъ св. Синода составляетъ одну изъ пріятнѣйшихъ формъ поощренія дѣятелей по церковно-приходскимъ школамъ. Весьма желательно, чтобы и труды дѣятелей миссіи были цѣнимы въ той же мѣрѣ.

Препровождая указъ св. Синода мѣстной консисторіи для исполненія, Самарскій Архипастырь положилъ на немъ резолюцію, исполненную апостольской ревности о дѣлѣ Божіемъ и вмѣстѣ отеческой скорби и укоризны по адресу духовенства, не достаточно радѣющаго объ успѣхахъ миссіонерства. Вотъ эта резолюція:

«Выслать по принадлежности и напечатать о награжденіи Библіею, отъ Св. Синода выдаваемою, названныхъ усердныхъ и полезныхъ дѣятелей на миссіонерскомъ поприщѣ въ борьбѣ съ сектантами... Если простые, не ученые по системамъ богословскимъ, философскимъ и всякимъ другимъ, мѣщане и крестьяне съ успѣхомъ и пользою подвизаются въ миссіонерскомъ служеніи Церкви Христовой, то тѣмъ бо́льшихъ успѣховъ въ этомъ намъ слѣдовало бы ожидать отъ нашихъ священниковъ, изучившихъ Библію во время семинарскаго курса послѣдовательнымъ чтеніемъ, равно какъ и другія науки богословскія, церковно—практическія и историческія. Между тѣмъ, изъ числа священниковъ, даже молодыхъ, весьма рѣдкіе удаются искусными миссіонерами среди сектантовъ, большинство же уклоняются отъ этого святого и спасительнаго дѣла, по крайней мѣрѣ, въ Самарской епархіи... Нельзя безъ прискорбія смотрѣть на это»...

Уповаемъ, что отеческая скорбь Архипастыря коснется и сердца пастырей, спящихъ и дремлющихъ въ своей миссіонерской дѣятельности и они востанутъ, возревнуютъ и исправятся.

Изъ расколо-сектантскаго міра остановимъ вниманіе читателей на чрезвычайно любопытныхъ свѣдѣніяхъ о вновь образовавшейся въ предѣлахъ самарской губерніи общинѣ циниковъ,—отщепенцевъ отъ православной Церкви, за которыми на мѣстѣ усвоено названіе «*секты паніашковцевъ*», и на изувѣрскомъ дѣлѣ тираспольскихъ раскольниковъ, обрекшихъ себя на голодную смерть и заживо замуровавшихся въ погребѣ, во избѣжаніе всеобщей переписи.

Оба эти явленія, — разнородныя по характеру, но одинаково поучительныя во многихъ отношеніяхъ и особенно для близорукихъ, которые превозносятъ секты и расколъ, не зная ни того, ни другаго и не видя, что называется, далѣе своего носа. У насъ въ обществѣ и свѣтской печати давно привыкли судить и рядить о расколосектантствѣ поверхностно, на основаніи только показной стороны этихъ фарисеевъ, ловко драпирующихся въ тогу чистоты, трезвости и цѣломудрія, въ сущности же гробовъ повапленныхъ, полныхъ внутри мерзости и костей. Вошедшій въ плоть и кровь нашей интеллигенціи либеральный пріемъ смотрѣть на русскій расколъ и секты съ сантиментальной точки зрѣнія «западно-европейской свободы въ дѣлѣ вѣры» въ сущности есть ничто иное, какъ вредная проповѣдь о попустительствѣ въ жизни многомилліоннаго народа, подъ прикрытіемъ свободы вѣры, всякихъ дикихъ суевѣрій и фанитическаго неистовства,—есть поддержка (не оправдываемая здравымъ смысломъ) ига духовнаго крѣпостничества, которое во сто кратъ тяжелѣе барскаго крѣпостничества, столь ненавистнаго для интеллигентовъ — народниковъ. По мѣткому выраженію Потѣхина, «нашъ расколъ—это потомственное невѣжество» и наша интеллигенція, наши земцы, суетясь о народномъ просвѣщеніи, въ тоже время горой стоятъ за statu quo невѣжественнаго и изувѣрнаго раскола и сектантства, утверждая, что здѣсь—то именно сіяетъ свѣтъ, развитіе и жизненная правда, а отнюдь не въ жизни обруганнаго пьяницею православнаго народа,—скромнаго пахаря, кормильца Руси. Святой долгъ православной миссіи и печати открывать глаза не правомыслящей части общества на мракъ, царящій въ мірѣ расколо-сектантства, не упускать къ сему поводовъ и случаевъ... Вотъ, напр., не угодно-ли полюбоваться г.г. интеллигентамъ на «свѣтъ и правду» Самарской секты «паніашковцевъ». Съ этой, отрицательной стороны новая секта только и заслуживаетъ того, чтобы говорить о ней.

Наши многочисленныя секты содержатъ всевозможныя нелѣпыя лжеученія и дикіе обряды и обычаи своего культа. Есть, напр., са-

пуны, которые при экстазахъ «сапятъ, фыркаютъ, дуютъ другъ на друга», чтобы сообщить другому наитіе накитавшей благодати Св. Духа. Основаніемъ для такихъ дѣйствій безумцы усмотрѣли въ словахъ 50 псалма Давидова *«окропиши мя vсопомъ»*. Но такихъ циничныхъ дѣйствій при моленіяхъ, какія введены въ культѣ самарскихъ *паніашковцевъ*, исторія расколо-сектантства еще не знаетъ. По отвратительнымъ своимъ дѣйствіямъ секту эту надо бы назвать терминомъ, какой не позволяетъ приличіе печатнаго слова... Но обратимся къ фактамъ.[1]) Они нагляднѣе покажутъ, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости способны доходить легковѣріе народной толпы и шарлатанская виртуозность эксплоататоровъ чувства вѣры нашего мистически—набожнаго крестьянина.

Исторія возникновенія секты паніашковцевъ такова.

Около десяти лѣтъ тому назадъ въ слободу Покровскую съ Аѳона прибылъ крестьянинъ ея, Алексѣй Гавриловъ, онъ-же Паніашка. Какъ извѣстно, народъ нашъ благоговѣетъ предъ пришельцами изъ святыхъ мѣстъ: они возбуждаютъ въ массѣ большой интересъ, таковыхъ въ селѣ готовы на рукахъ носить. Паніашка къ тому же однимъ видомъ своимъ производилъ сильное впечатлѣніе. Это—красивый, высокій, мощный мужчина, съ громадною, спускающеюся ниже пояса, бородою, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ. Рѣчь его плавная, тихая, вкрадчивая и дышитъ убѣдительностью. Слобожане были отъ него въ восторгѣ. Прибывъ съ Аѳона, гдѣ онъ выжилъ нѣсколько лѣтъ, Паніашка выдавалъ себя за схимонаха, при чемъ именовался не Алексѣемъ, какъ нареченъ былъ при крещеніи, а отцемъ Андреемъ. О. Андрей часто ходилъ въ церковь, гдѣ съ усердіемъ всегда молился Богу; однажды какъ-то схимонахъ, мнимый, возвращался домой изъ церкви, и на него натолкнулся пьяный мужиченко, хорошо знавшій его, и потрепалъ самозваннаго о. Андрея за бороду. Послѣ этого случая Паніашка затворился у себя дома, перестать не только ходить въ церковь, но даже выходить на улицу. Весь домъ свой внутри, сверху до-низу, увѣшалъ иконами, а въ углу одной комнаты была повѣшена громадная икона Богоматери, передъ которой теплилась неугасимая лампада. Посредствомъ этой-то иконы Паніашка и эксплоатировалъ религіозныя чувства окружающаго населенія. Здѣсь, въ этой комнатѣ, Паніашка проводилъ и день

---

[1]) Наши свѣдѣнія заимствованы изъ консисторскаго дѣлопроизводства изъ обстоятельной статьи „Самарскаго Вѣстника.

и ночь, здѣсь онъ принималъ сначала своихъ поклонниковъ, а потомъ послѣдователей, здѣсь же у него созрѣла мысль организовать новую секту, или вѣрнѣе,—шайку обиралъ. Какъ Магометъ для своей религіи заимствовалъ ученія изъ разныхъ религій, такъ и Паніашка, задумавъ свою секту, состряпалъ преотвратительнѣйшій винигретъ изъ всевозможныхъ сектъ. Въ ученіи Паніашки можно усмотрѣть хлыстовщину какъ основу, но здѣсь найдете клочекъ изъ безпоповщины, а изъ этого въ безпорядкѣ сваленнаго хлама уродливо выглядываетъ уголокъ штунды. Въ одно время къ паніашковцамъ примкнулъ было пріѣзшій изъ Самары скопецъ, но его очень скоро изловила полиція. Въ святилищѣ Паніашки происходили тѣже радѣнія, что и у хлыстовъ. Духовной іерархіи у паніашковцевъ не существуетъ, если не считать одного «пророка», окруженнаго цѣлымъ сонмомъ «богородицъ». Уставомъ Паніашки требуется, что бы его послѣдователи какъ можно меньше заботились о своемъ тѣлѣ. Онъ потребовалъ-бы отъ послѣдователей, чтобы они отказались отъ пищи и питья, если бы было возможно обойти и этотъ законъ природы. Излишество допускается только въ общеніи съ прекраснымъ поломъ, представительницы котораго именуются «богородицами». Но—странная вещь! женщины называются «богородицами, а дѣти, родящіеся отъ нихъ, считаются бѣсами, которыхъ однако они крестятъ?! Держатъ себя паніашковцы буквально въ грязномъ тѣлѣ. Бѣлье и всякая одежда смѣняется только тогда, когда она сама свалится съ плечъ отъ ветхости. Омовеній никакихъ не полагается. Посуда для питья и ѣды тоже никогда не моется и не чистится, на ней грязи всегда на цѣлый палецъ. Что-бы паніашковецъ ни дѣлалъ, у него на устахъ всегда слово--бѣсъ. Сажаетъ «богородица» въ печь хлѣбы, она говоритъ: «на, бѣсъ», выливаетъ въ сосудъ воду и опять произноситъ тѣже слова. Посылаетъ паніашковецъ въ ротъ кусокъ хлѣба, или ложку борща,—онъ обязательно говоритъ тоже: «на, бѣсъ», и эти слова, вообще, повторяются при каждомъ дѣйствіи, при каждомъ отправленіи естественныхъ и другихъ потребностей. Послѣ ѣды каждый затрапезникъ долженъ произвести нескромный звукъ, послѣ чего плюетъ на полъ, растираетъ ногами и говоритъ: «прекорилъ бѣса». Подобныя вещи продѣлываются и во время молитвы и послѣ нея. Неисполненіе этого требованія влечетъ за собой бичеваніе. «Пророкъ» бьетъ по спинѣ «одержимаго бѣсомъ» (если не производитъ человѣкъ такихъ звуковъ, то, по вѣ-

рованію паніашковцевъ, въ немъ слишкомъ крѣпко сидитъ бѣсъ, изгнать котораго можетъ только или самъ Паніашка, или получившій чрезъ него благодать пророкъ) и бьетъ до тѣхъ поръ, пока не получится желаемый результатъ.

Окружаетъ Паніашку шайка обиралъ: здѣсь все основано на обманѣ. Приходитъ къ Паніашкѣ еще не увѣровавшій въ него, но много слышавшій о немъ простачекъ. Его принимаютъ не сразу. Неофитъ сначала долженъ претерпѣть массу испытаній, пройти черезъ десятки рукъ, на что потребуется не мало времени, въ теченіи котораго о немъ наводятся справки, и лишь когда совершенно увѣрятся всѣ, что имѣютъ дѣло не со шпіономъ, а человѣкомъ «алчущимъ и жаждущимъ правды»,—допустятъ его въ святилище «пророка».

— Шо прійшовъ? спрашиваетъ Паніашка.

Пришедшій говоритъ о своихъ духовныхъ нуждахъ.

— Въ тебѣ бѣсъ сидитъ. Его изгнать треба,—бросаетъ, какъ-бы вскользь, Паніашка, послѣ чего начинается бичеваніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Паніашка беретъ свой витой поясъ, свиваетъ его еще разъ, чтобы чувствительнѣе было, и бьетъ имъ «одержимаго бѣсомъ» до тѣхъ поръ, пока послѣдній не произведетъ того неприличнаго звука, о коемъ сказано выше. Бѣсъ, наконецъ, изгнанъ и Піанишка съ «исцѣленнымъ» становятся на молитву предъ иконой Богоматери. Обрядовая сторона молитвы такая же, какъ и у православныхъ,—такъ же кланяются въ землю и крестятся тремя перстами. Послѣ молитвы, всегда очень продолжительной, которая нерѣдко сопровождается справками: не остался ли еще бѣсъ въ просвѣщаемомъ,—Паніашка требуетъ, чтобы «очищенный отъ всякія скверны», непремѣнно что—нибудь пожертвовалъ въ честь иконы Божіей Матери. Попавшій къ Паніашкѣ простолюдинъ всегда подпадаетъ подъ его вліяніе. Были люди, которые все свое имущество перетаскали къ Паніашкѣ, но избранными почему-то не оказались и въ общину приняты не были. Какими соображеніями руководился въ этомъ случаѣ Паніашка—неизвѣстно. Къ числу такихъ неудачниковъ принадлежитъ крестьянинъ слоб. Покровской Козорѣзъ (малороссъ).

Козорѣзъ все, положительно все свое имущество перетаскалъ о. Андрею и все же остался за бортомъ, въ общину онъ не попалъ, хотя имущество все поступило въ жертву иконѣ Божіей Матери, или вѣрнѣе—кармана о. Андрея и присныхъ. Жена Козорѣза снача-

ла ссорилась съ мужемъ изъ-за нажитаго ими вмѣстѣ добра, переходившаго въ домъ Паніашки, дѣло доходило чуть не до дракъ; но догадливый мужъ сводилъ ее къ пророку и она унялась. Побывавъ разъ у него, Козорѣзова сдѣлалась самой ярой послѣдовательницей его и была возведена въ «богородицы». Это—горячая изступленная женщина. Въ своемъ фанатизмѣ она доходила до того, что разъ задушила было своего грудного ребенка. Она ухватила несчастное дитя за шейку и, крича: «це бись, це бисъ» (это бѣсъ, это бѣсъ), начала трясти его въ воздухѣ. Къ счастію, все это произошло при народѣ и ребенокъ былъ отнятъ у обезумѣвшей матери, а сама она была отправлена въ земскую арестантскую, для охлажденія фанатическаго пыла. Но и тамъ она продолжала неистовствовать,—она рвала на себѣ волосы, теребила ногтями ближайшія къ сидѣнью части тѣла и продѣлывала это съ такимъ остервѣнѣніемъ, что кровь буквально лилась ручьями. Старшій сторожъ арестантской, Журавлевъ, принужденъ былъ надѣть на нее горячечную рубаху.

Вскорѣ послѣ этого весь пылъ Козорѣзовыхъ прошелъ; они убѣдились, что обобраны были самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Онъ опять сталъ хорошимъ христіаниномъ и крестьяниномъ, она—доброй матерью—христіанкой. Козорѣзъ ходилъ къ Паніашкѣ, прося возвратить ему хоть что—нибудь, но получилъ отказъ, выраженный такъ: «ты не мнѣ далъ, а Божіей Матери, у Нея и проси»! Былъ еще и такой случай. Крестьянка села Квасниковки узморской волости, уже довольно пожилая, пріѣхала въ слободу, чтобы получить изъ сельскаго банка завѣщанныя ей ея мужемъ деньги, что-то около 3—4 тысячъ. Заполучивъ деньги, она, первымъ долгомъ, отправилась въ келію о. Андрея, о которомъ очень много слышала. Слышала она, что у него есть икона Божіей Матери, которой ей хотѣлось поклониться и пожертвовать на «неугасимую» предъ ней. Старуха была пропущена къ о. Андрею безъ всякихъ испытаній и была принята имъ особенно ласково. Паніашка сдѣлалъ даже для нея исключеніе, не пустилъ въ ходъ своего пояса и не попытался изгнать изъ нея бѣса. Поклонившись иконѣ Божіей Матери, старуха, безъ предложеній Паніашки, сама положила на полочку, придѣланную къ низу иконы, пятирублевую бумажку.

— Какъ это тебѣ, матушка моя, не грѣхъ!—себѣ ты оставила цѣлыхъ три тысячи, а Божіей Матери пожертвовала только 5 рублей!—упрекнулъ старуху Паніашка. Старуха и ротъ розинула.

Откуда Паніашка могъ узнать, что она получила столько денегъ? мысленно задавала себѣ вопросъ озадаченная старуха. При немъ она своего кошелька изъ пазухи не вынимала, денегъ не развертывала, депозитка, пожертвованная иконѣ, была припасена заранѣе. «Ясновидецъ, значитъ», заключила она и тутъ же покаялась въ своемъ грѣхѣ. О. Андрей посовѣтовалъ исправиться, сдѣлалъ предварительно отеческое внушеніе. Старуха растаяла, вынула изъ запазухи свою кису съ деньгами и обратилась къ Паніашкѣ за совѣтомъ: какія деньги слѣдуетъ пожертвовать Богоматери. Тотъ показалъ старухѣ на екатеринки. Нужно замѣтить, что у этой старухи, въ ея рукахъ, никогда не бывало такихъ денегъ и она цѣны имъ не знала, почему и вручила всѣ сотенныя Паніашкѣ, оставивъ себѣ цѣлыя груды желтенькихъ и сѣренькихъ бумажекъ.

— У тебя еще много осталось, хватитъ на твой вѣкъ,—успокаивалъ онъ старуху, стараясь поскорѣе выпроводить ее изъ дома.

Не мало бывало и подобныхъ случаевъ: опростоволосится простакъ, растаетъ отъ словъ Паніашки, тряхнетъ, какъ говорится, мошной, а послѣ покается, но уже ни какъ не можетъ поправить дѣло. Приходитъ обратно къ Паніашкѣ, кланяется, проситъ возвратить деньги:

— «Ты не мнѣ давалъ, а Божіей Матери, у нея и проси. Молись, можетъ быть, она и отдастъ тебѣ».

Начинается молитва. Съ потерпѣвшимъ молится и Паніашка. Молятся долго, а потерпѣвшій и горячо. Онъ бьетъ все земные поклоны, на лбу у него уже давно появились синяки, а въ результатѣ все еще нуль утѣшенія. Промолившись добрыхъ 2-3 часа, несчастный простакъ убѣждается, что его денежки куда-то далеко, далеко завалились, откуда возвратиться не могутъ, какъ мертвый изъ могилы. Одинъ разъ обманутый такимъ образомъ крестьянинъ едва не поколотилъ Паніашку, но большой штатъ прислужниковъ спасъ его отъ такой напасти, и мужичекъ не только потерялъ деньги, но ему еще «за дерзость» бока намяли. У Паніашки вездѣ разставлялись шпіоны и человѣкъ съ задней мыслью пробраться къ нему никогда не могъ. Члены причта, прислуга духовныхъ лицъ, и проч. хотя-бы и желали знакомиться съ паніашковцами, сдѣлать этого никакъ не могли. О каждой перемѣнѣ, слѣдовательно, въ домахъ духовенства слободы у Паніашки, было извѣстно тотъ-же часъ.

Не такъ давно Паніашка померъ. Посмотрѣть на покойнаго ходила вся слобода. Пролежавъ два дня мертвымъ дома въ самое жаркое время лѣта, онъ издавалъ страшное зловоніе, но паніашковцы съ удовольствіемъ вдыхали міазмическій запахъ, говоря, что «о. Андрей благоухаетъ», и кому этотъ запахъ былъ непріятенъ, о томъ составлялось мнѣніе, что онъ непріятенъ Богу. Надъ могилой Паніашки поставленъ громадный, въ видѣ часовни, памятникъ, въ которомъ повѣшены иконы, теплится неугасимая лампада, поставленъ столъ, на которомъ лежатъ священныя книги. Рядомъ съ иконами виситъ портретъ Паніашки. Его послѣдователи сопричислили его къ лику святыхъ и вѣрятъ, что онъ долженъ скоро воскреснуть. Сначала паніашковцы сходились туда на радѣнія, но объ этомъ провѣдала полиція и посѣщенія часовни сдѣлались тайными. Радѣнія продолжаются въ часовнѣ этой и до сего времени, такъ какъ божедомы (караульщики кладбища) попадаются туда въ большинствѣ случаевъ народъ недобросовѣстный. Сообщаютъ такого рода фактъ. Въ прошломъ году у купца А. И. Михайлова служилъ въ качествѣ приказчика крестьянскій мальчикъ, родители котораго—ярые послѣдователи Паніашки, отдавшіеся сектѣ и душою, и тѣломъ. Имъ захотѣлось и сына своего сопричислить къ «истинной вѣрѣ», поэтому они явились къ Михайлову и потребовали отъ него, чтобы онъ уволилъ ихъ сына отъ службы, такъ какъ тотъ самъ ни за что не хочетъ оставить службу.

— Я его не держу и не имѣю права удерживать. Всегда можете взять его, если не желаете, чтобы онъ у меня служилъ. Родительской власти у васъ никто не отнимаетъ.

Но лишь только г. Михайловъ окончилъ свою рѣчь, какъ мальчикъ повалился ему въ ноги, прося его оставить у себя на службѣ и заступиться за него.

Г. Михайлова все это удивило и онъ попросилъ мальчика открыть причину нежеланія идти домой къ родителямъ. Мальчикъ со слезами на глазахъ разсказалъ своему хозяину, что его родители водятъ въ памятникъ Паніашки, бьютъ его тамъ, заставляютъ молиться на портретъ Паніашки и «безчинничать». Жаль было Михайлову мальчугана, къ тому же онъ былъ хорошимъ слугою, но подѣлать ничего не могъ и уступилъ родителямъ.

Послѣ смерти Паніашки, преемникомъ его сдѣлался крестьянинъ Захарій Бѣлобородовъ; но не всѣ паніашковцы относятся

къ нему благосклонно. Очень многіе изъ нихъ желали бы сами занять его мѣсто, но главная причина раздоровъ—«богородицы», такъ какъ о. Захарій, по праву старшаго, постарался лучшихъ сгруппировать около своей особы. Ихъ паніашковцы ни какъ не могутъ подѣлить. Бѣлобородовъ именуетъ себя «о. Захаріемъ», такъ величаютъ его и многіе пасомые его, но большинство—«завистники»—честятъ его просто Захаркой.

Изъ множества противорѣчій въ ученіи Паніашки несомнѣнно одно, что сущность вѣроученія Алексѣя Гаврилова заключается въ хлыстовскомъ взглядѣ на плоть, какъ мерзость, отсюда пренебреженіе къ естественнымъ потребностямъ плоти. Всякія физическія потребности: питье, ѣда и другія отправленія—ни болѣе, ни менѣе, какъ похоть,—«бѣсовское навожденіе», откуда и слова: «на, бѣсъ». Для тѣла ничего не нужно: ни омовенія, ни одежды, ни пищи, но гнусный развратъ съ женщинами возвышаетъ человѣка, или, какъ они сами выражаются, «сочетаетъ» съ Богомъ и поэтому первыя потребности человѣка, по ученію Паніашки, удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ и молитва. Дитя до тѣхъ поръ остается бѣсомъ, пока не испытаетъ «высшаго наслажденія»—«общенія съ Богомъ и богородицей».

Живутъ сектанты общинами и все у нихъ общее. Личной собственности никто не можетъ имѣть. «Богородицы» вполнѣ свободны, и нынѣ она развратничаетъ съ однимъ, или «сочетается съ Богомъ» чрезъ посредство одного мужчины, завтра она «брачится» съ другимъ. Таинствъ въ сущности сектанты не признаютъ, и если исполняютъ различные обряды въ православной церкви, то исключительно для того, чтобы скрыть свою принадлежность къ сектѣ. Молятся они или у себя въ молитвенныхъ домахъ, или въ памятникѣ Паніашки, гдѣ происходятъ такія же «радѣнія», какъ у хлыстовъ и, наравнѣ съ нѣкоторыми молитвами православной церкви, распѣваютъ канты собственной стряпни. Иконы они почитаютъ. Постовъ не признаютъ и питаются «чѣмъ Богъ послалъ:» попалось мясо—его ѣдятъ, огурцы—давай ихъ сюда,—бѣсу все равно, чѣмъ бы его ни тѣшить. Среди представителей этой секты въ послѣднее время произошелъ расколъ, такъ какъ «о. Захарій» занятъ исключительно своими дѣлами, постоянно судится и, окруженный цѣлымъ сонмомъ «богородицъ«, живетъ какъ какой нибудь турецкій паша. Паніашковцы переходятъ въ православіе, или сбиваются въ новыя группы и, если

не появится новый «пророкъ», съ такой же желѣзной волей, какъ Гавриловъ, есть основаніе полагать—секта прекратитъ свое существованіе или переродится въ другую какую либо дикую вѣтвь хлыстовства.

Ученіе Паніашки особенно распространено въ трехъ волостяхъ: Узморской, Генеральской и Покровской. Будь живъ Паніашка—его ученію нашлось бы очень много послѣдователей среди невѣжественной массы населенія уѣзда.

Недоконченное строеніе Паніашки перешло по наслѣдству къ дочери его, тайно обвѣнчавшейся при его жизни съ сельскимъ учителемъ. Паніашка готовилъ ее въ «богородицы», но она отказалась отъ такой чести. Отецъ проклялъ свою дочь, грозился лишить наслѣдства, но совершить духовное завѣщаніе не успѣлъ и послѣ его смерти она была введена во владѣніе всѣмъ его имуществомъ. Однако, о. Захарій всѣ, болѣе цѣнныя вещи перетаскалъ къ себѣ въ свой монастырь.

Недостроенный четырехъ-этажный домъ Паніашки дочь продала лютеранскому обществу слободы Покровской и изъ него вышла прекраснѣйшая лютеранская церковь, красивѣйшее зданіе во всей Самарской губерніи.

Сами факты свидѣтельствуютъ, насколько нравственнобезобразна и уродлива секта «паніашковцевъ»,—а потому поясненія излишни. Обратимся къ свѣдѣніямъ, полнымъ глубокаго трагизма, о заживо похоронившихъ себя тираспольскихъ фанатикахъ—раскольникахъ.

Постоянные наши читатели помнятъ выраженныя въ декабрской книжкѣ «Мис. Обозр. за 1896 г.» опасенія, что многіе толки раскольничьи отнесутся враждебно къ переписи, которая въ этомъ темномъ царствѣ «потомственнаго невѣжества» и фанатизма не достигнетъ цѣли. Мы предупреждали тогда о необходимости принятія особыхъ мѣръ предосторожности, со стороны переписной комиссіи.

Но ловкіе расколовожди — толстосумы, — эти лютые волки въ овечьей одеждѣ, нещадящіе своего стада малосмысленныхъ овецъ, хотя и знали, что въ дебрахъ раскола не все благополучно съ переписью, но чтобы хвастнуть предъ правительствомъ своимъ дутымъ патріотизмомъ и отвести глаза,—усердно разсылали телеграммы въ газеты, что де перепись въ старообрядческихъ посадахъ прошла превосходно, раскольники охотно сами собирали и сообщали свѣдѣнія и проч.

Кто знаетъ расколъ, тому понятно было подобное заметаніе слѣдовъ. Эпизодъ тираспольскій ясно свидѣтельствуетъ, что съ переписью въ мірѣ раскола прошло не все благополучно, иначе и быть не могло. О тираспольскомъ эпизодѣ производится судебное разслѣдованіе. Достояніемъ общества стали пока слѣдующія интересныя подробности.

Въ Тирасполѣ, Бендерахъ, Слободкѣ и с. Плоскомъ давно свили себѣ гнѣздо въ Терновскихъ плавняхъ раскольники--старообрядцы. Тутъ они пріобрѣли садовые участки, и окруженные роскошной растительностью, красивыми видами, пользуясь баснословными урожаями садовъ, они издавна завели скитки, гдѣ проживали оба пола и безъ различія возраста.

Въ одномъ скиткѣ въ Петровскихъ плавняхъ, близъ Тирасполя, находятся 12 маленькихъ келій, гдѣ жила наиболѣе уважаемая семья Ковалевыхъ. Всѣ они работали въ саду, виноградникѣ, ловили рыбу и безмятежно предавались своей мнимоаскетической жизни на началахъ бракоборнаго распутства. Года два тому назадъ, т. е. со времени оффиціальныхъ извѣстій о всеобщей переписи, среди скитскихъ раскольниковъ, распространился слухъ, что около 1 января 1897 г. будетъ конецъ міра. Большая комета уничтожитъ все живущее на землѣ, послѣ чего настанетъ страшный судъ. Во второй половинѣ минувшаго года стало извѣстно, что перепись населенія скоро будетъ совершившимся фактомъ. И вотъ за нѣсколько дней до всеобщей переписи въ скиты расколаниковъ заѣхала пророчица, назвавшая себя «Виталіей», и объявила, что наступило царство антихриста и лишь тотъ спасетъ свою душу, кто не попадетъ въ перепись. «Лучше наложить на себя руки,—говорила она, чѣмъ отдать себя въ руки «нечистой силы»... Такимъ образомъ проповѣдь о наступленіи царства антихриста, печатью котораго является перепись, вмѣстѣ съ грядущимъ страшнымъ судомъ заставила скитниковъ глубоко задуматься о спасеніи своихъ душъ, о томъ, чтобы предстать на судъ Божій угодниками и пострадавшими во имя Христа. Наконецъ, 21 января явился переписчикъ въ усадьбу Ковалевыхъ и Фоминыхъ, онъ нашелъ двери скита запертыми, а только черезъ отверстіе получилъ письменное заявленіе, что скитники никакихъ свѣдѣній не дадутъ. Ихъ, въ числѣ 5, взяли въ городъ вмѣстѣ съ Виталіею, но такъ какъ они принадлежали несомнѣнно къ мѣстнымъ жителямъ, а отъ пищи отказывались и показаній не давали, то имъ предоставили отправиться домой подъ надзоръ сель-

ской власти. Вскорѣ по освобожденіи изъ тюрьмы одинъ изъ этой компаніи умеръ, а другіе скрылись ночью изъ сада и больше никто ихъ не видалъ. Прошелъ слухъ, что до 17 человѣкъ, боясь переписи и кометы, отправились въ Яссы и въ др. мѣста Румыніи. Однако, скоро появились другіе толки, что обитатели скита въ Румынію не ушли, къ роднымъ своимъ не явились и никакихъ извѣстій о себѣ не подаютъ. Тирасполецъ, раскольникъ Соловьевъ, выдавшій свою дочь за Ковалева, настойчиво требовалъ отъ мужа дочери указанія, гдѣ дѣлась его жена съ двумя малютками, дочерьми. Другіе также искали—кто брата, кто отца или мать. Наконецъ, сама старуха настоятельница скитовъ, Ковалева Александра, 60 л., исчезла со своимъ сыномъ и дочерью. Скитъ начали осаждать со всѣхъ сторонъ: Федору Ковалеву и Горжеву, женатому на дочери Ковалевой, проходу не было. Эти экзальтированные фанатики еще не сознавались въ своей винѣ, какъ молва прямо указала на погребъ, гдѣ въ минѣ замуровано 17 душъ живьемъ. Всѣ эти толки скоро стали общеизвѣстными и вотъ въ Ковалевскую усадьбу нагрянули власти, которые прежде другихъ допросили Федора Ковалева и Горжева. Не отнѣкиваясь незнаніемъ, они подробно разскали, что 9 человѣкъ ими замуровано въ минѣ погреба, что мина была спеціально выкопана. —«Для чего же вы это сдѣлали?—спросили ихъ.—«Они пожелали принять мученичество. Если бы они попросили ихъ убить, я бы это сдѣлалъ»,—пояснилъ Ковалевъ. Спустились въ погребъ, проломали отверстіе въ яму и, къ общему удивленію и ужасу, при освѣщеніи увидѣли груду разложившихся тѣлъ, покрытыхъ землей, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Ковалевъ назвалъ всѣхъ по именамъ и фамиліямъ. Что яма была недавно выкопана, доказывается свѣжестью земли и висящихъ корней. Въ ширину она не болѣе 5 арш., столько-же въ длину, а вышина не превышаетъ $1^1/_2$ — 2 аршина. Что тамъ всѣмъ умершимъ было очень тѣсно, доказывается тѣмъ, что одинъ вырылъ въ стѣнѣ яму, въ которой помѣстилъ голову и плечо. Поразительно, что эти люди, рѣшившіе предать себя смерти, по мучительности страданій самой ужасной, захватили съ собою съѣдобное, постели, молитвенники, свѣчи. Не думали-ли они, что въ этомъ помѣщеніи они проживутъ до разгрома земли и всего живущаго не ней кометою? Можетъ быть, они надѣялись въ этой трущобѣ дожить до дня переписи, а потомъ уйти, но въ такомъ случаѣ надо допустить, что всѣ другіе жильцы Ковалевской усадьбы

знали все происшедшее. На вопросъ, почему-же самъ гробокопатель не подвергъ себя такой ужасной смерти, Федоръ Ковалевъ отвѣтилъ, что онъ, ради спасенія и Христа, очень этого желалъ, но некому было его замуровать.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи найдено было еще 9 труповъ, среди которыхъ оказались старуха Ковалева, ея дочь и сынъ. Послѣ того, какъ было рѣшено пострадать за Христа и на страшномъ судѣ предстать предъ Всевышнимъ мучениками, всѣ скитники раздѣлились на двѣ партіи. Одни, болѣе заслуженные, какъ Ковалева и ея дѣти, избрали себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія главный Ковалевскій погребъ; другіе должны были опочить въ томъ погребѣ, что около дома Фоминыхъ. Первый давно уже слылъ за пещеру, гдѣ хоронили особенно прославившихся скитниковъ. Въ каждой партіи находился прославленный начетчикъ скитникъ. Вотъ почему въ первомъ погребѣ нашли мантію и молитвенникъ на славянскомъ языкѣ.

Ѳедоръ Ковалевъ, замуровавшій пещеру, еще совершенно молодой человѣкъ 23 л., онъ производитъ впечатлѣніе человѣка изступленнаго, подавленнаго своей идеей fix. Разсказываетъ о случившемся, не выражая ни капли сожалѣнія о похороненныхъ имъ заживо девяти человѣкахъ, въ числѣ которыхъ находится и его семья. Послѣ заживо погребенныхъ сестры Ковалева и мужа ея остался фруктовый садъ, оцѣниваемый въ 20,000 руб. Когда скитники были освобождены изъ-подъ стражи, они бросили между собою жребій, кому замуровать входъ въ погребъ. Жребій палъ на Ѳедора Коваалевалева. Возложенную на него ужасную обязанность онъ исполнилъ въ точности. Когда преступленіе было обнаружено, Ѳедоръ Ковалевъ первоначально неохотно называлъ имена жертвъ ужаснаго преступленія.—«Гдѣ матка, Ѳедя?—спрашивалъ его тесть, раскольникъ Соловьевъ,—гдѣ жена, дѣти?»—«Христосъ знаетъ»,—слѣдовалъ отвѣтъ, а затѣмъ онъ добавилъ,—«мы тамъ скоро тоже будемъ». Когда тесть Соловьевъ началъ плакать, Ѳедоръ Ковалевъ отвѣтилъ:—«Ну, не плачь, я тебѣ ихъ сейчасъ отдамъ. Бери ихъ себѣ». И онъ указалъ мѣсто, гдѣ были заживо погребены девять человѣкъ.

Оказывается, что фанатизмъ тираспольскихъ скитниковъ извѣстенъ былъ всегда, передаютъ о слѣдующемъ, напр., эпизодѣ. Однажды г-жа Л. во время разлива Днѣстра хотѣла переправиться на дачу Литвакъ. Вслѣдствіе необыкновенно жаркой погоды, г-жа Л. обратилась къ скитникамъ съ просьбой дать ей напиться воды. Скит-

ники отказали ей въ этомъ, такъ какъ она не имѣла своей посуды. Л. изнемогала отъ жажды. Тогда нѣкоторые изъ скитниковъ сжалились надъ ней и подвели ее къ бадьѣ, откуда она и вынуждена была утолить свою жажду.

Вотъ на какое ужасное, безумное дѣло способенъ раскольничій фанатизмъ и когда-же и гдѣ? въ концѣ XIX вѣка и не въ сибирскихъ дебряхъ лѣсныхъ, а у самаго порога, такъ сказать, просвѣщенной европы,—въ херсонской губерніи! Если люди эти такъ неумолимо жестоки къ себѣ, къ своимъ дѣтямъ невиннымъ, то что могутъ они сдѣлать, при свободѣ и волѣ, съ другими, ненавистными имъ людьми, *съ царствомъ антихриста*, которымъ правитъ, по мнѣнію раскольковъ, самъ антихристъ, въ лицѣ русскихъ императоровъ? Какъ долженъ быть ненавистенъ для этихъ фанатиковъ самодержецъ—никоніанскаго анти-христова царства, сирѣчь православной Россіи! А еще гг. миссіонеры Морозовы, Солдатенковы, Бугровы — и раскольничьи апологеты Швецовы, Мельниковы, Бриліантовы, являясь столпами и опорою вѣковаго раздора, увѣряютъ въ патріотической преданности раскола престолу и отечеству. Да развѣ далеко ушелъ фанатизмъ московскихъ раскольниковъ—милліонеровъ отъ тираспольскихъ «морельщиковъ», когда въ московской думѣ эти европейски лощеные раскольники не захотѣли принять присяги отъ православнаго епископа, а потребовали своихъ лжепоповъ? А протестанты-нѣмцы не погнушались св. креста прав. церкви. На тираспольскую драму нельзя смотрѣть, какъ на событіе исключительное. Нѣтъ, это одно изъ явныхъ новыхъ доказательствъ давнихъ предположеній науки сектовѣдѣнія о существованіи въ расколѣ мрачнаго изувѣрнаго толка «морельщиковъ». Драмы эти въ тайникахъ и подземельяхъ раскола нерѣдко совершаются, какъ культъ. Вотъ какія ужасныя картины рисуетъ почтенный изслѣдователь вятскаго раскола, г. Одоевъ въ своемъ недавнемъ рефератѣ.

«Непроходимая чаща бора,—журчитъ потокъ; на берегу его два холмика, вершины коихъ покрыты мхомъ и мелкимъ ельникомъ, а бока валежникомъ и буреломомъ. Собиратели ягодъ подошли къ этимъ холмикамъ, и послѣдніе оказались бревенчатымъ человѣческимъ жильемъ, задрапированнымъ отъ нескромныхъ взглядовъ ельникомъ, воткнутымъ въ крышу и предъ входомъ. Жилье это имѣло около 3 аршинъ длины и по 2 аршина въ ширину и высоту. Дверь 14 вершковъ вышины. Оконъ, печи совсѣмъ нѣтъ, внутри лишь лавки. Подобное жилье можно было почесть за собачью конуру, еслибъ не при-

сутствіе въ немъ двухъ женщинъ—старухи и ея 13-лѣтней дочери. Обѣ онѣ поразительно блѣдны и худы, мать ужь не первую недѣлю ни чего не ѣла; надъ ней рѣетъ крыло смерти, она не можетъ шевелиться и даже говорить. Дочь пробавляется ничтожнымъ количествомъ меда и травы, собираясь перейти на діету матери... Это старообрядцы, рѣшившіеся уморить себя Христа ради. Что подобное рѣшеніе не шутка, доказательство здѣсь-же въ двухъ свѣжихъ могилахъ. Въ нихъ оказались два трупа—мужчины и женщины, удивительно худыхъ, хотя женщина (по всему видно) при жизни была полная. По заключенію врача, смерть этихъ людей послѣдовала отъ голода.

Вотъ еще картина. Лѣтній вечеръ тихо спускался надъ лѣснымъ озеромъ. Съ послѣднимъ лучемъ заката легкій туманъ отдѣлился съ зеркальной поверхности воды и невысокой волнующейся грядой окуталъ берегъ и опушку прибрежнаго лѣса. Глушь, безлюдье кругомъ... Лишь одинокій рыбакъ готовилъ свой незатѣйливый ужинъ: на мгновенье оторвался рыбакъ отъ дѣла, посмотрѣлъ кругомъ и, вздрогнувъ, поблѣднѣлъ, прошептавши молитву. Надъ клубами низко стлавшагося тумана ясно выдѣлялся видъ женщины; онъ какъ-бы качался и плавалъ на сѣдыхъ волнахъ. Затѣмъ рыбакъ ясно различилъ старуху. Она была въ длинной, бѣлой рубахѣ; сѣдыя клочья волосъ въ безпорядкѣ выбивались у ней изъ подъ платка; лицо, покрытое смертной истомой и блѣдностью, настолько было худо, что изъ подъ страшно утончившейся кожи ясно выдѣлялся каждый мускулъ. Старуха, шатаясь, медленно шла на огонекъ. «Привидѣнье!»—какъ молнія, мелькнула мысль у рыбака. Въ ужасѣ хотѣлъ онъ бѣжать. Но старуха умоляюще простерла къ нему руки и прошептала: «ради Создателя, кусочекъ хлѣба!...» «Привидѣнье оказалось живой старухой, которая то-же рѣшилась запоститься Христа ради, но не выдержала. Поѣвъ, она обѣщала рыбаку богатый подарокъ,— замѣчательно!—не за то, что онъ спасъ ей жизнь, а за то, что-бы онъ не сказывалъ, что она ѣла». Это было въ 1890 году въ окрестностяхъ Царевосанчурска, а упомянутые «морельщики» родомъ изъ деревни Трубки, Яранскаго уѣзда. Тамъ, по словамъ почтеннаго референта, послѣдователей этого культа десятки, а свой центръ онъ имѣетъ гдѣ-то въ Варнавинскомъ уѣздѣ у какого-то Свѣтлояра. И теперь не перестаютъ подъ видомъ богомолья исчезать фанатики изъ селъ и деревень, очевидно, затѣмъ, чтобъ успокоиться въ безъизвѣстныхъ могилахъ послѣ

ужасныхъ терзаній голода. «Страшно, за человѣка страшно!» Что предъ этимъ недавнее мултановское дѣло, вызвавшее такой переполохъ въ обществѣ и печати, если и допустить въ немъ преступленіе? Экстраординарный случай, не больше; здѣсь-же мрачный культъ смерти, возведенный въ систему. Теперь, спрашивается, кто повиненъ за этихъ мученниковъ изувѣрства? Скажутъ: «конечно, духовенство, миссія». Не будемъ спорить, оно повинно, но менѣе другихъ. Оно одиноко въ своей борьбѣ. Повинна болѣе всего интеллигенція и печать, большинство которой трубитъ, что раскольничій вопросъ есть исключительно церковный, что это прекрасный муравейникъ, что его и миссіи нечего трогать, что время само излѣчитъ расколъ и проч. Нѣтъ, вопросъ этотъ обще-государственный, онъ касается жизни и смерти милліоновъ людей. Тираспольское дѣло даетъ чувствительные уроки назиданія, чтобы всѣ, кому дорого просвѣщеніе массъ, приняли участіе въ разрушеніи гнѣзда тьмы и варварттва, или покрайней мѣрѣ не тормозили-бы своимъ либеральнымъ воплемъ дѣло миссіи Церкви не поощряли безумцевъ въ ихъ ослѣпленіи и упорствѣ.

Повторяемъ, расколосектантство есть тормазъ просвѣщенія, разсадникъ безнадежнаго невѣжества, источникъ суевѣрій въ жизни нашего руссаго народа. Въ тираспольскомъ кровавомъ дѣлѣ необходимо судебной власти выяснить, на какомъ основаніи полиціею допущено существованіе этихъ скитковъ, почему къ прекращенію нелѣпыхъ слуховъ не приняты въ свое время мѣры. Вѣдь это не въ лѣсахъ Печерскаго творилося, а въ 12 верстахъ отъ города и проч.

Э. Я.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новые труды по исторіи русскаго раскола.

1. *Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ* XVII—XVIII в. в. Изслѣдованіе **М. И. Лилеева.** Выпускъ I. Кіевъ, 1895 г. (I—XII+1—596 стр.). Цѣна 4 руб.

2. *Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства* въ первые годы сѵнодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ (1721—1725 г.) *Изслѣдованіе священника* **А. Синайскаго.** С. П. Б. 1895 г. (I+VIII, I+XIV, 15—352 и I—XVIII). Ц. 1 р. 75 к. съ пересылкою.

Научная разработка по исторіи раскола началась у насъ сравнительно недавно и хотя въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей дала уже нѣсколько цѣнныхъ вкладовъ, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія наши по сему предмету заключаютъ еще васьма много пробѣловъ. Поэтому работы по расколу, имѣющія въ виду восполнить эти пробѣлы, весьма желательны. Къ числу такихъ работъ принадлежатъ и два поименованныя выше сочиненія.

Важность избраннаго г. Лилеевымъ предмета для изслѣдованія сомнѣнію не подлежитъ: Вѣтка и Стародубье были выдающимися центрами, гдѣ долгое время сосредоточивался расколъ, въ видѣ преимущественно поповщинскихъ согласій, и вліяніе этихъ центровъ на общій ходъ событій въ старообрядческомъ мірѣ было разностороннее и весьма широкое. «Вѣтковскій и Стародубскій расколъ—по замѣчанію нашего автора—имѣлъ не мѣстное только назначеніе, но и обще-русское. Кромѣ того онъ имѣлъ обширное и колонизаціонное значеніе для Бѣлоруссіи и сѣверной Малороссіи, юго-западной и западной Россіи, усиливая здѣсь коренную русскую основу населенія».—Не смотря на такое важное значеніе Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола «литературная его исторія очень бѣдна цѣнными научными пріобрѣтеніями». Зависѣло это отчасти отъ тенденціозности нѣкоторыхъ писателей особенно прежняго времени, а отчасти и вслѣдствіе скудости данныхъ о трактуемомъ предметѣ. Желая восполнить этотъ пробѣлъ, авторъ обратился къ изученію матеріала рукописнаго. Работы его въ этомъ направленіи были продолжительны и старательны, и сопровождались не малымъ успѣхомъ. Еще въ 1893 г. г. Лилеевымъ издана была довольно объемистая книга, за-

ключающая въ себѣ «*Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ въ XVII и XVIII в.* Матеріалы эти, обнимающіе время съ 1684 по 1778 г. включительно, раздѣлены собирателемъ на два отдѣла: къ первому отнесены небольшія статьи изъ раскольничьихъ рукописныхъ сборниковъ и заключающія въ себѣ разнаго рода историческія указанія, такъ или иначе характеризующія вѣтковскихъ и стародубскихъ раскольниковъ и ихъ руководителей, ко второму—документы и письма, имѣющіе отношеніе къ исторіи и бытовой жизни указанныхъ раскольниковъ въ данное время. Не смотря на нѣкоторую отрывочность и односторонность этихъ матеріаловъ, они—по крайней мѣрѣ для внѣшней исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ—имѣютъ большую цѣнность. Разсматриваемое нами сочиненіе автора въ значительной степени составлено на основаніи означенныхъ, собранныхъ имъ матеріаловъ.

Задачу своего труда авторъ поставляетъ въ томъ, чтобы «свести имѣющіяся уже данныя о Вѣтковскомъ и Стародубскомъ расколѣ въ одно цѣлое, провѣрить ихъ строго-научнымъ методомъ исторической критики, сопоставить вновь открытое съ раньше извѣстнымъ и такимъ образомъ представить возможно полную въ настоящее время картину событій, относящихся къ мѣстной исторіи раскола въ последовательной связи и съ изложеніемъ всѣхъ подробностей и причинъ, породившихъ тѣ или иныя явленія» (Предисл. XII).

Къ выполненію намѣченной широкой задачи авторъ прилагаетъ большія старанія, и хотя полной безупречности въ этомъ отношеніи и не достигаетъ, тѣмъ не менѣе трудъ его представляетъ дальнѣйшее поступательное движеніе въ разработкѣ трактуемаго предмета, и, безъ сомнѣнія, есть трудъ весьма полезный и цѣнный.

Изслѣдованіе автора кромѣ предисловія (гдѣ преимущественно обозрѣвается съ критическою оцѣнкою литература предмета—источники и пособія) состоитъ изъ *семи главъ*.

Первая глава посвящена вопросу *о времени происхожденія стародубскихъ и черниговскихъ раскольничьихъ слободъ*.

Въ литературѣ установилось мнѣніе, что первымъ раскольничьимъ поселенцемъ въ стародубскихъ предѣлахъ былъ московскій попъ Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ. Вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ на расколъ въ Москвѣ, *онъ въ 1669 году* «съ двадцатью духовными дѣтьми» удалился въ Стародубье и здѣсь, *при посредствѣ своего друга мѣстнаго полков-*

ника Гавріила Ивановича, получилъ позволеніе поселиться въ селѣ Понуровкѣ, которая и была *первою старообрядческою колоніею* въ означенной мѣстности. Г. Лилеевъ подвергаетъ тщательному пересмотру означенное мнѣніе и на основаніи нѣкоторыхъ, отчасти неизвѣстныхъ данныхъ, приходитъ къ слѣдующимъ новымъ выводамъ: 1) Время поселенія московскихъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, съ попомъ Кузьмою во главѣ, должно быть отодвинуто *къ концу семидесятыхъ годовъ XVII стол.* (не ранѣе 1676—1677 гг.). 2) Колонія московскихъ раскольниковъ, выведенная означеннымъ попомъ, *не была первою по времени* раскольничьею колоніею на земляхъ стародубскаго полка. Гораздо раньше этихъ московскихъ раскольниковъ были здѣсь великороссійскіе поселенцы, *неизвѣстные по мѣсту своего первоначальнаго жительства.* 3) Поселившіеся съ попомъ Кузьмою въ Понуровкѣ московскіе раскольники, по всей вѣроятности, были направлены сюда *стародубскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою-Вольскимъ* (1678—1680 гг.).

Съ первымъ положеніемъ автора нельзя не согласиться. Г. Лилеевымъ документально доказано, что всесвятскій на Кулишкахъ попъ Кузьма платилъ въ Москвѣ окладныя деньги въ 185 (1676—1677) году и только въ слѣдующемъ году на его мѣстѣ былъ уже другой попъ Никита, занимавшій означенный приходъ въ 186—193 гг. Соглашаемся и со вторымъ положеніемъ автора, какъ отчасти вытекающимъ изъ перваго и тоже документально оправдываемымъ, хотя *съ нѣкоторою оговоркою.* Мы недоумѣваемъ, почему авторъ утверждаетъ, будто старообрядцы, поселившіеся въ предѣлахъ стародубскихъ ранѣе попа Кузьмы, *неизвѣстны по мѣсту своего первоначальнаго жительства?* Это опровергается данными, находящимися въ трудахъ самого-же автора [1]). Но что касается третьяго положенія г. Лилеева, то оно представляется намъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Трудно допустить, чтобы старообрядцы половины XVIII столѣтія (отъ которыхъ исходитъ извѣстіе) забыли имя своего покровителя, оказавшаго «ревнителямъ старины» существенныя услуги и *считавшагося другомъ*

---

1) См. *Новые матеріалы*, стр. 60 и *Изслѣдованія* стр. 26, 29,—это, если понимать заявленіе автора—что у него не ясно—въ смыслѣ неизвѣстности, *гдѣ селились старообрядцы въ Стародубьѣ;* и см. *Новые матеріалы* стр. 44 и друг. и Изслѣд. стр. 24,—это, если понимать, *изъ какихъ мѣстъ раскольники приходили въ Стародубье.*

попа Кузьмы, а тѣмъ болѣе переиначили оное. Во всякомъ случаѣ, изслѣдователь, чтобы категорически отрицать вѣрность означеннаго извѣстія по сему вопросу, долженъ представить резонныя основанія. Такихъ основаній г. Лилеевъ не представляетъ. Между тѣмъ ему извѣстно, что въ разсматриваемое время виденъ въ Стародубьѣ *Гавріилъ* Дащенко, бывшій наказнымъ *полковникомъ*, и связи котораго съ старообрядцами сомнѣнію не подлежатъ. Этого Дащенко г. Лазаревскій и считаетъ тѣмъ полковникомъ, который покровительствовалъ попу Кузьмѣ (*Описаніе старой Малороссіи*, т. I, стр. 440). Правда г. Лилеевъ утверждаетъ, что означенное мнѣніе новаго малороссійскаго историка *не имѣетъ ровно никакого значенія въ виду новыхъ данныхъ о времени заявленія попа Кузьмы въ Стародубьѣ*. Но это столь рѣшительное опроверженіе имѣло-бы значеніе въ томъ только случаѣ, если-бы Гавріилъ Дащенко, занимая должность полковника въ 1669 году (къ каковому времени г. Лазаревскій относитъ, согласно съ прежнимъ мнѣніемъ, прибытіе попа Кузьмы въ Стародубье), *не былъ видѣнъ здѣсь въ послѣдующее время*. Между тѣмъ документально извѣстно, что онъ занималъ означенную должность въ 1670 годахъ, и съ его преемникомъ мы встрѣчаемся не ранѣе 1681 года (*Опис. стар. Малороссіи*, I, 64). Слѣдовательно, и послѣ новыхъ данныхъ о попѣ Кузьмѣ означенное мнѣніе г. Лазаревскаго по разсматриваемому вопросу не теряетъ значенія и, безъ сомнѣнія, должно быть признано наиболѣе вѣроятнымъ.

Въ остальной части разсматриваемой главы авторомъ сообщаются свѣдѣнія о заселеніи старообрядцами стародубскихъ слободъ со времени первоначальнаго появленія ихъ здѣсь по 1713 годъ включительно. При разработкѣ этого вопроса авторъ имѣлъ уже предшественниковъ, въ трудахъ коихъ (особенно г.г. Лазаревскаго и Багалѣя) находится достаточно данныхъ для историческаго очерка мѣстъ, заселенныхъ старообрядцами, и отношеній послѣднихъ къ администраціи и обществу. Но г. Лилеевъ тщательно провѣряетъ эти данныя и на основаніи самостоятельныхъ архивныхъ розысканій нерѣдко восполняетъ ихъ, указываетъ неточности въ прежнихъ трудахъ, иногда примиряетъ встрѣчающіяся въ источникахъ противорѣчія, такъ что сообщаемыя имъ свѣдѣнія по данному вопросу отличаются бо́льшею полнотою и обстоятельностію. Значеніе для настоящаго очерка трудовъ упомянутыхъ предшественниковъ указано авторомъ въ предисловіи, хотя — по нашему мнѣнію — должно оно

быть нѣсколько расширено. Такъ, напр., авторъ заявляетъ, что *о времени заселенія слободы Шеломы до сихъ поръ никѣмъ не было сдѣлано никакихъ указаній даже и приблизительныхъ, за недостаткомъ относящихся сюда данныхъ* (стр. 34). Между тѣмъ въ рецензіи г. Багалѣя на книгу г. Лазаревскаго эти данныя приведены, и на основаніи ихъ сдѣланы уже соотвѣтствующіе выводы (*Отчетъ о тридцать второмъ присужденіи наградъ графа Уварова*, стр. 131). *Намъ удалось* (говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Лилеевъ) найти копію гетманскаго универсала 1709 года и проч. (стр. 35); между тѣмъ *это удалось* тому же г. Багалѣю (ibid. стр. 130)... Не оправдывается также документальными данными заявленіе автора, что духовная власть, въ лицѣ мѣстнаго іерарха Лазаря Барановича, принимала по отношенію къ стародубскимъ старообрядцамъ тѣже мѣры, какія практиковались и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору. Неосновательно также поступаетъ авторъ, дѣлая энергичное нападеніе на г. Лазаревскаго по поводу его разсужденій о способахъ пріобрѣтенія кіево-печерскою Лаврою нѣкоторыхъ земельныхъ владѣній на лѣвомъ берегу Днѣпра (стр. 61). Разсужденія г. Лазаревскаго по данному вопросу проникнуты строго-научнымъ, критическимъ характеромъ, и скептическое его отношеніе къ грамотѣ 1720 г. представляется раціональнымъ. Авторъ допустилъ ту ошибку, что недостаточно внимательно отнесся къ указываемой имъ мѣновой записи митрополита П. Могилы Бѣлорусскому епископу Іосифу Горбацкому отъ *9 декабря 1644 г.*,—записи, идущей въ разрѣзъ съ предположеніями г. Лазаревскаго. Критическое отношеніе къ означенной записи неизбѣжно привело-бы г. Лилеева къ заключенію, что *она подложна* и появилась съ извѣстными цѣлями гораздо позже того времени, къ которому отнесена ея составителемъ. Для удостовѣренія подложности записи достаточно констатировать тотъ фактъ, что *въ 1644 году* Горбацкій состоялъ еще *ректоромъ Могилянской коллегіи и игуменомъ Кіево-братскаго монастыря* ($^{5}/_{15}$ марта 1645 г. онъ получилъ королевскую привиллегію на управленіе кіево-михайловскимъ монастыремъ; $^{5}/_{15}$ мая того же года введенъ былъ «во владѣніе» имъ; епископомъ сдѣлался не ранѣе *конца 1650 года* уже послѣ кончины П. Могилы).

Во второй главѣ авторъ трактуетъ *объ условіяхъ поселенія и первоначальной жизни великороссійскихъ раскольниковъ въ стародубскихъ и черниговскихъ слободахъ* въ концѣ *XVII* и началѣ *XVIII* в.

Возникшія въ Москвѣ гоненія на приверженцевъ старины побуждали ихъ скрываться отъ своихъ притѣснителей по разнымъ укромнымъ мѣстамъ. Стародубье представляло въ этомъ отношеніи для раскольниковъ значительныя удобства и въ смыслѣ отдаленности края отъ административныхъ центровъ и въ смыслѣ легкости пробраться сюда. Важнымъ удобствомъ была и близость границы. Менѣе благопріятныя были хозяйственно-экономическія условія поселенія великорусскихъ раскольниковъ въ сѣверной Малороссіи, такъ какъ здѣсь доброкачественныя земли достались на долю болѣе раннихъ насельниковъ, а на долю позднѣйшихъ (въ томъ числѣ и старообрядцевъ) худшія, — обстоятельство, побудившее раскольниковъ искать заработка въ не земледѣльческихъ промыслахъ и способствовавшее развитію среди нихъ торговой промышленности. Условія, на которыхъ великороссійскіе раскольники пріобрѣтали право осѣдлости въ Стародубьѣ, были разнообразны. Были (хотя и рѣдко) случаи заселенія старообрядцами извѣстныхъ мѣстъ на правѣ такъ называемой *займанчины*, т. е., на правѣ свободнаго (съ согласія сосѣдей) занятія земель. Но чаще всего селились старообрядцы во владѣльческихъ помѣстьяхъ, что было возможно только при условіи тѣхъ или иныхъ соглашеній съ собственниками. Важнымъ матеріаломъ для выясненія этихъ условій служатъ такъ называемые *осадные листы*. Авторъ съ должнымъ вниманіемъ относится къ этому матеріалу и извлекаетъ изъ него все существенное, причемъ выясняется, что условія означенныхъ поселеній не всегда были одинаковыя, хотя въ общемъ, на первыхъ порахъ льготныя; только съ теченіемъ времени положеніе слобожанъ ухудшилось: «закрѣплялась ихъ зависимость отъ землевладѣльцевъ».—Бѣгство великороссійскихъ людей въ Малороссію вызывало со стороны Московскаго правительства постоянныя напоминанія, требованія и даже угрозы, чтобы такіе бѣглецы не принимались и обратно высылались въ Московское государство. Но обыкновенно на такія требованія мало обращалось вниманія, такъ какъ малороссійскіе державцы смотрѣли на раскольниковъ, какъ на выгодныхъ поселенцевъ, удобныхъ колонизаторовъ ихъ пустопорожнихъ земель, не обращая особеннаго вниманія или, правильнѣе, просто игнорируя ихъ разномысліе въ дѣлахъ вѣры съ господствующею церковью. Но такое отношеніе къ новымъ поселенцамъ мѣстныхъ державцевъ вызывало недовольство со стороны старыхъ насельниковъ, земельныя права которыхъ естественно ограни

чивались вновь осаживаемыми слободами. На этой почвѣ экономическихъ отношеній залагались въ Малороссіи первоначальныя отношенія къ раскольникамъ со стороны разныхъ слоевъ мѣстнаго общества. Не смотря на предупредительность, съ какою принимались въ стародубскихъ предѣлахъ старообрядцы, положеніе ихъ здѣсь въ церковномъ отношеніи за разсматриваемое время (до царствованія Екатерины II) было нелегальнымъ. Несравненно бóльшею свободою въ религіозномъ отношеніи пользовались старообрядцы, поселившіеся въ Польшѣ. Польскіе паны не только разрѣшали раскольникамъ строить церкви и монастыри, но даже принимали участіе въ раскольничьихъ спорахъ съ цѣлію водворенія между ними мира. Существуетъ даже извѣстіе, что положеніе старообрядцевъ въ Польшѣ было обставлено формально легальными условіями и со стороны государства. Различіе въ условіяхъ поселенія раскольниковъ за польскимъ рубежемъ и въ сѣверной Малороссіи сильно отразилось на числѣ поселенцевъ тамъ и здѣсь. Сводомъ имѣющихся данныхъ объ этомъ и заканчивается разсматриваемая глава.—Изъ положеній автора мы считаемъ не обоснованнымъ то, гдѣ заявляется, что свобода въ религіозномъ отношеніи предоставлялась польскими панами только селившимся въ ихъ помѣстьяхъ бѣглецамъ—раскольникамъ, но не простиралась на православныхъ великоруссовъ, которые были сильно преслѣдуемы за свою вѣру, что и побуждало ихъ обращаться въ расколъ. Это утвержденіе автора не гармонируетъ съ тѣмъ его положеніемъ, что въ Польшѣ бѣглецы изъ Великороссіи съ распростертыми объятіями принимались землевладѣльцами, въ собственныхъ интересахъ предоставлявшими имъ разныя льготы, въ томъ числѣ и свободу вѣроисповѣданія; а приводимое авторомъ единственное доказательство (стр. 122 и слѣд.) въ пользу означеннаго мнѣнія отнюдь не имѣетъ того значенія, какое онъ желаетъ ему придать (рѣчь идетъ въ приводимомъ авторомъ примѣрѣ объ отнятіи церкви у православныхъ *западно-руссовъ*, а *не великоруссовъ*. То обстоятельство, что священникомъ въ означенной церкви былъ *внукъ*,—когда-то пришедшаго въ западно-русскія области—попа Михайла—*великоросса*,—есть обстоятельство въ данномъ случаѣ совершенно стороннее).

Третья глава посвящена *обзору дѣятельности первыхъ организаторовъ раскола въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ.*

Первыми организаторами раскола въ означенныхъ мѣстностяхъ были попы: упомянутый выше Кузьма изъ Москвы и Стефанъ изъ

Бѣлева. Свѣдѣнія объ этихъ «ревнителяхъ старины» весьма скудны. Вновь открытыя авторомъ данныя даютъ ему возможность нѣсколько полнѣе освѣтить если не самую дѣятельность означенныхъ поповъ, то по крайней мѣрѣ положеніе раскола въ Стародубьѣ подъ ихъ духовнымъ руководительствомъ. Расколъ къ концу 1670-хъ годовъ настолько уже окрѣпъ въ Стародубьѣ, что у многихъ въ это время явилось «церковное смущеніе» и именно «клеветы ради раскольничьей». На старообрядцевъ (въ концѣ 1682 или началѣ 1682 г.) воздвигнуто было гоненіе, въ виду чего попы Кузьма и Стефанъ, по общему совѣту съ своими духовными дѣтьми, ушли на житье въ Вѣтку, находившуюся въ польскихъ пограничныхъ предѣлахъ и принадлежавшую пану Халецкому. Съ этого времени Вѣтка пріобрѣтаетъ огромное значеніе въ старообрядческомъ мірѣ и дѣлается организованнымъ училищемъ поповщинскаго раскола; съ этого же времени и исторія Стародубскихъ раскольниковъ надолго связывается съ исторіею Вѣтки, именно до устройства Покровскаго раскольничьяго монастыря въ началѣ царствованія Екатерины II, когда Стародубье снова получаетъ значеніе религіознаго центра.—Общая характеристика упомянутыхъ организаторовъ раскола сводится авторомъ къ тому, что въ ихъ дѣятельности не видно никакого противогосударственнаго направленія; всѣ ихъ стремленія, повидимому, направлены были къ тому, чтобы отыскать себѣ безопасное убѣжище отъ преслѣдованій духовныхъ и гражданскихъ властей московскихъ. Понятно, что они, какъ ревнители церковной старины, хотѣли распространить и перенести эту ревность на другихъ, и потому, *если это была пропаганда раскола* (??), то во всякомъ случаѣ она вытекала изъ религіозной потребности.,. (стр. 155). Что касается попа Кузьмы, то онъ—по мнѣнію автора—принадлежалъ даже къ тѣмъ ревнителямъ церковной старины, которые не отвергли бы священниковъ, поставляемыхъ высшею духовною властію, еслибъ ихъ оставили при старопечатныхъ книгахъ и старинныхъ церковныхъ обрядахъ (138 ст). Разумѣется, эти мнѣнія автора слишкомъ смѣлы, а главное—не имѣютъ надежныхъ опоръ въ самомъ его изслѣдованіи. Еще болѣе неожиданнымъ оказывается заявленіе автора о третьемъ извѣстномъ попѣ раскольничей Вѣтки—Іоасафѣ. Авторъ говоритъ, что его можно назвать «*первымъ единовѣрцемъ въ средѣ раскола*» (стр 160), и это на томъ только основаніи, что онъ посвященъ былъ въ духовный санъ Тверскимъ архіереемъ (который, по словамъ Алексѣева.

«аще къ новодогмствованію и привлеченъ, обаче древняя лобызаше») *по старымъ книгамъ*. Извѣстно, что для принадлежности *къ единовѣрію* требуется *нѣчто и иное, болѣе существенное*, о чемъ Іоасафъ вовсе не заботился.—Наибольшаго возвышенія и процвѣтанія, значенія настоящаго духовнаго центра всего поповщинскаго раскола, достигла Вѣтка при преемникѣ Іоасафа, Ѳеодосіи, по фамиліи—какъ добавляетъ авторъ—*Ворыпинъ*. Обзору жизни и дѣятельности этого знаменитаго вѣтковскаго попа и посвящается остальная, бо́льшая часть разсматриваемой главы, въ общемъ составленной весьма обстоятельно, хотя автору и слѣдовало бы точнѣе уяснить вопросъ, почему на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ расколъ утвердился подъ видомъ бѣглопоповщины, а безпоповщина, тоже пріютившаяся здѣсь, не могла пустить прочныхъ корней.—Встрѣчаются и фактическіе погрѣшности и недосмотры. Такъ, ошибочно авторъ старца Ѳеодосія (Ворыпина), имѣвшаго преніе съ Лысенинымъ, отождествляетъ съ вѣтковскимъ попомъ Ѳеодосіемъ: это были различныя лица, и самое преніе происходило не на Вѣткѣ—какъ думаетъ авторъ—а въ Керженцѣ. Независимо отъ данныхъ, заключающихся въ описаніи самого пренія, данныхъ косвенныхъ, прямое указаніе относительно этого можно видѣть въ приводимой авторомъ на стр. 169 выдержкѣ изъ рукописи хлудовской библіотеки № 341.—Очевидно, автору осталась неизвѣстною обширная статья Игнатія Зинченко, помѣщенная въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1885 г. (т. II стр. 45—130). Знакомство съ нею избавило бы его отъ тѣхъ хронологическихъ неточностей, какія допущены имъ относительно извѣстной въ исторіи раскола игуменьи Маремьяны (см. 179 стр.). На стр. 153 авторъ извѣстное доношеніе Питирима императору Петру несправедливо относитъ къ 1715 году, и вообще по поводу его допускаетъ неточности, зависѣвшія отъ недосмотра первоисточниковъ, хотя они имъ и процитованы. Не раздѣляю я мнѣніе автора (въ данномъ случаѣ онъ слѣдуетъ за г. Дружининымъ: *Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.*, стр. 79, примѣч. 35) о томъ, якобы *въ 1654 году* состоялся соборъ приверженцевъ старины по поводу споровъ о крещеніи и перекрещиваніи: мало допустимы еще *въ 1654 году*, т. е., *при самомъ возникновеніи раскола*, разсужденія, да еще соборныя о перекрещиваніи никоніанъ или о дозволеніи крестить мірянамъ при неимѣніи поповъ стараго рукоположенія.

Въ четвертой главѣ трактуется *о Вѣткѣ и Стародубьѣ послѣ смерти попа Ѳеодосія до первой вѣтковской выгонки* (1711—1735 г.

Разсматриваемый періодъ въ исторіи Вѣтки былъ временемъ наибольшаго распространенія ея вліянія, и Стародубье находилось тогда подъ сильнымъ вліяніемъ вѣтковскихъ учителей. Авторъ послѣ обстоятельнаго очерка объ означенномъ вліяніи вѣтковскаго и другихъ окружныхъ старообрядческихъ монастырей въ разныхъ отношеніяхъ (преимущественно хозяйственномъ и воспитательномъ въ духѣ раскола), дѣлаетъ общую характеристику, главнымъ образомъ, стародубскихъ раскольниковъ въ религіозно-нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

Относительно этой главы находимъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1). Однимъ изъ выдающихся явленій въ исторіи Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола за разсматриваемое время было исканіе представителями здѣшнихъ старообрядческихъ общинъ архіерейства. Этотъ яркій фактъ вообще въ исторіи всего русскаго раскола, прекрасно характеризующій не только религіозную, но и бытовую его стороны, почти совершенно обойденъ авторомъ. Свѣдѣнія объ этомъ сообщаются самыя краткія и только мимоходомъ. Это большой пробѣлъ, который автору необходимо восполнить въ слѣдующемъ томѣ своего изслѣдованія, что онъ, кажется (см. стр. 314), и намѣренъ сдѣлать (очевидно, когда будетъ говорить объ единовѣріи).

2). Авторъ находитъ, что характеристика стародубскихъ старообрядцевъ, сдѣланная протоіереемъ Журавлевымъ (въ его *Полномъ историческомъ извѣстіи о раскольникахъ*), отличается крайнею односторонностью и по всей вѣроятности есть только полемическій пріемъ во вкусѣ противораскольничьей полемики». Г. Лилеевъ эту рѣзкую характеристику считаетъ близкою къ истинѣ по отношенію къ безпоповцамъ.—Что безпоповцы, какъ наиболѣе уклонившіеся отъ православія и отрицавшіе бракъ, заслуживаютъ худшаго отзыва въ нравственномъ отношеніи, нежели поповцы, съ этимъ, разумѣется, должно согласиться. Тѣмъ не менѣе автору слѣдовало-бы свой общій приговоръ по этому вопросу мотивировать указаніемъ не на вѣроисповѣдныя отступленія, а и другими данными. Правда, и послѣднія у него приводятся какъ для характеристики нравственности безпоповцевъ, такъ и вообще старообрядцевъ, но не всѣ онѣ имѣютъ неоспоримое значеніе, во 1-хъ, потому, что заимствуются

изъ односторонних источниковъ (изъ судебныхъ дѣлъ *съ пристрастіями,* сатирическаго сочиненія), а во 2-хъ, потому, что факты, касающіеся вообще слобожанъ стародубскихъ (между которыми, дѣйствительно, не мало было преступнаго люда: извѣстно, что сюда нерѣдко бѣжали *висѣльники*), авторомъ прилагаются именно къ старообрядцамъ. Затѣмъ авторъ склоненъ думать, что безпоповцы стояли на низшей степени сравнительно съ поповцами и въ умственномъ (образовательномъ) отношеніи. Съ этимъ нельзя согласиться. Безпоповцы, наиболѣе поповцевъ уклонившись отъ православной Церкви, и между тѣмъ считая себя правовѣрующими, должны были употребить и наиболѣе усилій, чтобы оправдывать свои существенныя отступленія отъ господствующей Церкви. Это обстоятельство требовало не только широкаго знакомства съ литературными памятниками древности (что́ видимъ и у поповцевъ), но и значительной софистики. Отсюда сочиненія безпоповцевъ изобилуютъ иногда аргументами, обнаруживающими значительную умственную виртуозность, а иногда не чужды даже и научности (Денисовъ). Самъ авторъ признаетъ безпоповца Алексѣева, подвизавшагося въ Стародубьѣ, «умнымъ и книгоначитаннымъ» (стр. 349); а изъ лѣтописи вѣтковской церкви видно, что послѣ его смерти нашлись: скорописныя двѣ риторики Лихудіевы и діалектика, да *грамматика его сочиненія*».

Въ пятой главѣ авторъ говоритъ *о первой вѣтковской выгонкѣ, ея послѣдствіяхъ и дальнѣйшей субьбѣ Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола до переселенія столицы старовѣрства въ Стародубье* (1736—1765 г.г.)

О первой вѣтковской выгонкѣ въ литературѣ установились такія мнѣнія: во 1-хъ, что число возвращенныхъ въ это время въ Россію старообрядцевъ простиралось до 40,000 или даже до 60,000; во 2-хъ, что большинство ихъ было размѣщено въ предѣлахъ стародубскихъ и, наконецъ, въ 3-хъ, что послѣднее обстоятельство способствовало возвышенію Стародубья, какъ религіознаго раскольничьяго поповщинскаго центра. Авторъ считаетъ означенныя мнѣнія несогласными съ документальными данными и на основаніи послѣднихъ констатируетъ, что полковникомъ Сытинымъ, разорявшимъ Вѣтку, выведено было оттуда только 13234 человѣка того и другаго пола, и что только незначительная часть ихъ (нѣсколько сотъ) поселены были въ Стародубьѣ, остальные же разосланы были по внутреннимъ областямъ государства. Затѣмъ положеніе стародуб-

скихъ слобожанъ послѣ вѣтковской выгонки измѣнилось не къ лучшему (въ интересахъ поповщины), но къ худшему: здѣсь сталъ распространяться расколъ въ формѣ безпоповщины.—Вѣтковская выгонка не достигла своей ближайшей цѣли: лѣтъ черезъ пять это излюбленное старообрядцами мѣсто уже опять настолько было заселено и возстановлено, что представлялось въ первоначальномъ своемъ видѣ, какъ относительно внѣшняго своего устройства, такъ и по количеству своихъ насельниковъ. Вѣтка снова пріобрѣтаетъ значеніе религіознаго центра въ поповщинѣ и распространяетъ свое вліяніе на самыя отдаленныя мѣстности. Сообщеніемъ историческихъ данныхъ относительно этого, въ связи съ изложеніемъ событій, совершавшихся въ сосѣднемъ съ Вѣткою Стародубьѣ, насколько они касались раскола, и заканчивается разсматриваемая глава, принадлежащая къ числу лучшихъ въ сочиненіи, какъ по обилію собраннаго авторомъ матеріала, такъ и по новому освѣщенію нѣкоторыхъ сторонъ Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола за разсматриваемое время.

Въ шестой главѣ авторъ трактуетъ *о діаконовщинѣ на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ въ первой и началѣ второй половины XVIII стол.*

Діаконскій толкъ появился первоначально на Керженцѣ, но скоро еще при жизни извѣстнаго вѣтковскаго попа Ѳеодосія началъ проникать въ вѣтковскія и стародубскія слободы. Указавъ на сущность и главныя особенности означеннаго толка и обозначивъ пункты, раздѣлявшіе вѣтковцевъ съ діаконовцами, авторъ «обращается къ исторіи» послѣднихъ въ изучаемыхъ имъ мѣстностяхъ. Эта исторія въ сущности была исторіею споровъ между представителями діаконовскаго толка съ Вѣтковцами, и касалась тѣхъ пунктовъ церковной практики, которые раздѣляли эти два толка тогдашней поповщины. Споры эти оставили широкій слѣдъ въ мѣстной старообрядческой литературѣ прошлаго вѣка; съ ними, на основаніи первоисточниковъ, исходящихъ изъ обоихъ лагерей, авторъ подробно и знакомитъ читателей, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на жизни и дѣятельности попа Патрикія, какъ бывшаго однимъ изъ главныхъ представителей діаконовскаго толка за разсматриваемое время и пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ не только среди мѣстныхъ слобожанъ раскольниковъ (конечно, главнымъ образомъ, своего толка), но и далеко за предѣлами Вѣтки и Стародубья. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о такъ называемомъ *Сусловомъ согласіи*, находившемся въ ближайшей связи съ діаконовщиною въ Стародубьѣ, авторъ оканчи-

ваетъ главу общею характеристикою послѣдней, не чуждою, впрочемъ, односторонности. Въ общемъ разсматриваемая глава составлена обстоятельно, можетъ быть, даже съ излишнимъ привнесеніемъ выдержекъ изъ сыраго матеріала. Нѣкоторыя, допущенныя авторомъ въ началѣ ея неточности объясняются указаннымъ уже нами отождествленіемъ личности вѣтковскаго попа Ѳеодосія съ старцемъ Ѳеодосіемъ Ворыпинымъ и перенесеніемъ пренія, бывшаго у послѣдняго съ Лысенинымъ въ Керженцѣ, на Вѣтку.

Въ послѣдней, седьмой главѣ идетъ рѣчь *объ управленіи и правительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ до времени Екатерины II.*

«Историческій очеркъ» по данному вопросу авторъ раздѣляетъ на два, рѣзко различающіеся между собою періода, гранью для которыхъ служатъ 1715—1716 годы. Въ первомъ періодѣ слободскіе раскольники непосредственно были подчинены мѣстной малороссійской власти: находились въ полной зависимости отъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ жили, и подлежали суду «державцевъ» и мѣстныхъ урядовъ. Въ данномъ случаѣ они не отличались отъ такъ называемаго посполиства, т. е., мѣщанъ и крестьянъ разныхъ наименованій. Съ 1715 года въ правовомъ положеніи стародубскихъ и черниговскихъ старообрядцевъ воспослѣдовала рѣзкая перемѣна: указомъ Петра Великаго они изъяты были изъ подчиненія малорусскому начальству и освобождены отъ обязательныхъ посполитыхъ отношеній къ державцамъ, лишившимся при этомъ и тѣхъ земель, на которыхъ они раньше такъ заботливо насаждали расколъ. Органомъ мѣстнаго управленія надъ раскольничьими слободами сдѣлано было волостное правленіе государевыхъ малороссійскихъ раскольничьихъ слободъ, подчиненное на первыхъ порахъ, чрезъ посредство стародубскаго коменданта, Кіевской губернской Канцеляріи. Этотъ новый порядокъ управленія раскольничьими слободами подвергался въ литературѣ разнообразнымъ толкованіямъ. Критически относясь ко всѣмъ этимъ толкованіямъ, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что въ данномъ случаѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ кіевскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ. Новое правовое положеніе стародубскихъ старообрядцевъ условливало собою и дальнѣйшій ходъ правительственныхъ мѣропріятій относительно нихъ, хотя эти мѣропріятія и не всегда отличались одинаковою мягкостію. При губернаторствѣ князя Голицына и его ближайшихъ преемниковъ малороссійскимъ

старообрядцамъ жилось въ общемъ хорошо: они пользовались даже покровительствомъ со стороны мѣстнаго начальства. Но съ 1728 г., по возстановленіи гетманства при Петрѣ II, положеніе ихъ измѣнилось значительно къ худшему. Новоизбранный гетманъ просилъ даже правительство о высылкѣ старообрадцевъ изъ Малороссіи, и хотя ходатайство это не было уважено, тѣмъ не менѣе они значительно были стѣснены, изъяты изъ вѣдѣнія Кіевской губернской канцеляріи и подчинены вновь образовавшейся при гетманѣ канцеляріи Министерскаго Правленія Малороссійскихъ дѣлъ. Эта перемѣна въ управленіи слободскихъ раскольниковъ сопровождалась для нихъ тяжелыми послѣдствіями, усилившимися послѣ первой Вѣтковской выгонки, когда на стародубскихъ раскольниковъ распространены были тѣ строгости, которымъ подвергались выведенные съ Вѣтки раскольники.—Новый поворотъ правительства къ стародубскимъ раскольникамъ относится къ царствованію Елисаветы Петровны, когда съ 1750 г. ихъ дѣлами опять стала завѣдывать Кіевская губернская канцелярія, и когда къ порубежнымъ раскольникамъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній практическаго свойства, рѣшено было относиться снисходительнѣе.— Общее заключеніе, которое можно вывести изъ тщательно составленнаго авторомъ историческаго очерка по данному вопросу, сводится къ тому, что несмотря на выпадавшія на долю стародубскихъ и черниговскихъ старообрядцевъ невзгоды и затрудненія, имъ жилось значительно вольготнѣе, чѣмъ раскольникамъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній.

Несмотря на нѣкоторые недочеты, промахи и недосмотры, многолѣтній трудъ г. Лилеева, основанный на первоисточникахъ (изъ коихъ нѣкоторые дѣлаются достояніемъ науки, благодаря автору),— трудъ, восполняющій не мало пробѣловъ въ области изслѣдуемаго предмета и освѣщающій нѣкоторыя стороны его болѣе ярко и правильно,—долженъ быть отнесенъ къ числу полезныхъ и цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи раскола.

Отзывъ нашъ о другомъ изъ поименованныхъ выше сочиненій, вслѣдствіе значительнаго объема настоящей статьи, откладываемъ до слѣдующей книжки журнала.

Проф. Кіевск. д. Акад. **С. Т. Голубевъ**.

Іеромонахъ Арсеній, синодальный миссіонеръ. *Бесѣды съ сектантами—пашковцами о разныхъ православныхъ церковныхъ обрядахъ.* Изд. 2-е. С. П. Б. 1895 г.

Миссіонерамъ хорошо извѣстны «Бесѣды» названнаго автора объ иконахъ и о храмѣ. Послѣднія представляютъ собою хорошее пособіе въ дѣлѣ полемической борьбы съ сектантами раціоналистами. Но достоинство трудовъ опытнаго о. миссіонера заключается едва ли не исключительно въ формальной сторонѣ, т. е. въ умѣньи ставить вопросы и вообще направлять ходъ бесѣды къ намѣченной цѣли. Что же касается содержанія, т. е. отвѣтовъ на возраженія, объясненія тѣхъ или иныхъ мѣстъ священнаго Писанія, и проч, то «Бесѣды» о. Арсенія весьма часто не удовлетворительны: въ иныхъ случаяхъ они не доказательны, въ другихъ—весьма натянуты. Тоже самое замѣчается и въ разсматриваемой новой книжкѣ почтеннаго автора. Прежде всего предметы, затронутые въ ней, представляются маловажными въ полемикѣ пунктами сектантскаго разногласія; таковы вопросы о камняхъ, вывезенныхъ изъ святой земли, о стопѣ Господней на горѣ Елеонской, объ обрядахъ при совершеніи таинства крещенія, о рощеніи волосъ священно-служителями—все это второстепенные, сравнительно, вопросы въ полемикѣ съ сектантами. Раскрываются они многословно, но вообще не убѣдительно и по мѣстамъ слишкомъ искусственно. Едвали кто нибудь не толко изъ сектантовъ, но и изъ благочестиво-вѣрующихъ православныхъ удовлетворится объясненіемъ о почитаніи, напр., стопы Господней, когда авторъ усиливается доказатъ это изъ священнаго Писанія. Для своей цѣли онъ приводитъ такія мѣста (Захар. 14, 4. Исаіи 60, 14. Пс. 131, 7. Іез. 43, 7), которыя не имѣютъ и тѣни отношенія къ стопѣ Спасителя на горѣ Елеонской. То же самое нужно замѣтить объ объясненіи автора касательно раздѣленія мощей на частицы.—Полимической слабости доказательствъ «о. миссіонера» соотвѣтствуетъ и слабость возраженій «пашковцевъ»: послѣдніе представлены въ книгѣ автора слишкомъ малосвѣдущими, и какъ младенцами въ полемикѣ, наивными и темными; они соглашаются со всѣми объясненіями автора и однакожъ, въ концѣ концовъ, уходятъ по всей вѣроятности неудовлетворенными.—Самая обстановка, при которой явились къ о. Миссіонеру совопросники его, представляется дѣланною, искуственною: сектанты — иконоборцы никогда не явятся въ квартиру миссіонера, чтобы поинтересоваться украшающими

его келлію святынями востока. Нельзя также пройти молчаніемъ и прямо неправильныхъ по существу мнѣній автора, заключающихся въ настоящемъ трудѣ синодальнаго о. миссіонера. На стр. 11 авторъ ясно проводитъ мысль о вездѣприсутствіи св. угодниковъ. — На стр. 69 сказано: «до преступленія Заповѣдей Божіихъ благодать крещенія находится при насъ, а *какъ только преступимъ заповѣди Божіи, то и лишаемся благодати крещенія*»(?)—Едва ли кто согласится и съ тѣмъ, будто» Св. Духъ не умолчалъ ни о какомъ нашемъ православномъ обрядѣ при таинствѣ (крещенія) и какъ чрезъ прообразы уяснилъ, такъ и черезъ пророковъ предсказалъ» (85 ст.), или—съ тѣмъ, будто обрядъ отреченія отъ сатаны при совершеніи т. крещенія существовалъ уже во времена апостоловъ (91 стран.). —Къ числу недостатковъ относится и то, что по мѣстамъ сквозитъ тонъ самохваленія (стр. 4. 5. 34.).—Лучшія страницы книжки тѣ, гдѣ говорится о дѣлахъ вѣры (54—64) и объясняются нѣкоторые обряды при совершеніи т. крещенія.

Миссіонеръ священникъ **Д. Слюсаревъ.**

ЗАМѢТКА.

Приглашеніе гр. Л. Н. Толстого Шекерами.

Новое Сл. знакомитъ читателей съ общиной шекеровъ. Шекеры—не то хлысты, не то скопцы, разсѣянные въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки, они—убѣжденные спириты, могущіе бесѣдовать «лицомъ къ лицу» съ умершими, даже родившимися еще до времени всемірнаго потопа.

Съ этими чудаками нашъ гр. Л. Н. Толстой состоитъ въ перепискѣ. Въ одномъ изъ писемъ, напечатанныхъ въ издаваемомъ шекерами журналѣ *Manifesto*, графъ, выражая свое удовольствіе, что его мысли о бракѣ одобрены общиной, продолжаетъ:

Божія правда была извѣстна всегда, какъ въ старыя времена, такъ и теперь. Истинный прогрессъ, основаніе небеснаго царства на землѣ, состоитъ не въ провозглашеніи новой правды, а въ просѣваніи правды, извѣстной намъ, при устраненіи лжи и суевѣрія, съ которыми она перемѣшана. Вы устранили много лжи и суевѣрія внѣшняго свѣта, но я боюсь, что вы усвоили новыя. Устраните ихъ, проанализируйте ихъ. Не вѣрьте въ нихъ только потому, что въ нихъ вѣрили долгое время и что они стары. Откажитесь отъ нихъ,

и ваша шекерская вѣра съ вашимъ цѣломудріемъ и духовной жизнью, вашей гуманностью, благотворительностью и ручнымъ трудомъ покоритъ міръ.

Пожауйста, извините меня, если я огорчилъ васъ. Я написалъ объ этомъ только потому, что я думаю такъ и чувствую это и люблю Бога. Я стараюсь любить его и черезъ Него любить васъ, моихъ братьевъ.

Все, что вы говорите о времени, быстро приближающемся, когда божественый свѣтъ распространится по вселенной и мракъ разсѣется—совершенная правда. Я чувствую это, а потому и пишу вамъ объ этомъ.

Вашъ въ братской любви

Левъ Толстой.

Это письмо графа, а вотъ письмо графу:

Дорогой другъ! Пріѣзжайте къ намъ и посмотрите, что сотворилъ Господь. Пріѣзжайте въ Lebanon и соединитесь съ церковью Христа втораго пришествія. Затѣмъ возвратитесь и положите основаніе такому же порядку жизни въ Россіи, съ согласія правительства, которое мы, шекеры, добудемъ для васъ. Калвинъ Гринъ, одинъ изъ нашихъ пророковъ, предсказалъ блестящую духовную работу въ Россіи. Русскій священникъ посѣтилъ Lebanon и выразилъ чрезвычайно дружелюбное къ намъ чувство. Онъ приглашалъ нашъ орденъ въ Россію. Не пришло ли время? И не вы ли этотъ человѣкъ?

Въ церкви втораго пришествія Христа правительство отъ Бога, а «не отъ народа». «Не вы меня выбрали, а я выбралъ васъ». И откровеніе Бога есть скала, на которой основана церковь. «И врата ада не одолѣютъ ю».

Неизвѣстно, поѣдетъ ли гр. Толстой въ Америку, неизвѣстно также и то, какой это священникъ приглашалъ къ намъ американскихъ чудаковъ. Ничего лучшаго не могъ бы Яснополянскій проповѣдникъ сдѣлать и для себя и для сбитыхъ съ толку своихъ послѣдователей, какъ принять это предложеніе его друзей, шекеровъ. Это было бы апогеемъ его барскаго аскетизма. Читатели изъ «Лѣтописи» за Мартъ—Апр. ж. «Мисс. Обозр.» знакомы съ порядками жизни шекеризма. Тамъ живутъ менѣе по—барски, чѣмъ въ Ясной Полянѣ.

От Кіевскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 16 мая 1897 года.
Цензоръ, Профессоръ Академіи, Протоіерей *І. Корольковъ.*

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская,. домъ № 22.

ПРОТИВОСЕКТАНТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ ежемѣсячно въ **двухъ выпускахъ**, въ объемѣ отъ 8 и болѣе печатныхъ листовъ.

Посвящается дѣлу, такъ называемой, **внутренней**, по преимуществу **противосектантской миссіи** отечественной Церкви, въ борьбѣ ея съ *раціоналистическимъ и мистическимъ сектантствомъ*, существующимъ среди православнаго населенія многихъ епархій, то въ видѣ старыхъ сектъ—*духоборства*, *молоканства*, *жидовства*, то въ новѣйшихъ формахъ—*штунды*, *баптизма*, *пашковщины*, *толстовщины*, а также въ видѣ тайныхъ сектъ—*хлыстовства*, *шалопутства*, *мормонства*, *скопчества* и др., **противораскольничьей** миссіи.

Во вторые выпуски журнала входятъ отдѣлы:

I) **Положительное изъясненіе и полемико-истолковательный разборъ мѣстъ Свящ. Писанія**, извращаемыхъ лжеученіями русскаго сектантства. II) **Извлеченіе изъ твореній св. отцевъ** (преимущественно II—IV вв.) и произведеній знаменитѣйшихъ авторовъ отечественной Церкви—ученія о тѣхъ догматическихъ, нравственныхъ и обрядовыхъ истинахъ вѣры, относительно коихъ неправо мыслятъ русскіе сектанты. III) **Очерки и разсказы** изъ религіозной и бытовой жизни, русскаго сектантства и раскола. IV) **Бесѣды** въ обличеніе лжемудрованій русскаго сектантства и раскола. V) **Догматическія** проповѣди, **катихизическія** поученія и **библійско-истолковательныя** бесѣды. VI) **Внѣбогослужебныя чтенія и собесѣдованія.** VII) **Миссіонерскіе листки**, представляющіе отвѣты изъ слова Божія вопрошающимъ.

Въ книжкахъ **втораго выпуска** предметомъ особыхъ заботъ Редакціи будетъ **проповѣднической** отдѣлъ. Здѣсь, на ряду съ догматическими и катихизическими поученіями, будутъ помѣщаться **апологетическія поученія** и **обличительныя** противъ заблужденій **сектантства и раскола**, а также **бесѣды на евангельскія** и **апостольскія** чтенія, съ святоотеческимъ истолкованіемъ извращаемыхъ сектантскимъ лжемудрованіемъ текстовъ новозавѣтнаго Писанія.

Въ отдѣлѣ **внѣбогослужебныхъ чтеній** приготовлены къ печати **историко-апологетическіе очерки** *жизни и письменности* **мужей апостольскихъ и вселенскихъ отцевъ и учителей первыхъ 3 вѣковъ**, какъ неложныхъ свидѣтелей истины, содержимой православною Церковью.

Независимо отъ напечатанія въ журналѣ «**Миссіонерскихъ листковъ**»,—по нѣкоторымъ догматическимъ вопросамъ, послѣдніе издаются въ форматѣ **стѣнныхъ**, а также **отдѣльными брошю-**

рами съ священными изображеніями, соотвѣтственными содержанію, въ противовѣсъ сектантству, искусно пользующемуся для распространенія своего лжеученія особыми стѣнными таблицами и листами, съ напечатанными на нихъ въ тенденціозномъ подборѣ текстами св. Писанія.

Такимъ образомъ, представляя вполнѣ обработанный и готовый матеріалъ для учительства *въ церкви, внѣ церкви и въ школѣ*, книжки втораго выпуска предназначаются для всѣхъ чадъ православной Церкви, **да нѣкоторое будетъ имъ подано духовное дарованіе** (Римл. I. II): здравымъ и богатымъ вѣрою въ вящшему **возрастанію** и обогащенію, немощнымъ и колеблющимся къ **утвержденію и охраненію,** заблуждающимъ **ко вразумленію;** согрѣшающимъ **ко исправленію** «доколѣ всѣ придутъ въ мѣру полнаго возраста Христова, Который есть Глава Церкви—Тѣла Своего». (Еф. IV, 12—15 ср. 2 Тим. Ш, 15 и 16). **Противящимся** истинѣ Божіей и отпадшимъ отъ Церкви дано будетъ здѣсь не мало потребныхъ наставленій, увѣщаній и обличеній въ духѣ **кротости со всякимъ долготерпѣніемъ, не дастъ-ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины.** (2 Тим. II, 25).

Редакція „Миссіонерскаго Обозрѣнія", въ чувствѣ глубочайшаго почитанія Особы Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Іоанникія, сочла своимъ долгомъ, въ ознаменованіе исполнившагося въ истекшемъ году 35-лѣтія святительскаго служенія высокочтимаго доблестнаго іерарха Русской Церкви, исходатайствовать себѣ у Его Высокопреосвященства дорогое право печатать въ журналѣ **слова и рѣчи,** произнесенныя архипастыремъ въ разныхъ мѣстахъ его епископства, доселѣ неизданныя, представляющія собою **высокіе образцы** церковнаго проповѣдничества. **Проповѣди Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго Іоанникія** печатаются *особымъ приложеніемъ* во **вторыхъ** выпускахъ «Миссіонер. Обозрѣнія» съ начала 1897 г.

Цѣна годовому изданію журнала въ **24 выпуска** со всѣми приложеніями и пересылкою прежняя—**пять** руб., при подпискѣ на полугодіе **три** руб., заграницу **семь** руб.

Желающіе при журналѣ получить 8 выпусковъ *Миссіонерскихъ листковъ* изданія 1896 года, а равно и имѣющіе выйти въ новомъ году отдѣльными отъ журнала **брошюрами и стѣнными листами** прилагаютъ **одинъ** руб. къ подписной цѣнѣ.

Подписка принимается и на журналъ 1896 г. Цѣна годов. изд. **5** р. Съ требованіями обращаться въ **Кіевъ,** въ Редакцію журнала «Миссіонерскаго Обозрѣнія».

Редакторъ-издатель **В. М. Скворцовъ.**

Редакторъ **Н. В. Переверзевъ.**

Во избѣжаніе прекращенія высылки журнала за 2-е полугодіе, Редакція покорнѣйше проситъ тѣхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за I-е полугодіе—поспѣшить высылкою такихъ за 2-е полугодіе.